

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК:
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ**

Новосибирск, 2012 г.

УДК 3
ББК 6/8
А 43

А 43 «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (20 февраля 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. — 162с.

ISBN 978-5-4379-0043-7

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных общественных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития общественных наук.

ББК 6/8

ISBN 978-5-4379-0043-7

© НП «Сибирская ассоциация консультантов», 2012 г.

Оглавление

Секция 1. Политология	7
1.1. История и теория политики	7
ФЕНОМЕН ИМПЕРИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ XXI СТОЛЕТИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ Рогов Илья Игоревич	7
1.2. Политика в России	11
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА Гарифуллина Эльвира Фатиховна	11
1.3. Социология и психология политики	15
НОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДЕТЕРМИНАНТАХ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА Антоненков Валерий Анатольевич	15
1.4. Политический менеджмент	18
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ Трутнев Роман Александрович	18
Секция 2. Социология	22
2.1. Методология и методика социологического исследования	22
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ В ИЗУЧЕНИИ ГОРОДСКИХ ПРОЦЕССОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР Козлова Инга Владимировна	22
2.2. Социология управления	31
РОЛЬ МИКРОФИНАНСИРОВАНИЯ В РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТА СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ Сизова Галина Тимофеевна	31

2.3. Социология личности	37
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЗЛИЧНЫХ СФЕР ЗНАНИЯ В ПОНИМАНИИ ЦЕЛОСТНОГО ЧЕЛОВЕКА Бабич Ирина Николаевна	37
НОВЫЕ ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ) Вишнякова Алена Александровна	41
2.4. Социология коммуникаций	46
ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ — ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОБНОВЛЕНИЯ И МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ Назаркасымов Сарвар Инатиллаевич	46
2.5. Социология международных отношений	51
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ Салатова Александра Александровна	51
Секция 3. Философия	56
3.1. Философия, и ее роль в современном обществе	56
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ПОСТРАЦИОНАЛЬНОСТЬ (АНТРОПНЫЙ АСПЕКТ) Гайдабрус Наталья Викторовна	56
3.2. Социальная философия	60
ОБЩЕНАУЧНЫЕ КАТЕГОРИИ «ОДНОРОДНОСТЬ» И «НЕОДНОРОДНОСТЬ» КАК ФОРМЫ ПОЗНАНИЯ Гимаева Алсу Ильгизьяровна	60
«ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО НРАВСТВЕННОСТИ» И ИДЕЯ ГУМАНИЗМА В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ Григорян Татевик Вартановна	65
3.3. Онтология и теория познания	73
КОНТРАРНОСТЬ СУЖДЕНИЙ И «КОНТРАДИКТОРНОСТЬ» Кулаков Иннокентий Дмитриевич	73

3.4. Философские проблемы образования	78
ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК МЕТОД ГУМАНИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА Шереметьева Лариса Николаевна	78
Секция 4. История	85
4.1. История России	85
НЭП НА СТАВРОПОЛЬЕ: ИЗ ОПЫТА РЕГИОНАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ Ляшенко Елена Викторовна	85
ЗЕМСТВО КАК АРЕНА ДЛЯ ДИСКУССИЙ: АНАЛИЗ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ «ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР» КОНСЕРВАТОРОВ И ЛИБЕРАЛОВ 60—80-Х ГОДОВ XIX ВЕКА Куликова Светлана Геннадьевна	91
4.2. Всемирная история	103
АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ ССРБ (ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ 1919 г.) Елизаров Сергей Александрович	103
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГАЛЛЬСКОМ И ГЕРМАНСКОМ ОБЩЕСТВАХ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ РОМАНИЗАЦИИ В I ВЕКЕ ДО Н.Э. — ПЕРВОЙ ТРЕТИ III ВЕКА Н. Э. Чернова Анастасия Юрьевна	109
4.3. Этнология	115
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДЕ ШОРЦЕВ МЕЖДУРЕЧЕНСКОГО РАЙОНА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (на примере пос. Ортон и близлежащих населенных пунктов) Новиков Дмитрий Валерьевич	115
4.4. История науки и техники	124
ПЕРВЫЕ РЕАКТОРА АЛКИЛИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И АМЕРИКАНСКОГО ПРОИЗВОДСТВА Магомадова Мадина Хусейновна Ахмадова Хава Хамидовна Сыркин Алик Михайлович	124

ОСНОВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, СОВЕЩАНИЯ И КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗВИТИЮ ПРОЦЕССА КРЕКИНГА В СССР В 1928—1932 гг. Ахмадова Хава Хамидовна Сыркин Алик Михайлович Идрисова Элиза Усамовна	128
ОРГАНИЗАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО НЕФТЯНОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ОБОРУДОВАНИЯ ДЛЯ КРЕКИНГ-УСТАНОВОК Ахмадова Хава Хамидовна Сыркин Алик Михайлович Абдулмежидова Зулай Абдуловна	133
4.5. Книговедение и библиотековедение	138
МАССОВЫЕ БИБЛИОТЕКИ УРАЛА В 1990-Е ГОДЫ Константинова Альфия Гумаровна	138
4.6. Историография, источниковедение и специальные исторические дисциплины	142
НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ, ИХ МЕСТО И РОЛЬ В КУЛЬТУРЕ Федотова Наталья Андреевна	142
ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗЕРНИНА А. П.) Грекова Олеся Витальевна	148
УКРАИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917—1921 гг. В МЕМУАРАХ ДОРОШЕНКО Д. И. Пархоменко Владислав Анатольевич	153
ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РАННЕГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ И МЕННОНИТОВ ЮГА УКРАИНЫ: К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА И РАЗВИТИЯ Хрящевская Людмила Михайловна	157

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

ФЕНОМЕН ИМПЕРИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ XXI СТОЛЕТИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рогов Илья Игоревич

*кандидат философских наук, доцент кафедры социологии
Южно-Российского института-филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(ЮР ИФ РАНХиГС) г. Ростов-на-Дону
E-mail: rogov.skags@narod.ru*

Конец XX века, ознаменовавшийся серьёзными изменениями на мировой политической арене, поставил по-новому вопрос о движущих силах политики и истории. Примерно в одно время с крушением социалистического лагеря и развалом Советского Союза, появились различные теории, рефлексирющие о судьбах цивилизации, среди которых наиболее заметны работы С. Хантингтона и Фр. Фукуямы [3; 4]. Одновременно произошла эворкация некоторых полузабытых терминов символического порядка. Одно из этих возрождённых понятий — империя, дискуссия о которой выступает на одно из первых мест в социологии и теории культуры. Дискуссия эта содержит такие основные проблемы как основание, распад и возрождение империй; интерпретация роли и сущности империй в истории цивилизации; имперском сознании и имперской идеологии; институализации империи внутри и вне себя; политических режимах в контексте имперского развития этносов; возможность существования гражданского общества в империи и степень его актуализации в последней.

Политические системы прошлого и будущего неразрывно связаны с империей как макросоциальным образованием. Империя выступает в качестве одного из основных содержаний политических дискуссий в современных России, Евросоюзе и США. При этом ставятся на повестку вопросы о привлекательности имперской идеологии как в

«традиционно-имперском» так и в «традиционно-либеральном» типах политической культуры.

Неоднозначность ассоциативного отношения к самому термину «империя» значительно осложняет любую попытку анализа реально-существующих имперских систем. В западноевропейской традиции, где термин «империя» последовательно дискредитировался борьбой Священной Римской Империи с папством, наполеоновскими войнами, Третьим Рейхом, традиционной считается точка зрения на империю как на морально устаревшее социальное устройство авторитарного характера. Новое направление связано с именами М. Хардта и А. Негри, которые, предполагая в будущем новый виток макроэкономического и макросоциального развития общества, называют его «империей» [5]. Однако, так понятая империя наполнена совершенно иным содержанием, и едва ли можно утверждать, что это понятие стоит в одном ряду с классическим значением... В американских исследованиях стоит обратить внимание на геополитический аспект, а именно на «влияние морской силы на историю», в концептуальных рамках которого обращается уже более ста лет со времени А. Мэхена подавляющее большинство заокеанских теоретиков [2].

В России отношении к империи варьировалось в зависимости от господствующего политического режима. При правлении династии Романовых империя понималась как нечто данное свыше «божьем установлением», а потому рефлексировать о её устройстве и перспективах развития было бессмысленно как бессмысленно рефлексировать о промысле Божиим. Марксистская точка зрения в лице Ленина В. И. придаёт понятию «империи» негативную окраску, ассоциируя последнюю с империализмом как последней стадией капитализма, связанную с торговыми монополиями [1]. Такая позиция, оправданная на рубеже XIX—XX веков, превратилась в чистейший вид догматики после Второй Мировой войны и советской политической элитой (и, как следствие, научной мыслью) ничего не было сделано для осмысления своего имперского существования в ситуации тогда ещё биполярного мира. После распада Советского Союза отношение к империи претерпело долгий путь от однозначно негативного, когда само употребление термина могло быть расценено как симпатии к тоталитарному прошлому, до возрождения научного интереса в наши дни. Это связано во-первых, с дискредитацией идеи либеральных реформ, а во-вторых, с осознанием значительной частью общества того простого факта, что геополитические интересы страны не меняются аналогично смене политических режимов и требуют фактического продолжения политики Российской империи и Советского Союза, пусть и в более цивилизованной форме. Отвечая на вызовы окружающего мира, мы вынужденно воспроизводим имперскую модель, поскольку она за почти тысячелетнее существование на этой территории функционирует устой-

чивей любой другой модели. Поэтому в построении демократического политического режима наряду с западными нововведениями целесообразно обратиться к таким традиционно-имперским технологиям как разрешение конфликтных напряжений между элитами по оси «центр-периферия». Существование в России множества конфессий и национальностей порождает более многообразное конфликтное содержание чем в преимущественно моноэтнических «государствах-нациях» Западной Европы. Соответственно отечественные имперские традиции представляются для регуляции социальных конфликтов более перспективными нежели классические либеральные, которые даже не сталкивались с таким многообразием потенциальных конфликтов.

Эти и другие проблемы требующие разрешения позволяют охарактеризовать современную стадию осознания имперского феномена следующим образом.

Существующий в специальной литературе термин «империя» используется преимущественно в «дескриптивном» значении, тогда как его применение в качестве эвристического конструкта, имеющего многоуровневое содержание, расширяет возможности теоретического осмысления эмпирического материала политической истории вплоть до построения классификации имперских систем в рамках философии истории.

Некоторые этносы, проходящие универсальный путь развития, в состоянии интегрировать социальную энергию близлежащих этносов, включая их в свою локальность, достигающую макрообъёмов социального образования, которое традиционно ассоциируют как политическую империю. Империя позволяет интегрировать ресурсы таким образом, который превращает её в сверхгосударство, приобретающее в рамках данного региона качество «универсальности». Если использовать категории пассионарной концепции, то можно утверждать, что империя — это политически-оформленный итог любого успешного этнического развития, в котором у каждого конкретного этноса есть потенциал выйти на суперэтнический уровень развития.

Империей по содержанию можно назвать такое государственное образование, которое, существуя значительный временной промежуток, обладает идеологической определённой и значительным пространственно-ресурсным потенциалом в данной исторической конкретности. Все остальные социальные конструкты нельзя считать подлинными «империями», поскольку они обладают лишь формальным подобием истинно-сущих империй и существуют без ресурсной самодостаточности.

Исследователи, находящиеся в разных парадигмальных установках, выделяют неотъемлемые признаки империи, которые могут совпадать. Можно так же предположить, что необходимый минимум атрибутов империи, наделяющий её свойством универсальности как культурной системы, может быть сведён до трёх. Большое пространство, Имперская

идея и длительный цикл существования позволяют империи осуществлять культурную, экономическую и военную экспансию наиболее существенно. Использование минимального количества оснований даёт возможность непредвзятой попытки анализа потенциала развития как классической концепции так и новых интерпретаций империи.

Атлантические империи Западной Европы Нового Времени осуществляли воспроизводство за счёт пространственной экспансии, обеспечивающей присвоение метрополией ресурсов многочисленных колоний, которые позволили осуществить промышленную революцию. Социально-оформленным итогом и идеологическим символом их развития стал империализм. Тоталитарные империи XX века представляли собой воспроизводство промышленного типа при дефиците внутренних и внешних ресурсов, которые нейтрализовывались за счёт использования ресурсов, получаемых за счёт внешней экспансии и превращения населения территории в ресурс империи. Технологический прогресс Западного общества не позволял тоталитарным империям расширять экспансию безгранично, определив тем самым необходимость замыкания их на себя.

Появившись в доиндустриальный период, империя как экспансионистская система существенно обогатилась новыми характеристиками в период колониализма и перешла от однонаправленного вектора развития «периферия-центр» к стадии циркуляции ресурсов, полноценной в той стадии, насколько позволяет современный уровень развития индустриальных отношений. Принципиальную роль в «либерализации» имперской внутренней политики сыграли демократические, олигархические и иные элиты, пришедшие на смену наследственной форме правления, а так же промышленная и научная революции, которые вывели экономическую сферу на принципиальный, системообразующий уровень развития.

Итак, процесс глобализации, связанный с развитием информационных технологий, может развиваться в имперском направлении, связанным с попыткой лидирующих стран структурировать ресурсы в соответствии с промышленными пропорциями. Научной мысли должно осознать потенциал такого развития, чтобы преодолеть в будущем формы социального отчуждения, свойственные предыдущим имперским образованиям.

Список литературы:

1. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. — М. ЛКИ 2010.
2. Мэхен А. Влияние морской силы на историю 1660—1783. — СПб.: Terra Fantastica, 2002 Фукуяма Ф. Великий разрыв. — М. АСТ. 2008;
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003
4. Хардт М. Негри А. Империя. — М. 2004.

1.2. ПОЛИТИКА В РОССИИ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Гарифуллина Эльвира Фатиховна

ассистент ФГБОУ ВПО БашГАУ, г. Уфа

E-mail: Elika7799@yandex.ru

В начале XXI века в мире произошло очень много важных изменений, но, тем не менее, среди них есть одно, на наш взгляд ключевое, о котором пока еще мало говорят. Это становление человеческого капитала в первостепенный фактор развития современного государства и гражданского общества. Если некогда решающими факторами являлись военная мощь, развитая экономическая система, информационно-технические достижения, то сегодня им становится человеческий капитал. В нынешней России, которая переходит в качественно новое состояние от стабилизации к инновационному социально-ориентированному этапу развития, оно имеет особенное значение. Именно в этом и заключается основная мысль новой политики государства и приоритетных национальных проектов. Мы считаем, что в основе формирования новой идеологии и стратегии опережающего развития России должно быть развитие человеческого капитала.

Актуальность исследуемой темы подчеркивает и известный исследователь — политолог Алексей Подберезкин, который пишет: «Взять хотя бы выступление Медведева Д. на экономическом форуме в Санкт-Петербурге в июне 2007 года, где он изначально заявил о том, что «главная цель деятельности нашего государства — развитие потенциала человеческой личности». Можно признать, что в 2006—2007 годы во многом благодаря реализации нацпроектов, тема развития потенциала человеческой личности с трудом, но пробивала себе дорогу. И на заседаниях правительства, и в выступлениях президента РФ, в высказываниях ведущих политиков и чиновников она постепенно становилась в эти годы ведущей темой. Но пока еще так и не стала» [1, с. 127].

При этом важно отличать человеческий капитал от человеческого потенциала. Индекс человеческого потенциала страны или региона рассчитывается по трем показателям: ВВП (или ВРП), продолжительности жизни и грамотности взрослого населения. То есть это более узкое понятие, чем человеческий капитал. Последний поглощает понятие человеческого потенциала как свою укрупненную составляющую.

Проанализировав ежегодные Послания Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации Дмитрия Анатольевича Медведева стало ясно, что главной политико-идеологической задачей нашего государства на нынешнем этапе, основой его деятельности стал человек. Президент Дмитрий Медведев подчеркивает значимость формирования новой личности, обладающей потенциалом, который обеспечивал бы ей востребованность как на отечественном, так и на международном рынке труда [2]. По его мнению, «модернизация — не самоцель, а инструмент создания условий для раскрытия способностей прежде всего молодых людей. Дух новаторства, желание делать что-то новое, дерзость мысли сегодня очень нужны нашей стране» [3].

При этом стоит отметить, что важность развития человеческого капитала признают и руководители нашего государства [4], и мыслители [5], и граждане [6].

Нынешние условия глобализации экономики и политики снова сосредоточили интерес политологов, социологов и экономистов к человеку, а точнее к его внутреннему «содержанию» — капиталу его образования, капиталу культуры, капиталу здоровья и т. д. Поэтому сегодня в современной России и в мире всё большую актуальность завоевывают исследования в области человеческого капитала.

В научной литературе [7; 8; 9; 10; 11; 12] не сложилось единое мнение о том, что есть человеческий капитал и какова его структура, какие элементы объективно должны включаться в состав человеческого капитала. Современные отечественные исследователи, занимающиеся проблемой человеческого капитала — Ханнанова Т. Р. и Дулясова М. В. считают, что человеческий капитал — явление, гораздо более многогранное, чем это представляется в имеющихся научных публикациях; настолько многогранное, насколько многогранен сам человек как его носитель, воспроизводитель, источник. Человек — вот объективная основа многогранности человеческого капитала и полиструктурности его строения. А полиструктурные, сложные строение и содержание человеческого капитала определяют в свою очередь его многомерность [13].

Так как о необходимости развития человеческого капитала в России начали говорить лишь в начале XXI века, поэтому, сегодня роль государства в этом процессе становится решающей. И от того какую политику государство будет проводить в области развития человеческого капитала, будет зависеть наше будущее.

Под государственной политикой в области развития человеческого капитала, мы понимаем, комплекс политических, правовых, экономических, социально-культурных и организационных мероприятий государства, направленные на развитие основных элементов человеческого капитала.

Таким образом, сегодня остро встает вопрос модернизации государственной политики в области развития человеческого капитала.

По нашему мнению, основными направлениями государственной политики в области развития человеческого капитала должны стать:

- создание специализированных органов управления человеческим капиталом в целях его развития, координации и унификации на общенациональном, региональном и муниципальном уровнях;
- разработка и принятие системы нормативных актов федерального, регионального, муниципального, локального и индивидуального уровней регулирования, направленных на развитие человеческого капитала страны;
- в правовом регулировании человеческого капитала, мы считаем, правильным применение программно-целевого метода.

Исходя из программно-целевого метода, система источников правового регулирования человеческого капитала нами представляется следующим образом:

- источники правового регулирования в области развития образования;
- источники правового регулирования в области развития здравоохранения;
- источники правового регулирования в области развития культуры.

Данные нами предложения по модернизации государственной политики в области развития человеческого капитала могут быть использованы органами государственной власти и управления, органами местного самоуправления, экспертным сообществом, представителями общественных организаций и бизнес — сообществ, других заинтересованных субъектов по вопросам развития человеческого капитала.

Список литературы:

1. Вологина Г. Ю. Экономика труда: (социально-трудовые отношения): учеб. пособие. — М: Экзамен, 2006.
2. Генкин Б. М. Организация, нормирование и оплата труда на промышленных предприятиях: учебник. — М.: Норма, 2003. — 230 с.
3. Дулясова М. В. Социальная защита работника: жизнь, здоровье, деловая репутация: учеб. пособие. — М.: Экономика, 2008.
4. Инвестиции в человеческий капитал оказались одними из самых эффективных: Выступление Медведева Д. на заседании Совета при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике // [электронный ресурс] — Режим доступа URL: http://www.rost.ru/themes/2007/12/251207_12170.shtml
5. Колосницына М. Г. Экономика труда: учебное пособие. — М: Магистр, 1998.
6. Мазин А.Л. Экономика труда: учебник. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
7. Подберезкин А. Человеческий КАПИТАЛЬ. — М.: Европа, 2007. — 434 с.
8. Попов А. Политическая модернизация // РБК. 2009. N 7. С. 31.
9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 г. // Российская газета 2009 от 13 ноября. № 50 (38).
10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 30 ноября 2010 г. // Российская газета. 2010. 1 декабря. № 5350 (271) // URL: <http://www.rg.ru/2010/11/30/poslanie-tekst.html>
11. Солженицын А. Что нам по силам? // Аргументы и факты. 2008 г. 30 января.
12. Щегинин В. Цена труда в России — меньше не бывает // Человек и труд 1999. № 7, 8, 11; 2000. № 1.
13. Як Фитценц Рентабельность инвестиций в персонал: измерение экономической ценности персонала: учебник — пер. с англ. Меньшикова А. С., Леонова Ю. П. / Под общей ред. Ярных В. И. — М.: Вершина, 2006.

1.3. СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

НОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДЕТЕРМИНАНТАХ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Антоненков Валерий Анатольевич

независимый исследователь, г. Санкт-Петербург

E-mail: awa@km.ru

Анализ и сопоставление современных знаний из психологии, социологии, политологии, генетики о путях и способах формирования сознания и мировоззрения человека и роли их в развитии общества, позволяет сделать вывод о существовании некоторых, не достаточно изученных, закономерностей в этой области.

Согласно типологической модели личности, описанной выдающимся швейцарским психиатром и психоаналитиком К. Г. Юнгом, психологическая структура личности человека основана на четырёх базовых психологических функциях, заложенных природой в каждого человека с рождения. Из этих четырёх функций одна — ведущая или программная, причём, у каждого человека — своя, оказывает наибольшее влияние на формирование мировоззрения. По названию и проявлению ведущей психологической функции К. Юнг разделил всех людей на четыре базовых психологических типа — *мыслящий, чувствующий, осязающий и интуитивный* [1, с. 194], и, соответственно, на четыре группы, объединяющие людей одного психологического типа. Людей, сгруппированных по этому признаку, современные последователи Юнга К. Г. называют, соответственно, *логиками, этиками, сенсориками и интуитами*.

Анализируя характерные особенности базовых психологических типов, описанные К. Г. Юнгом по результатам его многолетних наблюдений, можно заметить, что каждый из четырёх типов и соответственно каждая из четырёх групп отличаются своим, врожденным, заложенным на уровне подсознания, присущим только этой группе, способом мировосприятия и миропонимания, формирующим сознание и мировоззренческие основы личности по одному из четырёх вариантов ориентации личности.

Каждый из этих вариантов ориентации личности — это некая внутренняя индивидуальная установка и программа на её реализацию, то есть, каждая группа «запрограммирована» природой, на генетическом уровне, на формирование личности каждого представителя группы, как носителя определённой миссии и исполнителя определённой роли в соответствии со своей врождённой индивидуальной программой (ведущей функцией).

Изучая и сравнивая описания отличительных особенностей четырёх психологических типов или вариантов ориентации личности, приведенных Юнгом К. в своих работах, не трудно заметить, что они, удивительным образом, соответствуют описаниям основополагающих принципов четырёх базовых идеологий, знакомых нам из политологии, где эти идеологии описаны многими авторами и общеизвестны как *либерализм, социализм, демократизм, консерватизм*. (Термин «демократизм» используется автором как название идеологии, а не как производное от названия формы правления).

Из этого можно сделать заключение, что каждый человек, от рождения, в соответствии со своим генетически заложенным психологическим типом, обладает предрасположенностью к соответствующей *идеологической ориентации* и «запрограммирован» на действия в соответствии со «своей» идеологией.

Исходя из вышеизложенного, закономерен вывод о том, что каждый человек входит в одну из четырёх, примерно равных, глобальных групп, предназначенных природой для выполнения в социуме миссии по реализации принципов одной из четырёх идеологических программ. Соответственно: *интуиты — либерализма, сенсорики — социализма, этики — демократизма, логики — консерватизма*.

Эти группы, названные автором *генетически ориентированные ролевые группы* (ГОРГ) — крупнейшие естественные структурообразующие элементы общества, каждый из которых обладает и отличается индивидуальной, врождённой, объединяющей совокупностью высших идейно-духовных ценностей.

Высшие ценности всех четырёх ГОРГ, по всей видимости, охватывают весь спектр мировоззренческих идеалов, заложенных в подсознании людей в виде психологических функций, а осознанные, сформулированные и обобщенные лучшими представителями каждой ГОРГ, высшие идейно-духовные ценности представляют собой совокупность известных нам принципов четырёх базовых идеологий.

Представители каждой из ГОРГ стремятся в социуме к выполнению своей, генетически обусловленной, миссии по

распространению принципов своей идеологии в материальной, социальной и духовной сферах деятельности человека. Выполнению, в той или иной форме и степени, осознанно или бессознательно, роли проводников своих идей при практическом формировании и организации окружающей социальной среды — экономики и культуры, общества и государства.

Противоречивость базовых идеологий, с одной стороны, и внутренняя убежденность в правоте и приоритете своей идеологии членов каждой из ГОРГ — с другой, порождают неизбежное противостояние, соперничество и борьбу между представителями различных ГОРГ за верховенство и господство своих идеалов и принципов в обществе.

В этих конфликтах между ГОРГ, по всей видимости, скрываются истинные причины гражданских войн и революций, смен политических режимов и элит, соперничества научных идей и творческих достижений, а главное — в этом ***первоисточник и скрытый природный механизм движения и развития общества.***

Такова, вкратце и схематично, без учёта влияния других факторов, суть новой гипотезы о детерминантах и движущих силах социально-политических процессов.

Предлагаемые автором умозаключения основаны на длительном анализе и сопоставлении общеизвестных и признанных многими фактов и идей. Новым является вывод — *о существовании ГОРГ и их роли в общественно-исторических процессах*, сделанный автором на основании соединения, нового прочтения и трактовки имеющейся информации из различных областей знаний.

Подтверждение и признание предложенной гипотезы может иметь серьёзные последствия в политике, т.к. практическое применение «теории ГОРГ», при соответствующей методологической проработке, позволит с большой степенью достоверности анализировать и прогнозировать общественно-политические процессы, а в дальнейшем — целенаправленно планировать и эффективно управлять ими.

Список литературы:

1. Дарэл Шарп. «Психологические типы. Юнговская типологическая модель», Пер. с английского Зеленского В., Санкт-Петербург, Б. С. К., 1996 г. — 215 с.

1.4. ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Трутнев Роман Александрович

аспирант СамГУПС, г. Самара

E-mail: breaknet@list.ru

В Российской Федерации существует проблема понимания целей и задач информационной политики органами местного самоуправления. В каких-то муниципальных образованиях отделы по связям с общественностью и СМИ просто переименованы без изменения функций, в других же, под информационной политикой понимают исключительно информатизацию. Поэтому остро встаёт вопрос определения всей полноты функций, которыми должны быть наделены структурные подразделения органов местного самоуправления ответственные за реализацию данной сферы.

Так, например, в г.о. Тольятти при Управлении по оргработе и связям с общественностью существует отдел информационной политики. Согласно положению об отделе, его основными задачами являются:

- организация сбора и оперативного доведения до средств массовой информации (далее по тексту — СМИ) города и области информации о деятельности мэрии, структурных подразделений мэрии, муниципальных учреждений и предприятий по основным вопросам жизнеобеспечения города.
- организация сбора и оперативного доведения до средств СМИ информации о деятельности мэра и заместителей мэра.
- проведение разъяснительной работы по принятым решениям, социально-значимым программам исполнительных органов местного самоуправления.
- организация работы со СМИ города, области.
- систематизация и анализ материалов городских СМИ, касающихся деятельности исполнительных органов местного самоуправления.

Изучив внимательно эти задачи, можно сделать вывод, что это типичная пресс-служба. Этот пример ярко подтверждает, что проблема понимания того, что такое на самом деле информационная политика и что в неё входит, является очень серьёзной.

Стоит обратить внимание и на определения, которые дают учёные, исследующие данную проблематику. Так Попов В. Д. даёт следующее определение: «Информационная политика — это деятельность людей, связанная с властными отношениями в информационной сфере, прежде всего с информационно-коммуникативными отношениями как новым видом бурно развивающихся общественных отношений. Это и искусство управления этими отношениями, информационными процессами, потоками, системой СМИ и массовых коммуникаций в целях реализации национальных интересов России» [3, с. 49]. Данное определение является общим и не отражает всю суть информационной политики, так как не установлена роль обратной связи с общественностью и её важность.

По мнению Манойло А. В.: «Государственная информационная политика — деятельность системы органов государственной власти и управления по достижению национальных интересов в информационно-психологической сфере, компетенция которых определяется действующим, стремительно развивающимся информационным законодательством» [1, с. 172]. У данного определения есть также существенный минус, так как оно опять же рассматривает информационную политику только с точки зрения государства.

Следует проанализировать и определение, данное Андреем Мозолиным, так как оно переводит это понятие уже в более практическую плоскость и показывает, какая цель является главной в России при осуществлении информационной политики органами государственной власти и местного самоуправления. По его мнению под информационной политикой стоит понимать «ряд целенаправленных действий, связанных с внедрением определённых информационных положений в сознание различных социальных групп и позволяющих сформировать и защитить положительный образ конкретного органа власти в целом, а также его руководства, и в первую очередь — высшего руководящего лица» [2, с. 54]. То есть главной целью является создание исключительно положительного образа власти, независимо от реального положения дел, тогда как мнение населения и его требования отходят на второй план. Главное — внушить правильность любых действий власти.

Более близкое к действительным целям определение информационной политики даёт Савинова О. Н. Она считает, что цель

её — с одной стороны — обеспечить широкое и адекватное информирование всей общественности и отдельных специализированных групп о деятельности органов власти; а с другой — собрать информацию о потребностях населения [4, с. 27] Здесь уже прямо говорится, что одной из главных целей является учёт мнения общественности и обязательное взаимодействие органов власти с населением, то, что обычно игнорируется в других определениях. Невозможно построить информационное и демократически развитое общество, если мнение населения игнорируется и навязывается ему то, которое выгодно государству. То есть власть, в конечном итоге, должна быть открытой.

Однозначное определение информационной политики дать сложно, так как все её основные элементы взаимосвязаны друг с другом и имеют обратную связь, а сфера информации должна быть открытой и свободной для восприятия каждым элементом. Отдельно выступают информационные технологии, т.к. они являются исключительно инструментом информационной политики в виде информатизации.

У информационной политики очень сложная субъектно-объективная составляющая. Так органы местного самоуправления и общественность одновременно выступают объектом и субъектом, так как находятся в постоянной взаимосвязи и воздействуют друг на друга. Ещё сложнее со СМИ, так как они также являются и субъектом и объектом, но при этом ещё и выполняют функции инструмента информационной политики. Это объясняется тем, что, как население может использовать СМИ для влияния на органы местного самоуправления, так и органы для влияния на население. Но в России, к сожалению, в подавляющем большинстве случаев на уровне местного самоуправления СМИ находятся исключительно под контролем власти.

Поэтому остро встаёт вопрос, какими же действительно функциями должен обладать отдел информационной политики в органах местного самоуправления в обществе с открытым доступом к информации и наличием обратной связи. Примерно они должны выглядеть вот так:

- связи со СМИ. Сюда входит организация работы со всеми СМИ, освещающими жизнь муниципалитета — аккредитация журналистов, подготовка пресс-релизов, организация пресс-конференций и встреч журналистов с должностными лицами, ответы на запросы — это основа. В том числе, организация официального источника опубликования муниципальных правовых актов.

- информатизация. К ней относится создание единой городской информационной базы, к которой гражданин имел бы доступ через специализированные места или даже через свой рабочий компьютер. Главной целью является увеличение открытости и доступности информации, а также сокращение личного контакта чиновники и населения при оказании им муниципальных услуг. Это сокращает очереди, делает доступнее услуги и уменьшает коррупционный фактор (примером могут служить Многофункциональные центры).

- связи с общественностью. Самый сложный элемент, который зачастую игнорируется органами местного самоуправления или исполняется недостаточно. Сюда входят личные встречи должностных лиц с населением, работа на местах, наличие развитой системы обратной связи с гражданами, которая позволяет выявлять проблемы максимально быстро. Сюда также входит создание ТОСов, проведение открытых публичных слушаний по бюджету и генплану (участие населения не только в принятии, но и разработке).

Список литературы:

1. Манойло А. В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. / Манойло А. В. — М.: МИФИ, 2003. — 388 с
2. Мозолин А. В. Что должен знать и уметь специалист по информационной политике? // Пресс-служба. — 2010. — № 10. — С. 53—62.
3. Попов В. Д. Социальная информациология и журналистика: Учебное пособие. / Попов В. Д. — М.: Изд-во РАГС, 2007. — 336 с
4. Тимофеева Л. Н. Связи органов государственной власти с общественностью: учебно-методическое пособие / Тимофеева Л. Н. — М.: Изд-во РАГС, 2009. — 52 с.

СЕКЦИЯ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ В ИЗУЧЕНИИ ГОРОДСКИХ ПРОЦЕССОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Козлова Инга Владимировна

магистр социологии, аспирант, г. Львов, Украина

E-mail: ser_mot@ukr.net

Город является идеальным образцом человеческой жизнедеятельности; обычно в нем происходят все процессы становления человеческого сознания и социализации, поэтому город может влиять на идентификацию человека. По определению Белоусова В., город — это резервуар культурных и социальных капиталов [1, с. 46].

Город выступает одной из центральных категорий исследования во многих гуманитарных дисциплинах. В связи с этим украинская исследовательница Серeda В. выделяет следующие дисциплинарные ракурсы в его изучении:

- территориально-поселенческий;
- экономический;
- градостроительный;
- психологический;
- историко-культурный;
- философско-методологический;
- социологический [10].

Территориально-поселенческий ракурс в изучении города разрабатывается географами с конца XIX в. Наиболее традиционная типология городов, используемая урбанистами (в том числе и социологами), — по производственным функциям и размерам. **Экономический ракурс** в изучении города придерживается тезиса о производственно-экономическом факторе появления и развития городов,

о производственно-экономических закономерностях расселения и территориальной мобильности. В рамках **градостроительного ракурса** в изучении города последний рассматривается как:

- система социально-функционального расселения: место работы, жилье, развлечения;
- искусственная среда: совокупность архитектурно-инженерной инфраструктуры.

В пределах исторического ракурса город довольно часто рассматривается как исторический материал, который используется социологией, и наоборот. История акцентирует внимание на политических аспектах городской жизни. Французские историки Тьерри О. и Гизо Ф. считают, что возникновение города — это зарождение нового социально-политического строя. История города — это история борьбы буржуазных слоев с феодальным строем.

Психологический дисциплинарный ракурс рассматривает город как пространство жизнедеятельности, которое, соответственно, дает возможность исследовать «восприятие», «образ», «установки», «архетипы», «интерпретации», «конструирование» в городском пространстве.

Философско-методологический дисциплинарный ракурс включает в себя два контекста рассуждений о городе:

- гносеологический — обсуждение вопросов, связанных с процессом познания города;
- системный — рассмотрение города как системы или же необходимость системного анализа городских процессов (например, в проектировании).

Социологический дисциплинарный ракурс. Учитывая разносторонность и многомерность города, исследования в выбранной нами отрасли являются сегментарными и мозаичными. Многоаспектность и изменчивость феномена города побуждает исследователей к поиску интегральной, генерализирующей основы, дисциплины для его определения и описания — данном контексте речь идет о социологии как науке, которая способна свести в единое целое мозаичные фрагменты, изучаемые другими дисциплинами. Можем определить несколько существенных преимуществ социологического ракурса в изучении города:

- социология как дисциплина сама возникла в результате синтеза ряда наук, ее категориальный аппарат более приспособлен к методологическому синтезу;

- социология анализирует взаимодействие в сообществе, а город характеризуется именно через взаимодействие, что создает особую общность [10].

Целью нашей статьи выступает определение теоретических лакун в изучении городских процессов.

Основными заданиями статьи выступают: рассмотрение существующих социологических перспектив изучения города, а также создание концептуальной схемы подхода к изучению города, благодаря которой удастся заполнить существующие теоретические лакуны.

Методологические достижения в области социологии города можем условно разделить на два направления:

- классические теоретические перспективы;
- современные теоретические перспективы XX—XXI ст. (современные относительно классической перспективы) [13];

Теперь остановимся на более детальном анализе каждого из этих направлений.

Итак, яркими представителями классической перспективы выступают К. Маркс, Ф. Энгельс, Ф. Тённис, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, М. Вебер [13]. Разработки К. Маркса и Ф. Энгельса находятся в области макро-концепций. Авторы рассматривали город в первую очередь как результат исторического процесса экономического развития социальной системы, как место концентрации производства и разделения общественного труда. Соответственно, классики марксизма фокусируют свое внимание на процессах развития производства, как определяющих, движущих формах социальной системы (частью которой, в свою очередь, выступает город).

Роль процесса разделения труда ярко иллюстрирует функционализм Э. Дюркгейма (макро-социологические концепции). Обращаясь к дюркгеймовской концепции механической и органической солидарности, где первая присуща доиндустриальным городам, а вторая — индустриальным, можем утверждать, что автор одним из первых высказал гипотезу о профессиональном разделении труда, который лежит в основе урбанизационных процессов.

Как видим, вышеупомянутых исследователей интересует скорее экономический характер развития городских процессов.

Город как социокультурную гетерогенность, создающую условия для формирования и выделения специфических городских сообществ, которые, в свою очередь, различаются символической и организационной культурой, характеризуют немецкие исследователи Г. Зиммель и М. Вебер — это единственные авторы «классического» периода, которые посвящали городу отдельные работы социологического характера.

«Большие города и духовная жизнь» Г. Зиммеля — одна из первых попыток социологического анализа ментальной составляющей города и городской жизни. Одна из первых потому, что, на наш взгляд, попытку описания и исследования этой проблематики осуществил Ф. Тённис в своей всемирно известной работе «Общность и общество». Ф. Тённис как представитель макро-социологического подхода в социологии определяет две основные формы организации общественной жизни — *Gemeinschaft* (общность) и *Gesellschaft* (общество). Исследователь в своей работе делал акцент на ментальные, духовные особенности и различия города и сельской местности. В отличие от Ф. Тённиса, Г. Зиммель в своем эссе анализирует, сравнивает между собой маленький и большой город. Ключевыми понятиями работы исследователя выступают рационализм и индивидуализм как характеристики, присущие соответственно большому и маленькому городу. Унификатором в системе рациональных отношений Г. Зиммель считает деньги [5]. Как противоположность большому рационализированному городу выступает маленький, индивидуалистический город, в основе функционирования которого лежит сниженная нервность и прочные межличностные духовные взаимоотношения. В основе межличностных отношений между жителями мегаполиса лежит феномен, который Э. Гидденс позже назвал «вежливой невнимательностью» — способность к поверхностным реакциям.

Из такого описания логично было бы заподозрить авторские предпочтения в плане двух рассматриваемых им типов городов. Однако и маленький город автор критикует, ведь он ощутимо сужает кругозор личности, ее передвижения и отношения. Такая характеристика еще раз подтверждает определенное сходство концепции «гемайншафт и гезельшафт» Ф. Тённиса и видения города Г. Зиммеля. Зиммелевский мегаполис по сути своей соответствует образованию типа гезельшафт Ф. Тённиса, тогда как социальному образованию маленького города больше соответствуют характеристики сообщества типа геймайншафт. Важно подчеркнуть, что немецкий исследователь в своем эссе делает акцент на урбанизм (жизнь в пределах города), а не на урбанизационные процессы (развитие городских районов).

В свою очередь М. Вебер (макро-концепции) в труде «Город» фактически первым определил разницу между метафизическим пространством города и физическими, территориальными его пределами. Автор выделяет два взгляда на город: экономический и политико-административный. Последнему характерна привязка к территории, ведь, по мнению классика немецкой социологии, в политико-административном смысле городом может считаться та территория, которая по своему экономическому значению не могла бы претендовать

на такую административную позицию [2]. Однако тематика разделения городского пространства в такой манере лишь очерчена, но не разработана автором.

Современные теоретические концепции видения города украинская исследовательница Л. Малес характеризует как начало урбанистической социологии [7, с. 276]. Мы не можем игнорировать эмпирических разработок социологов классического периода (взять хотя бы исследования рабочего класса, проведенные Ф. Энгельсом), однако не можем отбросить и тот факт, что разработки классического периода носят преимущественно теоретический характер. Первые глобальные эмпирические исследования в области социологии города приходится на 20—30 гг., а именно на время зарождения Чикагской школы в США. Самые известные представители школы — Р. Парк, Э. Берджес, Р. Маккензи, Л. Вирт. Особенность разработок Чикагской школы и основное ее отличие от ранее перечисленных разработок классического периода заключалась в том, что исследовательские проекты в области социологии города в пределах школы использовались для решения конкретных проблем города. Основным методологическим нововведением Р. Парка стала социально-экологическая концепция, в основе которой лежит представление о городе как об организме (не следует забывать, что Р. Парк был социобиологом), в первую очередь биологическом феномене, который помимо социального (культурного) уровня содержит также уровень биотический, лежащий в основе социального развития и определяющий саму организацию общества [8].

Попытку адаптации теоретических разработок Р. Парка и предоставления им эмпирического характера осуществил Р. Маккензи. Исследователь пытается найти связь между социальными и пространственными изменениями. Также Маккензи категоризирует само понятие социальной экологии, выделяя в ней:

- экологическую организацию (пространственная структура поселений и институтов);
- экологическое доминирование (функциональные связи между элементами пространственной социальной структуры);
- экологическую последовательность (временные изменения в экологическом сообществе).

На основе этих категорий возникли такие методы эмпирических исследований города как зонирование, социальное картографирование, описание жизни сообщества методом включенного наблюдения, биографический метод, кейс-стади и т. д. [11, с 254].

Последователь и коллега Р. Парка, Э. Берджес рассматривал городскую общину как мозаику разнообразных социальных групп, каждая

из которых претендовала на определенную территорию. Таким образом, появилась известная зональная теория Э. Берджеса (она же теория структурирования городского пространства). Социальное картографирование города Э. Берджеса характеризовалось как методологической, так и практической новизной, внедренной в исследовательские круги Чикагской школы. Еще одним ярким представителем Чикагской школы является Л. Вирт. В своем эссе «Урбанизм как стиль жизни» основную проблему городской социологии исследователь формулирует как потребность в выявлении форм общественного воздействия и организации, которые возникают в относительно постоянных компактных поселениях, в которых проживает значительное число гетерогенных индивидов [3]. На основе наблюдений, предположений и исследований Л. Вирт выдвигает гипотезу о взаимосвязи между количеством, плотностью и разнородностью населения с одной стороны, и жизнью групп — с другой.

В рамках современных подходов к анализу города можно выделить исследователей, которые занимались исключительно вопросами структурирования городского пространства. В частности, речь идет о работах урбаниста Х. Хойота, Ч. Харриса и Э. Ульмана. Х. Хойотом в работе «Структура и рост городской площади» была выдвинута концепция секторов, в которой автор утверждал, что жилищные массивы сосредоточены в секторах и расходятся от центра города вдоль транспортных магистралей. Х. Хойот использует квартплату как показатель различных характеристик жилищного фонда, дополняя многочисленные теории образования цен на земельные участки города, критерием оценки в которых выступали полезность, внутригородские выгоды, конкуренция и другие факторы, которые приводили к упорядоченному размещению этих участков на территории города [7, с. 280]. В середине 60-х гг. Ч. Харрис и Э. Ульман в теории многоядерной структуры города, изложенной в книге «Природа городов», попытались соединить основные положения своих предшественников. Город, по их мнению, развивается не вокруг одного центра, а вокруг нескольких объектов-ядер, имеющих силу притяжения, — имеются в виду жилые постройки, торговые или промышленные предприятия [7, с. 278].

К современным теоретическим перспективам рассмотрения города американские исследователи причисляют также работы неомарксистов А. Лефевра и Д. Харви. Значительным вкладом А. Лефевра в развитие социологической теории города стала его концепция социального пространства. Социальный географ и социолог А. Лефевр анализирует понятие пространства с неомарксистской позиции: через концепт повседневной жизни индивидов и анализ капиталистического простран-

ства современной ему эпохи. Однако наряду с материалистическим пониманием пространства французский исследователь считает его идеалистически окрашенным, чем-то субъективным. А. Лефевр склонен трактовать пространство не как естественно данное, а как социально продуцируемое и, одновременно, выступающее социальным продуктом. Соответственно, социальное пространство является социально сконструированным. Также значительным вкладом французского исследователя стало введение многоуровневой концепции понимания пространства [6].

Д. Харви в своих работах значительное внимание уделяет капиталистическим основам формирования городов. Ключевым исследовательским вопросом для него выступает поиск причин, по которым города становятся возбудителями социальных конфликтов. Также автор вводит в научный оборот понятие урбанизации капитала, которое он довольно часто употребляет, не давая, однако, конкретного его определения. Д. Харви (и А. Лефевр) сходятся в следующем: капитализм уцелел не только за счет производства пространства (на этом настаивает А. Лефевр), но также и за счет контроля над пространством. По мнению Д. Харви, такая ситуация характерна не только для городских регионов, но и для глобального пространства капиталистических устремлений [11, с. 260].

Выше мы акцентировали свое внимание на разнообразии подходов к изучению города в разных научных дисциплинах и в социологии в частности.

Анализ трудов вышеупомянутых социологов дает основание утверждать, что в теоретических взглядах ученых прослеживаются следующие закономерности:

- сравнение города и сельской местности (или большого и маленького города) как различных форм поселений;
- акцент преимущественно на макроуровневых конструкциях;
- апелляция к власти как элементу воздействия на городообразующие процессы;
- акцент на культурных факторах городообразующих процессов;
- теоретическая неразделенность понятий «города» и «городского пространства».

Теперь следует остановиться на положениях, не раскрытых во всех вышеперечисленных теоретических разработках. Ученые, работающие в области социологии города (в отличие от исследователей пространства как такового) делают акцент преимущественно на экономических, политических, культурных, скорее социокультурных факторах формирования города. Однако нас в нашей статье гораздо больше интересуют вопросы, не раскрытые в этих работах, а именно: КТО творит городское пространство, а также, каким образом происходит этот процесс

«творения». Ответов на эти вопросы мы не нашли в работах вышеперечисленных нами авторов, однако, исходя из их теоретических разработок, мы имеем возможность создать рабочую схему подхода к изучению города с учетом заполнения существующих в нем лакун. В частности говорится об использовании разработок Г. Зиммеля (ментальное взаимодействие, символическая культура) и А. Лефевра (элементы многоуровневой концепции понимания пространства — пространство репрезентации и репрезентация пространства). В качестве «творцов» пространства в схему были включены наиболее влиятельные, с нашей точки зрения, авторы творения современного городского пространства. Схема такого подхода представлена на рис. 1

Рисунок 1.

Основным критерием в предлагаемой схеме выступает потенциальный «творец», а точнее — возможные «творцы» городского пространства. На первом уровне теоретической интерпретации находится сам город как объект творения; на втором — уровни научного познания, на третьем — создатели городского пространства, в соответствии с уровнем познания. На четвертом и пятом — инструменты, с помощью которых «творцы» формируют городское пространство.

На наш взгляд, такая схема дает возможность посмотреть на город «изнутри», с позиции ее потенциальных «творцов», изучить внутренние факторы формирования города, что в свою очередь закрывает очередную лауну в его изучении.

Список литературы:

1. Білоусов В. Білоусов В. Г. Повсякденність як механізм міської інституціоналізації // Нова парадигма. Журнал наукових праць / Гол. Ред. В. П. Бех.- К: Вид-во НПУ імені МП. Драгоманова, 2004. — Вип.38. — 45—50 с.
2. Вебер М. Город. [Електронний ресурс]. — Доступно з: http://www.urban-club.ru/?page_id=7 (23 жовтня 2010 р.).
3. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни (пер. В. Вагина). [Електронний ресурс]. — Доступно з: http://www.urban-club.ru/?page_id=7 (17 вересня 2011 р.).
4. Дюркгейм Э. О. разделении общественного труда/ Э. Дюркгейм. — М.: Наука, 1991. — С. 241
5. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос 2008 (№ 3) [Електронний ресурс]. — Доступно з: http://www.urban-club.ru/?page_id=7 (30 сьчня 2011 р.).
6. Лефевр А. Производство пространства (переводы) // Социологическое обозрение Том 2. № 3. 2002. С. 1—3 [Електронний ресурс]. — Доступно з: http://www.urban-club.ru/?page_id=7 (13 вересня 2010 р.).
7. Малес Л. Простір міста як арена розгортання стратегій структурування / Сучасні суспільні проблеми у вимірі соціології управління. Матеріали другої наукової конференції. — Донецьк: ДонДУУ, 2008. — С. 276—285.
8. Парк Р. Городское сообщество как пронстранственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. Том 5. № 1. 2006 [Електронний ресурс]. — Доступно з: http://www.urban-club.ru/?page_id=7 (3 червня 2011 р.).
9. Стрельнікова А. Методичні підходи до вивчення міського простору // Соціологія міста: навчальний посібник [Текст] / Малес Л. В., Серета В. В., Соболевська М. О., Сорока Ю. Г. та ін.; за заг. ред. О. К. Міхеєвої — Донецьк: ДонДУУ, 2010. — 340 с.
10. Серета В. В. Соціологія міста. Навчальна програма курсу та методичні матеріали. — Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2007. — 28 с.
11. Соболевська М. Основні соціологічні концепції міста // Соціологія міста: навчальний посібник [Текст] / Малес Л. В., Серета В. В., Соболевська М. О., Сорока Ю. Г. та ін.; за заг. ред. О.К.Міхеєвої— Донецьк: ДонДУУ, 2010. — 340 с.
12. Харви Д. Городской опыт (пер. Вагина В.). [Електронний ресурс]. — Доступно з: http://www.urban-club.ru/?page_id=7 (5 лютого 2011 р.).
13. E. Wilma van der Veen [Електронний ресурс]. — Доступно з: http://stmarys.ca/~evanderveen/wvvdv/Urban_sociology/urban_sociology_theories.htm (3 листопада 2011 р.).

2.2. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

РОЛЬ МИКРОФИНАНСИРОВАНИЯ В РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТА СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ

Сизова Галина Тимофеевна

соискатель кафедры социологии КФУ, г. Казань

E-mail: galina.sizova.54@mail.ru

На сегодняшний день различные аспекты микрофинансирования являются предметом самого пристального внимания политиков, ученых-экономистов, практиков, руководителей финансовых организаций, инвесторов, предпринимателей, руководителей и бизнесменов разного уровня. Периодически проводятся конференции и симпозиумы, где обсуждается выработка оптимальных механизмов микрофинансирования.

Отметим, что в условиях мирового финансового кризиса на фоне общей экономической нестабильности особое значение приобретает социальная поддержка населения. Одновременно необходима забота о развивающейся в России и Татарстане рыночной инфраструктуре. Финансовый кризис негативно сказался на всех хозяйствующих субъектах. Однако не будет преувеличением сказать, что особенно больно он ударил по предпринимательству, среднему и малому бизнесу, кластеру молодых деловых людей (в данном случае имеется в виду не возраст, а стаж работы на рынке). Для того чтобы смягчить последствия подобных кризисов и предусмотреть превентивные меры на будущее, необходимы устойчивые социальные и экономические институты, призванные поддержать малый бизнес и предпринимателей.

Одним из негативных последствий финансового кризиса первого десятилетия XXI века стало сокращение персонала на многих даже ранее успешных крупных производствах, в бюджетной сфере, среди служащих и управленцев. Стремительно возрос уровень безработицы во всех ее формах, в латентной включительно. Эти работники всех возрастов и квалификаций оказались выброшенными на рынок труда, многие не стали продолжать работу за резко сократившееся вознаграждение. Для многих из них, переход с достаточно стабильной

работы по найму в сферу свободного предпринимательства с его высокими рисками стал необходимостью.

Одновременно среди современной молодежи возрастает процент тех, кто изначально собирается уйти в свободное плавание частного предпринимательства, не желая по их выражению «работать на кого-то». Правда, у большинства нет на это ни стартового капитала, ни достаточных знаний. По результатам нашего опроса выяснилось, что в связи с кризисом надежды студентов на гарантированное трудоустройство и стабильную работу в будущем резко упали. Итак, вполне возможно, что кластер предпринимателей будет расширяться за счет представителей из самых разных общественных стран.

В последние годы стремительно развивается мировая отрасль микрофинансирования. Ведущие мировые финансовые аналитики рекомендуют инвестиционным банкам, международным фондам и компаниям по управлению фондами обратить самое серьезное внимание на такой бизнес как микрофинансирование. По их мнению, этот вид деятельности может принести значительно большую прибыль, чем многие инвестиционные услуги. Кроме того, он остается чрезвычайно устойчивым к различным внешним потрясениям и экономическим коллизиям.

В современной России существует ряд социально-экономических проблем, имеющих тенденцию негативно отражаться на финансовой устойчивости национальной экономики, таких как: последствия трансформационного периода, низкий уровень благосостояния населения, безработица, высокая дифференциация доходов общества. Экономическое развитие предпринимательства, малого и среднего бизнеса, малых форм хозяйствования как нельзя больше способствует повышению уровня жизни населения и преодоления безработицы. В 2010 г., по данным Росстата, предпринимателей насчитывалось в России более 20 млн., в том числе: 1032,8 тыс. малых предприятий, 3 млн. индивидуальных предпринимателей, 255,4 тыс. крестьянских хозяйств, а также 16 млн. семей, ведущих личное подсобное хозяйство [4].

В данном контексте очень важную роль играет микрофинансирование (microfinance). Дальнейшее развитие микрофинансовых институтов в трансформирующейся России является актуальной задачей и представляет огромный теоретический и практический интерес. Подавляющее большинство исследований, посвященных микрофинансированию, концентрируются на экономическом аспекте данного феномена, что, безусловно, оправдано. Однако не менее важным является социальный аспект. В промышленно

развитых странах, а также в странах с неустойчивой экономикой микрофинансирование выполняет важнейшие внутривластные и социальные задачи. В России этот процесс начался в конце 90-х гг. и до сих пор еще не достиг запланированной «производственной мощности». Несмотря на это микрофинансирование уже стало важным социальным институтом и заняло свое место в социальной структуре социума. Важной характеристикой масштаба рынка является показатель охвата клиентов. По экспертным оценкам, сделанным на основании результатов исследований последних лет, клиентская база микрофинансовых институтов оценивается в 160—180 тыс. получателей займов [3]. Каждый год объем микрофинансирования в России удваивается, и если судить по опыту других стран, которые начали эти проекты раньше, динамика роста микрофинансирования положительная и в долгосрочной перспективе.

Анализ микрофинансирования с позиций социологической науки позволяет выявить ряд актуальных проблем, которые, как мы полагаем, выходят за рамки экономики и даже такой профилированной дисциплины, как экономическая социология. Главной задачей социологии является определение того, в чем специфика микрофинансирования как социального процесса и социального института, каково его место в российском обществе. Важнейший вопрос заключается в том, как влияет микрофинансирование на социальную структуру, стратификацию, социальную мобильность, каковы направления и перспективы развития данного социального института в трансформирующейся России. Не менее актуальной задачей является анализ тех ценностей, норм и правил, которые лежат в основе данного социального института, насколько они вписываются в традиции России, как воспринимаются населением. Иными словами, каково место данного социального института в культуре современной России. Следует определить, в чем отличие микрофинансовых институтов России от других стран, где они уже прочно вошли в жизнь социума.

В российской экономической литературе немало исследований, посвященных микрофинансированию предприятий малого и среднего бизнеса. На наш взгляд, задачей социологической науки также является выявление влияния микрофинансирования на деятельность некоммерческих, общественных организаций, которые нуждаются в социальной поддержке, прежде чем сами смогут ее реально оказывать. В настоящее время в российских публикациях источники финансирования некоммерческих организаций не исследованы в должном объеме.

Важным представляется тот факт, что 2005 год был объявлен Генеральной ассамблеей ООН Международным годом микрокредитования и микрофинансирования. Помимо достижений социальных и

экономических задач, ООН четко обозначила и такую цель, как сбор и анализ достоверных данных о состоянии микрофинансирования: доступность и условия получения в отдельных странах мира, информация о клиентах, а также типах и объемах предлагаемых услуг.

Без информационного обеспечения невозможно принимать качественные решения в области регулирования микрофинансовой деятельности, оценивать эффективность проводимых мер по стимулированию ее развития, а также отслеживать результативность самого инструмента. С тех пор прошло уже пять лет, и мы имеем возможность подвести некоторые итоги. Несмотря на динамичное развитие микрофинансирования, потребность малого бизнеса во внешнем финансировании, по данным рейтингового агентства «Эксперт», удовлетворена лишь на 15—20 %.

Внимание международного сообщества к микрофинансированию не ослабевает. Так, в ходе 72-го пленарного заседания Генеральной Ассамблеи ООН, 19 декабря 2008 г. была принята Резолюция № 63/229 о роли микрокредитования и микрофинансирования в ликвидации нищеты, согласно которой государствам — членам Организации Объединенных Наций, Бреттон-Вудским учреждениям (Всемирный банк и Международный валютный фонд), региональным банкам развития предлагалось оказывать финансовую и техническую поддержку на скоординированной основе усилиям развивающихся стран по наращиванию потенциала учреждений сферы микрокредитования и микрофинансирования [1].

Развитие малого и среднего бизнеса, фермерских хозяйств в большой степени зависит от их обеспеченности краткосрочными и долгосрочными финансовыми ресурсами. По результатам исследования того же «Эксперта» потребность малого бизнеса в финансовых ресурсах в 2010 г. оценивалась субъектами финансового рынка в 25—30 млрд. долларов, а годовой прирост объемов кредитования малого бизнеса — на уровне 30—50 %. [2].

Микрофинансирование как раз и является специфической формой обеспечения бизнеса краткосрочными финансовыми ресурсами. Программа социально-экономического развития российского государства на 2006—2008 г.г., утвержденная правительством Российской Федерации, предполагала, что микрофинансовые организации станут инструментом развития социума по следующим направлениям: развитие малого предпринимательства; развитие агропромышленного комплекса; развитие сектора банковских услуг [5]. Микрофинансирование отличается от традиционного кредитования следующими факторами: количественная сторона — величина займа;

субъект — это целевые группы потребителей; финансовые агенты — микрофинансовые организации; методы и технологии кредитования; цели кредитования; источник платы за использование ресурсов — доход от хозяйственной деятельности.

Микрофинансовые организации привлекают государственные средства и денежные сбережения частных инвесторов. Как, правило, микрофинансирование, сопровождается дополнительными услугами, обучению начинающих предпринимателей навыкам управления, организации финансового учета, правилам составления отчетности. В результате оказания этих услуг повышается финансовая культура, устанавливаются прочные отношения между заемщиком и микрофинансовой организацией, улучшается возвратность заемных средств. Все это ведет к стабилизации экономических отношений, улучшению ситуации в регионе, формированию у предпринимателей и их окружения чувства уверенности в своих силах.

Как известно, у малого бизнеса имеется два источника финансирования: это собственные и заемные средства. Большинство предпринимателей не располагает возможностями самофинансирования, потому прибегает к внешнему финансированию, а это кредиты банков, коммерческие кредиты и др.

Основным объектом микрофинансирования является малый и средний бизнес, индивидуальное предпринимательство. Малый бизнес как никакая другая сфера управления нуждается одновременно в свободе и поддержке, как бы парадоксально это не звучало. Это сфера проявления лидерских качеств, но одного только энтузиазма недостаточно. Малому бизнесу необходимо сочетание комплексных подходов в менеджменте, причем часто владелец предприятия вынужден сочетать все виды и функции управления в одном лице.

Сейчас в России существует четыре основных типа организаций, работающих на рынке микрофинансовых услуг:

- кредитные потребительские кооперативы (в том числе сельскохозяйственные);
- региональные и муниципальные фонды поддержки малого предпринимательства;
- частные и международные фонды поддержки малого предпринимательства;
- специализированные банки.

Менеджмент в микрофинансовой организации сочетает специфику некоммерческого сектора с коммерческим: решения в микрофинансовой организации принимаются коллегиально, но при этом исполнители несут персональную ответственность, а руководство

организации постоянно совершенствует систему контроля внутри организации, причем широко используются и поощряются индивидуальные подходы и нестандартные решения при достаточно стандартизированных процедурах. Такие гибкие структуры являются привлекательными для работы волонтеров, обучения студентов, работы исследователей. Сами микрофинансовые программы служат творческой лабораторией для обучения менеджменту как студентов, будущих менеджеров так и предпринимателей.

На сегодняшний день в России существует огромное число потенциальных потребителей микрокредитов. Это предприниматели с низким доходом (в большинстве владельцы микро-предприятий и индивидуальные частные предприниматели, действующие без образования юридического лица, беднейшее, но экономически активное население, имеющее предпринимательский потенциал (часть безработных и лиц, имеющих низкооплачиваемую работу). Эти лица, не имеющие доступа к банковским услугам, но имеющие желание начать свое дело, либо уже занимающиеся предпринимательством имеют возможность получить доступ к финансовым ресурсам через систему микрофинансовых организаций. Таким образом, микрофинансирование является реальным механизмом формирования прослойки малого и среднего предпринимательства, а в конечном итоге и среднего класса в целом.

Список литературы:

1. Генеральный секретарь ООН выступил с докладом «Роль микрокредитования и микрофинансирования в ликвидации нищеты» [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rusmicrofinance.ru/news/microfinance/525/>
2. Кредитование малого и среднего бизнеса в России: притормозили. Исследование рейтингового агентства «Эксперт РА». [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://raexpert.ru/researches/banks/finmb_slowed_down/
3. НКО Ресурсный центр малого предпринимательства [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rmcenter.ru>
4. Основные показатели деятельности малых и средних предприятий. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/enterprise/reform/#>
5. Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006 — 2008 годы) [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.kadis.ru/texts/index.ph>

2.3 СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЗЛИЧНЫХ СФЕР ЗНАНИЯ В ПОНИМАНИИ ЦЕЛОСТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Бабич Ирина Николаевна

*канд. пед. наук, Межрегиональная общественная организация
«Женщины в науке и образовании», г. Москва*

E-mail: ibabich@mail.ru

Определяя место социологии в системе научного управления обществом на IV Всероссийском социологическом Конгрессе «Социология в системе научного управления обществом» (февраль 2012 г., Москва), академик РАН Осипов Г. В. трактует науку об обществе как независимую научную дисциплину, стоящую на страже интересов каждого человека.

Современный дискурс о человеке опирается на актуальную проблематизацию и гуманитарные исследования. Поворот науки к проблеме человека становится решающим фактором для всех типов мировоззрения, общей чертой которых является гуманистическая направленность. Диалог мировоззрений, как одной из форм дискурсивных практик, связан с аспектом «личность — история — развитие». В эпохи Ренессанса, Реформации и европейского Просвещения складывались мировоззренческие доминанты, выражающие смыслы понимания человека и его предназначения [9]. Произошедшие в социальной, технологической и экономической областях преобразования, поставили современного человека в новую позицию по отношению к себе и к обществу.

Ослабление контроля над поведением граждан в обществе, деградация нравственности, сопутствующие радикальным реформам, характерны для «турбулентных», изменяющихся обществ. Дефицит общественных и социальных институтов, обеспечивающих соблюдение основных прав и свобод личности привели к разрушению моральных норм в пореформенной России. Сформировавшаяся система рыночного фундаментализма, определяющая характер экономики и других сфер общества, вытеснила духовно-нравственную проблематику на периферию культуры. Без духовно-нравственного роста экономический и технологический рост превратились в угрозу

будущему цивилизации. Изменение идеала — главного параметра порядка (ценностей, определяющих поведение системы в целом) — привело к глобальным проблемам и к проблемам человека, базовые черты которого оказались ориентированными на экономику [3, с. 89, 93].

На рыночную экономику ориентирована в последние десятилетия российская практика реформирования образования. Образование, становясь экономической категорией, обрело отсутствовавшие ранее подсистемы рынка образовательных услуг, рынка капитала в системе образования, рынка труда в этой сфере. Сформировавшийся рынок труда, усиление требований работодателей к профессиональным качествам выпускникам вузов, изменили устоявшиеся взгляды на компетенции школьников, студентов, учителей. Необоснованно подражая заокеанским и западноевропейским традициям, сегодня российское образование имеет восьмилетнюю историю с единым экзаменом, стандартами, законом и другими сюжетами. Превратившись в «образовательные услуги», образование все больше переходит в сферу массовой культуры, где царствуют симулякры: имитация образования, формальные знания, дипломы [8].

Утверждая триумф рыночного мышления в наш «продвинутый современный век», Э. Гидденс обращает внимание на «скрытую программу», играющую важную роль в воспроизводстве культуры. На широкий процесс воспроизводства культуры, помимо официальной школьной учебной программы, оказывают влияние неформальные аспекты обучения, образования и школьной обстановки. Вовлеченные в образование «воротилы бизнеса», кабельные компании, организации по программному обеспечению, телекоммуникационные группы, производители фильмов и поставщики оборудования, связь которых со школьным делом была до того поверхностной или отсутствовала, теперь оказывают влияние на школы и университеты, объединяя учебные заведения с параллельной индустрией образования. «Образование + развлечение» связано с индустрией программного обеспечения, музеями, научными парками и культурными заповедниками [2, с. 455, 459].

Испокон веков в школы и университеты приходили учиться, а не за услугами. Как справедливо замечает Константиновский Д. Л., «школа — не конвейерное производство, профессор — не служащий, система образования — не подспорье для экономики». Пользуясь услугами образования, тратя драгоценные ресурсы: часть своей жизни, свою энергию, — люди оказывают великую услугу государству,

стране, обществу. Своими усилиями они увеличивают самый важный ресурс нации — человеческий потенциал [5, с. 121].

Низведение традиционно сильного российского образования до уровня услуг не делает его гарантом благополучия общества. На научно-практическом круглом столе «Диалог поколений» в Финансовом университете при Правительстве РФ (ноябрь, 2011 г.), инициатором которого явилась Межрегиональная общественная организация «Женщины в науке и образовании» академик Степин В. С. говорил о последствиях утверждения в сознании современного российского общества рыночной идеологии. Молодежи ближе рыночная идеология: ум, дружбу, любовь можно купить. Один из лидеров гуманистической психологии Э. Фромм в работе «Иметь или быть?» констатирует, что, не умея ни любить, ни ненавидеть, люди с рыночным характером избегают любых чувств, которые служат помехой для достижения основной цели рыночного характера — продажи и обмена. Так формируется плоская одномерная личность. В итоге складывается общество покупателей, что и отразилось на резком снижении качества образования, которое, как показывают результаты ЕГЭ, просто можно купить, как и дипломы вузов, продающиеся на станциях метро. Тревогу академика Раушенбаха Б. В. вызывает тот факт, что характеристики «удачливый бизнесмен», «хороший организатор производства» оказываются важнее оценки «порядочный человек». Эксперты, перефразируя Бодрийяра, заметившего, что «мы живем в мире, в котором все больше и больше информации, и все меньше и меньше смысла», заключают, что в этом мире все больше «образовательных услуг» и все меньше образованных людей» [8].

Оценивая шансы на необходимые изменения в человеке и обществе, как весьма малые, Э. Фромм видел единственную надежду в притягательной силе новых идей. Ученый, темой исследований которого было раскрытие человеческой сущности как реализации жизнетворческого начала, писал о бесполезности реформ, лишенных «побудительной силы мотивации», ничего не меняющих в самой системе [10]. Только сменив старые мотивации извлечения прибыли и завоевания власти на новые — «отдавать и понимать»; сменив рыночный характер на любящий, возможно создание нового человека, нового общества.

Приведение отечественной системы высшего образования к западным стандартам, присоединение к болонскому процессу, поубеждению Садовниченко В. А., не пользуется поддержкой большинства населения страны, входит в серьезное противоречие с его материальным положением и менталитетом. Выступая на социологическом конгрессе,

ректор Московского государственного университета имени Ломоносова М. В. призвал к отходу от оказания образовательных услуг и переходу к систематическому обучению и воспитанию.

Говоря о гуманитарных идеалах воспитания, Моисеев Н. Н. в большинстве своих работ ставил вопрос о целостном помышлении человека. Обращение к целостному человеку познающему при анализе гуманитарного и социального знания показывает, что не существует принципиальной разницы между науками о человеке и социальными науками [6, с. 104]. В каждой области знания истинное проявляется специфично. Как гуманистическая дисциплина социология предстает одной из наук, «которые имеют дело с человеком как человеком». В заслугу гуманистической социологии П. Бергер и Т. Лукман ставят способность пробуждать «наше чувство изумления перед лицом этого поразительного феномена» [1, с. 302].

В существовании и развитии человека ярко проявляются общие законы бытия. Необходимость целостного помышления о человеке формирует иную онтологическую ситуацию человека (Розин В. М.). Проводя онтологический анализ, Каган М. С. различает четыре основные формы бытия: всепроникающую форму бытия — природу; сверхприродную форму бытия — человеческое общество; человека, объединяющего в своем существовании природные и социальные свойства; культуру, являющуюся изобретением деятельности человека. Благодаря культуре двустороннее био-социальное существование человека становится трехсторонним — био-социо-культурным. Различая родовое понятие «человек» и индивидуальное — «личность», Каган М. С. подчеркивает, что качество «личность» формируется в результате овладения индивидом определенным культурным содержанием. Рожденный индивидом человек, остается им независимо от социальных и культурных условий своего существования. Личностью же он становится в зависимости от потребностей социальной среды и от своей активности [4, с. 214].

Замечательный педагог и ученый Лотман Ю. М., учивший Знанию, Памяти и Совести, в глубоком гуманистическом развитии человека видел далекую, постоянно действующую перспективу, «которая будет делаться все более насущной» [7, с. 242].

Уровень сложности, принадлежащего природе, обществу и культуре человека, делает необходимым сопряжение социологического, философского, психологического, педагогического, этического, эстетического, культурологического и других аспектов его анализа. Связанное с их взаимодействием, знание обретает новое качество, позволяющее прийти к целостному пониманию человека.

Список литературы:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
2. Гидденс Э. Социология — М.: Едиториал УРСС, 2005. — 632 с.
3. Делокаров К. Х. Параметры порядка современной цивилизации и глобальные вызовы — М.: МАКС Пресс, 2009. — 168 с.
4. Каган М. С. Формирование личности как синергетический процесс — М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 584 с.
5. Константиновский Д. Л. Размышления о социологии образования — Социологические исследования, 2008. № 7. — 117—124 с.
6. Лекторский В. А. Трансформации научного знания в современной культуре — М.: Прогресс-Традиция, 2007. — 592 с.
7. Лотман Ю. М. Воспитание души — Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2005. — 624 с.
8. Розин В. М. Философия образования: Этюды-исследования — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2007. — 576 с.
9. Степин В. С. Теоретическое знание — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 744 с.
10. Фромм Э. Иметь или быть? — М.: АСТ Астрель, 2010. — 320 с.

НОВЫЕ ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ)

Вишнякова Алена Александровна

соискатель кафедры философии БГУ, г. Улан-Удэ

E-mail: vishbsu@yandex.ru

Свободное время человека в современных социально-экономических условиях, является важнейшим ресурсом. Под понятием «свободное время» понимают то время, которое не занято «непреложными, необходимыми занятиями», т. е. учебой, работой, домашним хозяйством, и которое направлено, с одной стороны, на восстановление физических сил и психической энергии, а с другой — на духовное и физическое самосовершенствование человека.

На содержание и формы использования свободного времени человека влияет ряд важных факторов, в частности, его возраст, интересы, наклонности, ценностные ориентации, уровень духовной культуры, характер трудовой деятельности, материальные возможности, а также место жительства (крупный, средний или малый город, населенные пункты в сельской местности).

В последние годы в Российской Федерации значительно изменилось содержание и формы использования свободного времени современной молодежи и, прежде всего, молодежи крупных городов. Это связано, прежде всего, со значительными изменениями в общественной жизни страны в 1990-х гг., активным продвижением средствами массовой информации ценностей «западной культуры», бурными темпами развития научно-технического прогресса, а также влиянием экономической нестабильности, которая обуславливает снижение уровня жизни у значительной части населения страны, безработицу, высокие темпы инфляции, и как следствие, снижение уровня доступности социально-культурных услуг. Также следует отметить нарастание социально-экономического «водораздела» между мегаполисами и крупными городами с одной стороны и небольшими городами и населенными пунктами сельской местности с другой. Все это определило изменения в содержании и формах использования свободного времени современной молодежи.

В этих условиях, наряду с традиционными формами использования свободного времени молодежи, такими как, отдых на природе, занятия спортом, посещение кафе и ресторанов, музеев, театров и кинотеатров, просмотр телевизионных передач, чтение газет, журналов и книг, появляются и новые формы такие как посещение web-сайтов во всемирной сети Интернет, в том числе информационно-развлекательных, общение с друзьями в различных социальных сетях («Вконтакте», «Одноклассники», «Facebook», «Мой мир» и т. д.), форумах (общих, городских, тематических и пр.), чатах, ICQ, а также средствами интернет-телефонии, участие в сетевых компьютерных онлайн-играх с другими участниками, просмотр в онлайн-новых фильмов, клипов, прослушивание музыкальных произведений и радио в Интернете.

Интернет — это всемирная система объединенных компьютерных сетей, построенная на использовании единого протокола IP и маршрутизации пакетов данных. Интернет образует глобальное информационное пространство, служит физической основой для Всемирной паутины (World Wide Web) и множества других систем (протоколов) передачи данных. В настоящее время,

слово Интернет используется чаще, однако чаще имеется в виду именно Всемирная паутина и доступная в ней информация, а не сама физическая сеть.

История развития Интернета в России насчитывает всего два десятка лет, так, 28 августа 1990 г. профессиональная научная сеть Института атомной энергии им Курчатова И. В. и ИПК Минавтопрома была подсоединена к мировой сети Интернет. 19 сентября 1990 г. в базе данных Международного информационного центра InterNIC был зарегистрирован домен .su, а 7 апреля 1994 г. — домен .ru. Стремительное развитие российского сектора Интернета начинается с конца 1990-х гг. Именно в это время ученые стали говорить о том, что виртуальная реальность окажет самое большое воздействие на психический мир, культуру и духовность, образ мысли и образ жизни последующих поколений. В это же время получили развитие новые формы использования свободного времени молодежи, которые базируются на совершенно новой форме реальности, новом информационном поле, пространстве компьютерного общения и коммуникации. Эта необходимость подтверждается тем фактом, что компьютеры сегодня затрагивают самую суть культуры, поскольку связанные с ними изменения в средствах массовой информации меняют образ мыслей и взглядов, определяют социально-культурную жизнь человека.

Развитие Всемирной сети Интернет в России означает появление новой коммуникационной среды для межличностного и внутригруппового общения. Интернет, выступая особым социальным пространством, является той сферой, где трансформируются традиционные формы социальных отношений, а общение как форма использования свободного времени становится возможным не в традиционном виде непосредственной коммуникации, а приобретает черты, определяемые новым средством коммуникации — Интернетом.

Существует определенное отличие сетевого общения от традиционного, в первую очередь, это связано с «бестелесностью» и анонимностью партнеров в процессе коммуникации. Определенную часть подростков в пользовании Интернетом привлекает возможность общаться от имени разных лиц, регистрируя в Сети вымышленные фамилии и адреса (ники, логины). Однако для абсолютного большинства молодых людей общение в виртуальном пространстве не заменяет отношений в физическом, что подтверждают данные исследований, фиксирующие потребность в непосредственном общении с друзьями, несмотря на увеличение числа увлекающихся Интернетом. То есть непосредственное общение не вытесняется

виртуальным, а скорее увеличивает пространство для него, привлекая разнообразными возможностями.

В Интернете человек может быть таким, каким он хочет казаться, но не является на самом деле. В определенной степени такие возможности содержат позитивную составляющую, но есть и очень важная негативная сторона, сильно влияющая на молодого человека: уход от реальности — удовлетворение своих потребностей в другой реальности, поиск себя в другом мире, не там, где приходится жить на самом деле. Однако, если на первых этапах становления всемирной сети, значительное количество пользователей действительно искало там возможность ухода от реальности, в которой оставались нереализованные амбиции, то в настоящее время можно диагностировать появление поколения, которое позиционирует себя, как активных участников Интернет — пространства, при этом реальная жизнь у них складывается вполне благополучно.

Интернет как вид досуговой деятельности организуется не только дома, но и в компьютерных клубах, Интернет-кафе. Вместе с тем функционирование подобных предприятий в сфере досуга молодежи связано с рядом проблем. Многими исследователями высказываются опасения по поводу «губительного влияния чрезмерного увлечения компьютерными играми сомнительного содержания на психику молодого человека». Порой в таких клубах не ведется контроль над продолжительностью и временем пребывания, над самими занятиями молодежи, отсутствуют необходимые санитарные условия.

Интернет, оказывая влияние на формирование социокультурной ситуации в сфере использования свободного времени, в определенной мере формирует личность человека. Необходимо развивать позитивный потенциал виртуального пространства и противодействовать возможным негативным последствиям пребывания в нем. Персональный компьютер, сеть Интернет — технические достижения качественно нового уровня, средства, раскрывающие самые широкие возможности человека в отношении культурно-научных изменений. Другой вопрос — для достижения каких целей это средство используется, чем наполняется его содержание. Если попытаться рассмотреть Интернет как форму, замещающую другие формы использования свободного времени, например чтения, то, это достаточно сложно, поскольку не получится найти достаточных оснований для того, чтобы это доказать. Вместе с тем, нельзя не согласиться с мнением, что компьютер по своему воздействию на человека ближе к книге, чем к телевизору. Также, возможно расширение или замещение Интернетом живого общения,

других видов использования свободного времени, например таких, как посещение концертов, кино, театров.

Рассмотренные формы применения компьютера в сфере использования свободного времени молодежи, хотя и не исчерпывают всего их многообразия, однако в определенной степени иллюстрируют те инновации, обусловленные техническими достижениями, которые характеризуют современные увлечения молодежи. Новые возможности создает информатизация и компьютеризация и в сфере производства культуры, формирующая новые увлечения, находящие свое место в досуге молодежи: компьютерная мультипликация, компьютерная живопись, компьютерная графика, web-дизайн (дизайн web-страниц).

Компьютеризация культурного пространства способствуют образованию виртуальных стратегий досугового поведения, в которых пребывание в виртуальном пространстве становится элементом престижного поведения и важным фактором повышения собственного статуса в глазах сверстников. Данная тенденция отчетливо прослеживается на примере возникновения основных форм виртуального досуга, прежде всего, это посещение различных web-сайтов, общение в социальных сетях, а также компьютерные игры.

Компьютерные игры становятся фактором институционализации отдельной субкультуры геймеров, в рамках которой возникает собственная шкала и ценностей и критерии престижного потребления. Самореализация в рамках данной субкультуры может приводить к социальной изоляции по отношению к другим группам населения, поскольку виртуальная культура резко отличается по своим приоритетам от других способов престижного потребления.

Другой формой виртуального досуга становится посещение различных web-страниц (чтение информации, новостей, проверка электронной почты, прослушивание аудиозаписей, просмотр видеофайлов, а также их скачивание), общение в социальных сетях, либо те формы досуга, реализация которых непосредственно связана с пребыванием в киберпространстве (например, флеш-моб). Данная субкультура, возникшая в 1990-х гг., достаточно быстро утратила свое культурное единство, сохранив в качестве базовой ценности безусловную ценность постоянного нахождения в сети Интернет, получения новой информации и поддержания коммуникативных связей.

2.4 СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ — ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОБНОВЛЕНИЯ И МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ

Назаркасымов Сарвар Инатиллаевич

*старший преподаватель кафедры общественных наук
Джизакского государственного педагогического института,
г. Джизак, Республика Узбекистан
E-mail: barkamol@bk.ru*

Как известно, с первых дней нашей независимости фактор политической стабильности считался опорным источником развития гражданского общества.

В настоящее время Узбекистан находится на закономерном этапе своего развития, который характеризуется как период активного реформирования и модернизации страны.

Достоин внимания тот факт, что поставленные основные цели и задачи опираются на дальновидный, с точки зрения модернизации страны, принцип «От сильного государства — к сильному гражданскому обществу», который начал широко реализовываться с первых дней независимости. В этой связи, как отмечает глава нашего государства, «Основной, ключевой задачей этого периода реформирования нашей государственной системы должен стать последовательный и поэтапный переход от сильного государства, которое было объективно необходимо в условиях переходного периода и становления национальной государственности, к сильному гражданскому обществу» [1, с. 25]. Таким образом, меры по углублению демократических преобразований в Узбекистане можно охарактеризовать так: поэтапное продвижение от сильного государства к сильному гражданскому обществу, в котором человек, его права, свободы и убеждения являются высшим приоритетом. При этом глава нашего государства подчеркивает эволюционный характер развития государственно-правовой и политической системы страны.

Поэтому важнейшим направлением углубления демократических реформ в Узбекистане стало последовательное формирование основ гражданского общества и реализация вышеуказанного принципа. В стране реализуется целый комплекс проектов и программ, направленных на создание условий для свободного функционирования и развития политических партий, негосударственных некоммерческих организаций, независимых средств массовой информации, органов самоуправления граждан и других институтов гражданского общества.

Расходы государственного бюджета на социальную сферу в течение 1993—2011 годов постоянно росли и сейчас на образование, к примеру, приходится более трети всех расходов бюджета. Президент Узбекистана Каримов И. А. в своем докладе «В общем, в течении 2005—2010 годов были построены и реконструированы более чем 7 тысяч 800 общеобразовательных заведений, почти 1 тысяча 500 колледжей и академических лицеев. Лишь только в 2010 году более чем 2 тысячи 300 школ, колледжи и академические лицеи были оснащены компьютерной техникой и мультимедией» [2, с. 17].

Средняя продолжительность жизни в Узбекистане увеличилась с 70 лет в 2001 году до 73 лет в 2011 году, а также резко сократились показатели смертности матерей и детей. Согласно ежегодному докладу Программы развития ООН, в Узбекистане, наряду с такими странами как Дания, Япония, Швеция, Бельгия, Чехия, Норвегия, Словакия и Финляндия, наблюдается наименьшее имущественное неравенство между слоями населения. За последнее время в Узбекистане осуществлен ряд серьезных шагов по реформированию и повышению открытости общества: успешное формирование и организация функционирования двухпалатного парламента; осуществление активной законотворческой деятельности, а также либерализация судебно-правовой системы; своевременное представление отчетов и рассмотрение национальных докладов во всех конвенционных органах ООН по правам человека; пропагандируются и опубликованы более 100 международных документов по правам человека на узбекском языке.

Как отмечал Президент Каримов И. А., каждый проходит свой путь по-своему. Узбекистан осуществляет свои действия в соответствии с мышлением, многовековым образом жизни нашего народа, основываясь и строго соблюдая фундаментальные принципы демократии.

Гражданское общество укрепляется по мере появления, увеличения и упрочения свойственных его структуре элементов, возникающих в форме негосударственных некоммерческих организаций. Они создаются по инициативе самих граждан, как говорится, «снизу», на добровольной

основе в соответствии с интересами, склонностями и устремлениями учредителей. Их автономность проявляется в независимости от государственных структур, самоуправленческой деятельности, направленной на выполнение задач, предусмотренных внутренними правилами. Это — яркий показатель действительной демократичности гражданского общества.

Неправительственные организации имеют следующие отличительные особенности: «Во-первых, они действуют на основе широких демократических принципов, не ограниченных политическими, этническими и конфессиональными рамками; во-вторых, неправительственные организации не могут быть механизмом стремления к политической или иной власти; в-третьих, неправительственные организации не преследуют целей материального обогащения» [3, с. 12].

Активная и полезная деятельность неправительственных организаций, число которых в Республике Узбекистан постоянно увеличивается, является благоприятным фактором развития демократического государства. Быстрый их рост свидетельствует о значительной активизации гражданской инициативы в стране, демонстрирует появление возможностей использования неформальных механизмов для отстаивания интересов тех или иных слоев общества.

Практика многих демократических стран свидетельствует, что увеличение потенциала гражданской активности, который мог бы быть использован в поддержку тех или иных преобразований, достигается, прежде всего, путем усиления роли неправительственных формирований в жизни общества. Активное их участие в решении важных политических, социально-экономических и духовных проблем зависит, в конечном счете, от их правового статуса, объема их прав в соответствующих сферах.

Роль негосударственных организаций в решении социальных проблем велика. Им удается в избранной сфере деятельности достичь таких высоких результатов, добиться которых не всегда оказывается под силу государственным структурам.

В то же время в Узбекистане отдают себе отчет в том, что широкое развитие институтов гражданского общества — это не отдельные мероприятия, не разовый акт и не одномоментные акции. Это — системная, глубокая, трудная и последовательная деятельность, которая должна тесно увязываться с историей, национальными ценностями и традициями, менталитетом и укладом жизни населения.

Процесс становления и развития гражданского общества непосредственно связан с развитием и повышением политического сознания, правовой культуры населения, общества в целом, его

стремлением неуклонно и последовательно двигаться на пути демократического обновления и утверждения общедемократических ценностей.

Прежде всего, уместно остановиться на законе «О гарантиях деятельности негосударственных некоммерческих организаций». Основная цель данного закона заключается в обеспечении гарантий создания негосударственных некоммерческих организаций и их деятельности, защиты их прав и законных интересов, расширении социального партнерства и совершенствовании механизма государственной поддержки таких организаций. Государственные гарантии по обеспечению и поддержке деятельности негосударственных некоммерческих организаций определяются в отдельных статьях законопроекта.

Согласно Закону государство путем предоставления субсидий, грантов и государственных заказов поддерживает деятельность негосударственных некоммерческих организаций. Государство ответственно также за поддержку общественного контроля негосударственных некоммерческих организаций. В законе определены гарантии свободы деятельности негосударственных некоммерческих организаций. В частности, они могут заниматься любыми видами деятельности, не запрещенными законом, в соответствии со своими целями, определенными в уставе.

Ведется работа над такими законами, как «О гарантиях деятельности органов самоуправления граждан» и «О благотворительности». Нужно отметить, что институты гражданского общества должны служить утверждению идей, исторически присущих народу Узбекистана, таких, как политическая стабильность и межнациональная, межрелигиозная и межкультурная толерантность, во имя утверждения демократических ценностей и навыков.

В целом, исходя из вышеприведенного анализа в данной статье, можно констатировать следующее:

- поэтапно проводимые в Узбекистане реформы и демократические преобразования являются гарантом политической и социально-экономической стабильности и свидетельствуют о правильности выбранного республикой курса демократического развития.

- общественно-политическая стабильность является основной базой и условием динамичного и поступательного развития общества в период политического обновления и модернизации, интегрирования его в мировую систему.

- Общеизвестные принципы гражданского общества в условиях политического обновления и модернизации реализуются в Узбекистане последовательно и постепенно. Опора на традиции, умелое их использование способствуют устойчивости общества в эпоху демократических реформ и преобразований. Демократические институты гражданского общества должны отражать менталитет, особенности традиций и культуры нашего народа.

Упрочение гражданского общества в Узбекистане и тем самым политической стабильности, напрямую связано с повышением роли неправительственных общественных организаций, с тесным взаимодействием их с государственными органами.

Список литературы:

1. Каримов И. А. Узбекистан: 16 лет независимого развития. Т.: Узбекистан, 2007. —25 с.
2. Каримов И. А. «Барча режа ва дастурларимиз ватанимиз тараққийтини юксалтириш, халқимиз фаровонлигини оширишга хизмат қилади. Т.: Узбекистан, 2011. —17 с
3. Саидов А. Х. Гражданское общество, неправительственные организации и закон. Опыт Узбекистана. — Т.: Национальный центр Республики Узбекистан по правам человека, 1998. —12 с.

2.5. СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Салатова Александра Александровна

аспирант кафедры социологии КФУ, г. Казань

E-mail: aleksandra_salatova@bk.ru

Как Толстой Л. Н. еще в XIX веке предрекал: «Общественный прогресс истинный — в большем и большем единении людей», так мы и пришли к этому «единению» почти 150 лет спустя. Глобализация на современном этапе — объективный процесс, протекающий в режиме реального времени. Это своего рода уникальные, амбивалентные и необратимые, по Ульриху Беку, изменения в масштабах всей планеты, так или иначе затрагивающие каждого ее обитателя. Именно по этому, многие науки стремятся познать и интерпретировать различные аспекты процесса глобализации. Социология в попытке познания сути глобализации не является исключением. В статье приводится теоретический анализ причин и аспектов, по которым глобализация является объектом изучения социологической науки.

По общему определению социология является наукой об обществе как целостной системе и об отдельных социальных институтах, группах и процессах, рассматриваемых в их связях с общественным целым [1]. При этом, предпосылкой социологического познания является взгляд на общество как на взаимосвязанное целое, а не как «нечто механически сцепленное и допускающее, поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов» по Ленину В. И. [5, с. 165] Обусловлено это тем, что даже беглый взгляд на общественную структуру позволяет понять, что в ней не существует неизменных субъектов и объектов. Изменения в социальной сфере происходят постоянно: в пространстве, во времени. Эти изменения, как своеобразный эффект бабочки, касаются абсолютно всех аспектов общественной жизни. Исходя из общего понимания социологии, ее динамической основой являются протекающие в обществе социальные процессы, а именно разворачивание во времени, того или иного социального явления. Для

социологии ценность представляют относительно однородные серии явлений, связанные взаимными структурно-функциональными, причинными зависимостями. То есть серии явлений происходящих в организации и структуре групп, во взаимодействиях людей друг с другом: изменяющиеся отношения между людьми либо отношения между составными элементами общности. В данном случае серия социальных явлений принимается за процесс, если она сохраняет идентичность во времени, которая позволяет выделить эту серию из других, если предшествующие явления обуславливают, по крайней мере частично, следующие за ними явления и если они вызывают определенное однородное положение вещей. Данные социальные процессы неоднородны по своей сути. Различные их классификации в разное время выдвигали такие ученые как Р. Мертон, П. Штомпка, Э. Берджес и Р. Парк, Л. Фон Визе.

Рассмотрим классификацию социальных процессов Леопольда фон Визе. Согласно его точки зрения, социология — эмпирико-аналитическая дисциплина, предметом которой является «социальное» как совокупность процессов межчеловеческих взаимодействий и складывающихся на их основе социальных структур (групп, отношений и институтов различной степени устойчивости и общности). Подразумевая под сущностью общества многообразие отношений между людьми, фон Визе делает вывод, что все процессы сводятся к двум большим категориям: процессы взаимного сближения людей (объединяющие людей или ассоциативные) и процессы отдаления (разделяющие людей). В основу своей классификации Леопольд фон Визе заложил классический дихотомический подход, т. е. в упрощенном виде, в обществе одновременно существуют процессы сближения и процессы разделения людей при этом их движущей силой является взаимодействие субъектов. При этом, согласно теории мировой системы американского социолога Иммануила Мориса Валлерстайна с шестнадцатого века по настоящее время идет процесс формирования глобальной системы политических, но в первую очередь экономических связей, основанных на экспансии капиталистической мировой экономики [10, с. 497]. Иными словами можно говорить, опираясь на теоретические выводы фон Визе и принимая во внимание теорию Валлерстайна, о процессе глобального «сближения» людей. «Сближения» в смысле формирования тесных глобальных взаимосвязей, в первую очередь политических и экономических, а затем и социальных. Сближения, но не объединения. Сближение в социальной сфере проявляется усилением отношений взаимозависимости социальных связей, в том смысле происходящее в

различных точках мира все больше имеет отношение, а зачастую и влияние на нашу социальную действительность.

Почему на современном этапе развития общества мы можем говорить о формировании глобальных социальных взаимосвязей? «До наших дней — человеческого общества как целого не существовало» — замечает наш современник британский социолог и антрополог Питер Маурис Уорсли [11, с. 165] Он имеет в виду то, что только в последнее время стало реальным говорить о формировании социальных связей, которые охватывают всю планету. Эту мысль подтверждает и Энтони Гидденс: «Мир стал воистину единой социальной системой ... Глобальная система — это уже не просто среда, в условиях которой различные общества растут и изменяются. Социальные, политические и экономические связи пересекают границы государств и властно вторгаются в судьбы живущих в них людей. Усилившуюся взаимозависимость мирового сообщества можно обозначить универсальным термином глобализация». [3, с. 368]

Исторически, термин «глобализация» вошел в международный политический и научный лексикон в 60-е годы XX века. Однако, как считает один из разработчиков теории глобализации, профессор университета Абердине (Шотландия) Роланд Робертсон, в академических исследованиях этот термин приобрел значимость лишь в середине 80-х годов прошлого столетия. Так, в каталоге одной из крупнейших библиотек мира, национальной библиотеке США — библиотеке Конгресса в 1994 году указывались лишь 34 названия изданий, содержащих термин «глобализация» или различные производные от него, где самая ранняя была издана в 1987 году.

В настоящее время тема глобализации превратилась в одну из самых распространенных во всех социальных науках, а не только в теории международных отношений, как это было принято раньше. Каждая из этих наук, в том числе и социология, как уже было показано, концентрирует свое внимание на тех особенностях глобализации, которые непосредственно касаются объекта ее исследования. При этом за основу определений «глобализации» взяты два подхода:

- простое перечисление составляющих данного явления;
- выделение наиболее важных, ключевых моментов.

Что касается перечисления, то оно осуществляется в порядке значимости тех проявлений, которые наиболее полно выражают сущность глобализации.

Рассмотрим несколько определений понятия «глобализация». Глобализация, по определению Р. Робертсона — это процесс всевозрастающего воздействия различных факторов международного значения (например, тесных экономических и политических связей,

культурного и информационного обмена) на социальную действительность в отдельных странах. Есть мнение, что глобализация основана на концепции, по которой эволюция финансовых рынков, учреждений, организации приводит к состоянию, когда географические границы государств не в силах ограничивать проведение сделок либо другие действия. Как правило, термин «глобализация» относится к растущему международному характеру деятельности банков и других институтов. Развернутое определение приводится в словаре политических терминов: «Глобализация — процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Основным следствием этого является мировое разделение труда, миграция (и, как правило, концентрация) в масштабах всей планеты капитала, человеческих и производственных ресурсов, стандартизация законодательства, экономических, технологических процессов, а также сближение и слияние культур разных стран. Это объективный процесс, который носит системный характер, то есть охватывает все сферы жизни общества. В результате глобализации мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов» [8]. Происходит как увеличение количества общих для группы государств проблем, так и расширение числа и типов интегрирующихся субъектов [4, с. 12].

Интересна точка зрения на природу глобализации Эдуарда Пестеля, озвученная им в докладе «За пределами роста» на заседании «Римского клуба» — международной общественной организации объединяющей представителей мировой политической, финансовой, культурной и научной элиты в 1987 году: «Человек способен к организации своей личной и общественной жизни во всех ее разнообразных аспектах: политическом, экономическом, социальном, юридическом, религиозном, культурном и пр. Благодаря этому человек может создавать, развивать и упрочивать организации, институты, системы, эволюция которых сегодня выражается в их постоянно возрастающих размерах и сложности» [7]. Иными словами сам по себе процесс глобализации является объективным, исторически обусловленным всем развитием человеческой цивилизации. Как считает профессор Добреньков В. И., глобализация это объективный естественный процесс интеграции человечества в единое целое. Глобализация проявляется в том, что социальные процессы в одной части мира во все большей степени определяют происходящее в др. частях мира» [5, с. 301]. Иными словами, это многофакторное взаимодействие разнообразных явлений международной жизни (экономических, политических, нравственно-правовых, социальных, этнических, религиозных, и т. д.).

Вернемся к приведенному в начале определению социологии, в случае если рассматривать общество как целостную систему, можно заявлять о том, что под воздействием глобализационных процессов системность, как характеристика, сохраняется, но сами системы, как уже упоминал Валлерстайн, изменяются. При этом, по мере развития общества развивается социальная дифференциация и диверсификация: социальные связи становятся сложнее и многообразнее. Согласно точке зрения профессора Кулапина А. П.: «Всё большее количество качественно различных элементов становится необходимым соединить в известную систему, чтобы увеличить адаптивные способности социума, т. е. происходит усложнение социальных систем». Более сложные системы в свою очередь имеют тенденцию объединяться в макро — системы, которая и фиксируется в понятии «глобализация».

Основываясь на том, что социология изучает социальные процессы, на современном этапе развития человеческого общества, как было показано выше, можно смело говорить о процессе формирования единой глобальной социальной системы — процессы глобализации с данной точки зрения являются объектом изучения социологии.

Список литературы:

1. Большая советская энциклопедия: В 30 т. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2001 [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Социология/>
2. Гидденс Э. Социология. Учебник. — М.: Едиториал УРСС. 2005. — 531 с.
3. Гринин Л. Е. Глобализация и национальный суверенитет. // История и современность. № 1—2005. С. 6—31.
4. Добренков В.И. Глобализация и Россия: Социологический анализ. — М.: ИНФРА-М, 2006. — 447 с.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч., 5 изд., т. 1—55, М., 1958—1965 т. 1.
6. Пестель Э. «За пределами роста». Доклад Римскому клубу 1987 года. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.
7. Словарь политических терминов. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.polit-slovar.ru/dictionary/391/>
8. Шумилов М. М. Концептуальные основы глобализации. // Теоретический журнал «Credo new», 2005, № 1. [электронный ресурс] — Режим доступа. URL: http://gzvon.pyramid.volia.ua/biblioteka/kafedra_filosofii/libph/sb/credo/credonew/01_05/index.htm
9. Wallerstein Immanuel. The Capitalist World System. Cambridge, 1979.
10. Worsley P. The three worlds: culture and world development. London, 1984.

СЕКЦИЯ 3.

ФИЛОСОФИЯ

3.1. ФИЛОСОФИЯ, И ЕЕ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ПОСТРАЦИОНАЛЬНОСТЬ (АНТРОПНЫЙ АСПЕКТ)

Гайдабрус Наталья Викторовна

канд. филос. наук, доцент ПГУАС, г. Пенза

E-mail: n.v.gaidabrus@yandex.ru

Необходимость поиска новой соотносимости рационального/иррационального как механизма, задающего основные параметры социокультурного бытия человека, ставит перед философией науки требование вывода собственно антропологических оснований форм человеческой деятельности за пределы жесткой дихотомии рационального/иррационального.

Это означает для философии науки разработку философского статуса принципа антропности либо в контексте функционального объяснения, либо как чистой телеологии. Иначе говоря, решение всего комплекса проблем, с которыми сталкивается философия науки эпохи техногенной цивилизации, представляется перспективным на пути космо-функциональной или космо-целевой контекстуализации механизмов и закономерностей социального и культурного бытия человека.

Преобразование человеческой природы наукой на уровне теории и техногенностью на уровне практики: клонирование есть вывод человеческой природы за пределы чистой физики, а приложение компьютерных технологий к человеческому бытию есть вывод социокультурных форм в пространство физики. Таким образом, данные перспективы проявляют тенденции универсализации пострационального пространства, понимание самого универсума как физики, обладающей метафизической размерностью.

Философия науки как социокультурный феномен возникает, развивается и получает значительную рефлексию именно в

техногенной среде. Это связано с тем, что прогресс техногенной цивилизации выдвигает требование высокого уровня самоосмысления научного знания, задающего саму возможность формирования технико-технологического пространства. В свою очередь развитие науки как теоретико-исследовательского и теоретико-практического знания выступает основной и главной силой современного социокультурного бытия в его общецивилизационной перспективе. Методологическая взаимосвязь исследования социокультурного контекста философии науки в техногенной среде и философии науки как специфического метанаучного дискурса, то есть самоосмысления науки обусловлена самой внутренней логикой корреляции техногенности как специфического самопорождения и самовоспроизводства техники и технологии. Очевидно, что именно с этим связан рост роли интеллектуально-формирующей деятельности человека в целостном социокультурном бытии.

Наука с неизбежностью устремлена к объективности и всеобщности, даже максимальной абстрактности определяемых ею истин. Стремление к предельной объективности как теоретическому и методологическому основанию самого научного знания представляется нам исконной антропологической интенцией человеческого бытия как направленного к преодолению ограниченности собственной антропологичности.

Возможность познания и обретение предельной антропологической объективности максимально объективны для человека уже хотя бы в силу факта конечности своего существования. Именно этот факт ставит границу, делающей ясной, как на уровне повседневности, так и на уровне чисто рационального взгляда на собственное существование, и временную размерность антропологии.

Стремление вырваться за границы конечного человеческого бытия может быть проявлено уже не только в природе человеческого бытия, то есть онтологии его существования, но и в природе человеческого познания, в предельно онтологичном стремлении познавать основания собственного существования не только внутри антропологии, но и вне нее, в самом бытии.

В рамках теоретико-методологических установок современной философии науки это раскрывает эвристическую значимость анализа принципа антропности в границах парадигмы эволюционной эпистемологии и когнитивистики. Вместе с тем, данный подход проявляет важность этизации и эстетизации научных теорий, что лишний раз подтверждает тенденции пострационализации как научных теорий, так и их практического приложения.

Такое видение проблемы смыкается в общем культурно-цивилизационном развитии человечества как новая парадигма синтетичности, выступающая контраргументом и, в то же время, логическим развитием феноменов фрагментации и калейдоскопичности современной картины мира. В этом плане можно указать на тенденцию синхронизации основных культурно-цивилизационных парадигм человечества — западной и восточной — как этизацию самого Космоса, что, в сущности, было актуально еще для древнеиндийской и древнекитайской философии.

Роль последних в перспективе нахождения телеологического обоснования существования мира и человека заключается в их теоретическом осмыслении и практическом применении на уровне социокультурного традиционализма. В таком случае (экстраполяции принципа телеологизма на логику цивилизационного развития человечества) западноевропейская цивилизация несет в себе функцию практического воплощения принципа единства микро- и макрокосмичности в искусственной технико-технологической среде.

Но она, при таком понимании, перестает быть только искусственной и раскрывается как включенная в некое самоосмысленное движение Универсума. Какими бы исключительно гипотетическими и необязательными не представлялись эти размышления, они, по сути, есть единственный способ выхода человечества из планетарного кризиса. Он в этом случае как раз и видится как результат фрагментации культурно-цивилизационной устремленности человечества, как отсутствие в качестве осознанной и осмысленной цели разработки и практической реализации философии общего дела.

Тенденция синкретизации научного знания, отмечаемая современной философией науки, позволяет функционально выделить во всем комплексе проблем антропологического бытия выделить внутреннюю и внешнюю проблематику. Последняя предстает как поиск методов и форм совершенствования человеческого мира путем оптимизации форм человеческой деятельности, то есть оптимального регулирования внешних проявлений некоей общей антропологической аутентичности. На практике эта тенденция проявляется как поиск методов совершенствования общественно-политических и государственных, экономических и культурных отношений.

Однако ретроспективный взгляд на историю этого принципа с очевидностью проявляет его принципиальную недостаточность и ограниченность. Современная философия науки приходит к выводу, что невозможно оптимизировать внешние, отчужденные формы человеческой деятельности, пока не найдены средства и методы

совершенствования самой человеческой природы, как бы ни казалось это несбыточным.

Модернистский проект становления новых принципов научной рациональности и его следствия в общественной, социокультурной реальности показали принципиальную невозможность исправить человеческую природу внешними, внеположенными ей средствами, то есть средствами не изнутри самой антропологии.

Тоталитаризм (человек не в силах подняться над физикой, пока физика довлеет его метафизике, иначе говоря, пока конечность человеческого существования ставит пределы его нравственно-духовному устремлению) и использование атома (внутри классического и неклассического типов рациональности нет возможности найти механизмы и средства этизации научных положений и открытий. Такая научная парадигма открыта как этическому традиционализму, так и этическому релятивизму). Угроза атомного уничтожения и экологические техногенные катастрофы являются выразительным примером этического релятивизма практического применения научных положений.

В этом плане для современной, постнеклассической философии науки очевидно, что решение всего комплекса социокультурных проблем человеческого существования и самих внутренних проблемных зон антропологии должно разворачиваться на пути физического восполнения метафизических устремлений человека и, параллельно, проявлении метафизической размерности природного бытия.

Список литературы:

1. Кун Т. Структура научных революций. — М.: АСТ, 2009.—320°с.
2. Философия. Наука. Цивилизация. Под ред. Казютинского В. В. — М.: Эдитериал УРСС, 1999.—368 с.
3. Федоров Н. Ф. Сочинения. М.: Раритет, 1994.—416 с.

3.2 СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ОБЩЕНАУЧНЫЕ КАТЕГОРИИ «ОДНОРОДНОСТЬ» И «НЕОДНОРОДНОСТЬ» КАК ФОРМЫ ПОЗНАНИЯ

Гимаева Алсу Ильгизьяровна

*проректор по ВР Нижнекамского муниципального института,
г. Нижнекамск*

E-mail: alsu.gimaeva@yandex.ru

Определение понятий «однородность» и «неоднородность», как правило, имеет одну и ту же трудность — существование лишь с точки зрения различного спектра частных наук, на основе анализа частнонаучных модификаций, онтологической роли однородности и неоднородности в объектах живой и неживой природы, общества, а так же взаимосвязи понятий «однородность» и «неоднородность» с другими общенаучными, частнонаучными понятиями и философскими категориями.

В процессе доказательства общенаучного статуса однородности и неоднородности, Солодухо Н. М. формулировал следующие определения понятий. «Однородность (гомогенность) обозначает сходство (или общность) в происхождении, составе и основных свойствах различных в том или ином отношении систем и их компонентов» [2, с. 25] Тогда как «неоднородность (гетерогенность) как общенаучное понятие служит для обозначения несходства (различий) в происхождении, составе и основных свойствах сходных в том или ином отношении систем и их компонентов» [2, с. 25] Исторический анализ, направленный на обнаружение специфики однородно-неоднородного аспекта бытия, уже проводился ранее в работах Солодухо Н. М., однако в данном исследовании рассуждения будут углублены для более точного обоснования проблемы однородности и неоднородности как общенаучных понятий, определения их с точки зрения мировой структуры бытия.

В процессе становления категорий однородности и неоднородности как самостоятельных единиц наук, понятий, обосновывающих общенаучный подход, выделяют несколько тенденций в оценке роли и соотношения однородного и неоднородного аспектов бытия и его познания:

- бытие оценивается как нерасчлененное и однородное целое, имеющее начало; раскрытие основ, познание его есть процесс воспроизведения однородности однородным.

- бытие разнородно, либо в своих корнях, либо в отдельных частях, компонентах структуры, познание бытия человеком делают мир и человека неоднородными друг относительно друга.

- эволюция мира в целом подчиняется закону перехода из однородного в неоднородное;

- бытие постепенно, но постоянно переходит из неоднородного состояния в однородное;

- мир в целом имеет одновременно сосуществующие два свойства, однородности и неоднородности. Подобное является следствием смешения двух систем бытия — «однородной и неоднородной» [2, с. 18—19]

На протяжении всей истории философии в качестве специфического гомогенно-гетерогенного подхода («гомогенный» — «однородный», «гетерогенный» — «разнородный», «неоднородный»), философские учения не выделялись, хотя и существовали теории, описывающие качественную характеристику однородно-неоднородного аспекта предмета или явления, подменяя при этом понятийный аппарат другими категориями, проявляющими отдельные схожие свойства с рассматриваемыми понятиями. Рассмотрим историческую составляющую развития понятий «однородность» и «неоднородность» с целью определения тенденций в развёртывании и определении их.

Начиная с древнеиндийской, китайской и греческой философии, гомогетерогенный аспект реальности и познания находил свое отражение главным образом в форме гомогенных и гетерогенных представлений, в которых не было точно определенных свойств таких сущностей как однородность и неоднородность. Подобные точки зрения существовали в период формирования первичной картины мира человека, определении философских структур, выделении философии как самостоятельного учения. [1, с. 42] С момента становления философии однородность и неоднородность проявляются в форме понятий, еще не выделившихся как самостоятельные, однако как некие структуры, которые имеют четкую нерушимую связь с категориями сходство, общность, единство, нерасчлененность, интеграция, различие, разнообразие, дифференциация. Одним словом, теми понятиями, которые рассматривались мыслителями как категории философии.

В самый ранний период китайской философии, до 6 века д. н. э. проявляется учение, имеющее ярко выраженный космогонический

характер — естественные процессы, происходящие согласно ритмам природы, влекут за собой все остальные события мира, от движения звезд и планет на небесах до политических и культурных поступков, вершащихся в государственной и общественной сфере. Таким образом, от однородной, единой и неизменной природной структуры зависело абсолютно все.

Гераклит утверждал несотворенность мира ни богами, ни людьми, ни кем бы то ни было, предполагая, что закономерные процессы, происходящие в этой постоянной однородной структуре, будут вечно протекать именно так, не имея на себе чьего-либо влияния.

Парменид строил свое учение на тезисе, что мир неизменная непреходящая, постоянно пребывающая в состоянии покоя, сущность. Любые изменения, которые имеют место быть в природе и обществе, говорит мыслитель, есть лишь субъективные единичные моменты, имеющие видимый мнимый характер. Ими, проводя мыслительный анализ истинного смысла существования, можно и нужно пренебрегать.

Дж. Бруно и В. Г. Ф. Гегель в своих совершенно различных с точки зрения специфики и направленности учениях утверждали одну и ту же мысль о существовании однородной неизменной Вселенной, в основе которой находится божественная субстанция, пронизывающая собой все сущее на Земле. И хотя материальный мир подвержен изменениям, а значит, не постоянен, все же мировая структура строится на константной основе.

В отличие от вышеуказанных точек зрения, в периоды развертывания данных учений формулировались и другие, несхожие по характеру с описанными выше. Эмпедокл, утверждающий отсутствие возникновения и исчезновения материи как таковой, объяснял рождение и гибель всего существующего на земле постоянными процессами смещения и разделения единых структурных элементов, которые только и имеют неизменный характер — огонь, вода, воздух, земля. Мир характеризуется здесь как неоднородный, несмотря на наличие неизменных основ, потому что, во-первых, основные элементы находятся в вечном изменении собственной структуры, во-вторых, движущими силами данного процесса являются Любовь и Вражда, непостоянные, духовные структуры.

Аристотель разделял окружающий мир на части, четко указывая различие между сущностными структурами человека, душой и всеобъемлющим интеллектом (Нус), а также стремился классифицировать и выделить как можно больше философских категорий, которые могли бы объяснить природные и социальные процессы.

Г. Лейбниц утверждал бесконечное многообразие Вселенной, объясняя подобный процесс тем, что индивидуальное, личностное начало имеет большое значение для развития мира. Вселенная находится в постоянном развитии, писал мыслитель, где каждый элемент, феномен имеет взаимозависимый характер от другого. В частности, подобное касалось понятий «пространство» и «время».

Наиболее интересным соединением понятий «однородность» и «неоднородность» в применении к социальным структурам представляется учение Г. Спенсера, который определял структуру эволюционирования мировой составляющей как процесс постоянного развития и разрушения. Мир кажется мыслителю однородной целостной структурой, внутри которой происходит вечная смена одного процесса на другой. Развитием, в данном случае, является плавный переход от однородного несвязанного с чем-либо материала (силы, материи) к конкретной, структурированной неоднородности, имеющей определенные свойства и качества. Эволюционные законы, созданные Спенсером, позволяют утверждать возможность перехода однородности и неоднородности один в другой и, более того, на основе формулирования постоянной смены подобных процессов, утверждать однородную картину мира, вечно сменяющий ритм развития и разрушения, несущий гармоничное постоянное состояние.

Точка зрения философа интересна тем, что четко показывает как в процессе различного рода воздействий неоднородные структуры, наряду с однородными, могут обретать единство форм. Живые это организмы или просто камни, которых выбросило прибоем на берег, любые природные объекты претерпевают два ряда изменений, утверждает эволюционист. В таком случае, «возникает, с одной стороны, их универсальное сходство, происходящее из одинаковости их отношения к веществам и силам внешней среды, а с другой стороны, возникает в некоторых случаях их различие, зависящее от различного воздействия этих веществ и сил; в других же случаях возникают изменения, которые, сохраняя или разрушая жизнь, складываются в известный естественный подбор».

Несколько иная точка зрения раскрывается в учении В. Вундта. В понятии, которое именуется у мыслителя как «гетерогения целей» четко прослеживается наличие некой гетерогенности, то есть неоднородности. Цель, будь то отдельного человека или социальной группы в целом, всегда, утверждает Вундт, помимо конкретных известных мотивов и потребностей состоит из побочных действий, имеющих так называемый «тайный» характер. Рассматривая процесс возникновения подобных элементов цели, ученый, также как и Спенсер, определяет наличие неких коллективных структур, влияющих на конкретного человека или на

отдельную группу. Таким образом, благодаря некоторым стихийно складывающимся элементам, процесс однородный (постановка и достижение целей) становится неоднородным (с элементами, ранее не существовавшими в данной мотивационной картине).

Результатом полученных наблюдений является вывод, что нет однозначного решения вопроса об однородности или неоднородности мировой структуры. В этом смысле, можно провести параллель с решением основного вопроса философии. Подобно последнему различия между системой однородных и неоднородных представлений о мире имеет извечный характер. Таким образом, понятия «однородность» и «неоднородность» действительно являются общенаучными, затрагивающими вечные вопросы философии категориями.

Список литературы:

1. Серебряков Ф.Ф. Зарождение философии. Ее культурно-исторические предпосылки. Казань, 1991.—63 с.
2. Солодухо Н.М. Гомогенно-гетерогенный подход в структуре гомогетерогеники. Казань: Изд-во Казанского техн.ун-та, 2006.—100 с.

«ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО НРАВСТВЕННОСТИ» И ИДЕЯ ГУМАНИЗМА В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Григорян Татевик Вартановна

*аспирант кафедры философии, Забайкальский государственный
университет, г. Чита
E-mail: Ann-0989@mail.ru*

Для начала важно отметить, что много тысячелетий тому назад Буддой был сформулирован так называемый принцип взаимности или «золотое правило нравственности». Его суть состоит в том, что человек, поступая определённым образом, невольно вызывает ответную реакцию у окружающих его людей, сопряжённую с подобным стилем поведения. «Золотое правило нравственности» имеет место быть в Евангелие (христианская религия) и в изречении Муххамеда (исламская религия). Для ясного понимания «золотого правила нравственности» и идеи гуманизма, необходимо хотя бы кратко охарактеризовать исходные философские позиции, отражённые в китайской, арабо-мусульманской, западноевропейской, русской и индийской философских работах мыслителей, живших в разных исторических эпохах.

В истории восточной философии, в частности китайской, о «золотом правиле нравственности» и идеи гуманизма говорили Конфуций, Мэн Кэ, Чжоу Дуньшань, братья Чэн Хао и Чэн И, Ван Янмин, Фэн Юлань и другие. В арабо-мусульманской философии эти нравственные требования отчётливо просматриваются в работах Рудаки Абу Абдаллаха, Аль-Фараби, Ибн Сина (Авиценна), Ибн-Рушда, Ибн Халдуна и в других. В ходе общественно-исторического развития эти два нравственных требования фигурировали в творчестве таких виднейших представителей западной философской мысли как Гомер, Геродот, Фалес, Б. Августин, Н. Кузанский, Т. Гоббс, П. Гассенди, Дж. Локк, Ж. О. Ламетри, Г. В. Лейбниц, Х. Томазий, И. Г. Гердер, И. Кант, Л. Фейербах, Ф. Ницше и другие. В индийской философии идея гуманизма и «золотое правило нравственности» находят отражение в творчестве Нагарджуна, Шанкары, Рамануджа, Р. Тагора, С. Вивекананды, М. К. Ганди, А. Гхоша, Д. Неру, М. Р. Ананды, Р. Свами и другие. В истории русской и современной российской философии рассуждения по поводу нравственного принципа общезначимости содержатся, например, в работах Чаадаева П. Я., Толстого Л. Н., Кропоткин П., Дробницкого О. Г., Кареева Н. И., Афанасьева В. Г., Фролова И. Т. и других. Рассмотрим философские воззрения представителей названных культур.

Как известно, в историческом древнекитайском памятнике «Лунь юй» («Беседы и высказывания»), в котором ученики Конфуция (Кун Фу-цзы) (551—479 до н. э.) изложили основные взгляды на мироустройство своего учителя. В этом труде приоритетное место отведено принципу «жэнь». Принцип «жэнь» означает человечность, человеколюбие и гуманность. Он выступает в качестве основы жизнедеятельности «благородного мужа» и выделяет человека из всего царства животного мира.

Конфуций стоял на позиции, утверждающей, что весь мир в своём бытии и развитии подчинён всеобщему порядку. Чтобы в человеке восторжествовала гуманность, а не злонаравие, он должен отворотиться от всякого рода лжи, жадности, тщеславия, притворства, зависти, корысти, глупости, праздности и безделья. По мнению философа, идея гуманизма зиждется на таких основополагающих нравственных ценностях, как честность, доброта, преданность, почтительность, великодушие, учёность, сметливость, усердие и строгое соблюдение ритуалов. Кроме того, необходимо внешне оказывать знаки внимания в отношении к близким родственникам, стремиться дружить с равными себе людьми, мужественно браться за исправление личных ошибок. Память об умерших и почитание своих предков способствует укреплению добродетельности в народе. Гуманность является важным и универсальным качеством, которым должен обладать и стараться повсеместно применять «благородный муж».

Конфуций сформулировал «золотое правило нравственности», гласящее: «Чего себе не поделаешь, того не делай и другим» [3, с. 102]. Это нравственное требование он считал трудновыполнимым и отождествлял его с гуманностью. Философ полагал, что гуманность «благородного мужа» только возрастёт, если он, в случае необходимости, отдаст свою жизнь ради добродетельной цели при одном условии: этот поступок ни в коей мере не должен быть совершён в состоянии безрассудства, пессимизма и ненависти. «Благородному мужу», обладающему добродетелью и живущему по принципу гуманности, противостоит «малый человек», который из-за своей трусости и распущенности (моральной, физической и умственной) безрассудно склоняется на сторону всякого человека, который обратит на него своё внимание. Конфуций считал, что стремление оправдываться — это та черта характера, которая может быть присуща только «малому человеку» и всем представительницам женского пола. Уподобиться образу «благородного мужа» или стать низким человеком — это выбор, к которому каждый человек рано или поздно приходит в своей жизни.

В конфуцианской этике в качестве главной цели выступает «жэнь» как совокупность всех добродетелей, и одновременно она является неотъемлемой частью долга («и») и ритуала («ли»). То есть гуманность, по Конфуцию, представляет собой моральный идеал поведения человека в социуме, в том числе служит основополагающим критерием государственного управления. Превалирование идеи гуманизма в общественном сознании будет способствовать достижению всеобщего мира на земле. Каждый человек, с позиции философа, сам устраивает своё настоящее и будущее, поэтому к формулированию жизненных целей и выбору основополагающих ценностей необходимо подходить разумно. Осмысленность личного бытия и гуманный образ жизни внушают человеку чувство уверенности и душевное спокойствие.

Итак, можно с полным правом примкнуть к точке зрения многих исследователей, например, к Чжу Си, С. Ву Джожефу, Переломову Л. С. и другим, согласно которой, Конфуций выступает в качества основоположника идеи гуманизма в китайской философии. «Золотое правило нравственности» и идея гуманизма в философии Конфуция отождествляются.

Мусульманская философия, зародившаяся в VIII веке на основе античной философской мысли, тесно переплетается с исламской религией. Значительный вклад в утверждение социальной значимости «золотого правила нравственности» и идеи гуманизма внёс Рудаки Абу Абдаллах (860—941). Он считал, что добрый нрав и здравый смысл по наследству, от отца к сыну, не переходит. Поэтому родителям надобно не гордиться своими достоинствами, а приложить максимум усилий для того, чтобы воспитать благородного души, помыслами и делами человека. Абдаллах писал: «Будь щедрым сам, стань добрым и открытым, и люди будут щедрыми с тобой» [8, с. 181]. Это высказывание философа тесно перекликается со смысловым содержанием так называемого «золотого правила нравственности». Поэтому Абдаллах утверждал, что тот, кто негативно отзывается о людях, сам является ничуть не лучше тех характеристик, которые он посылает в адрес общественности.

Абдаллах отмечал, что жизнь каждого человека наполнена, попеременно, то положительными, то отрицательными моментами. Он считал, что не стоит ни в коей мере полагаться на судьбу, так как она всегда несправедлива к добрым людям. Он писал: «Пусть мир к тебе несправедлив, сам — справедливым будь» [8, с. 184]. Это высказывание философа основано на вере в то, что зло невозможно победить, проявляя ответное зло. С его позиции за злодеяния надо отвечать только добродетелью. Зло существует не для того, чтобы

возбуждать в людях жестокость и агрессию, а для того, чтобы из их душ проявилась наружу гуманность. Каждый человек, с позиции философа, должен избрать высокую цель и бесповоротно к ней стремиться, не боясь при этом идти по неизведанным ранее труднопроходимым «дорогам».

В качестве представителя западной философии обратимся к творчеству Пьера Гассенди (1592—1655). Он отождествлял «золотое правило нравственности» с идеей гуманизма. Гассенди постулировал: «Поступай всегда таким образом, как если бы кто-нибудь за тобой смотрел; ибо раз ты в такой степени кого-нибудь уважаешь, ты и сам скоро станешь достойным уважения» [2, с. 393]. По его мнению, если бы все люди поступали, сообразуясь с этим нравственным правилом, то их жизнь всегда была бы наполнена удовольствием и счастьем. Гассенди считал, что общественного благополучия невозможно достичь без руководства идеей гуманизма и справедливостью. Они призваны обеспечить гармоничное сращивание потребностей народа с индивидуальными устремлениями, присущими каждой личности. Поэтому под гуманностью философ понимал именно заботу каждого человека об общем благе, выражаемом в разумном совершении добрых дел. При этом в возможность становления безусловного общественного согласия и гармоничного единения всех людей он не верил.

Представления о справедливости и праве, по мнению Гассенди, для всех народов не тождественны. Это обусловлено различиями в климатических условиях, наличием той или иной флоры и фауны и прочими географическими факторами, в которых вынуждены проживать люди. При этом философ не отрицал возможность наличия общих для всех правил общежития. Внешнее проявление несправедливости имеет основанием необузданную вовремя страсть, возникшую в результате принятия на веру в качестве истины бессмысленных суждений. Таким образом, Гассенди заключал, что общественного благополучия государства достигают посредством честного соблюдения всеми гражданами справедливых и гуманных правовых законов.

Заметный вклад в разработку идеи гуманизма и «золотого правила нравственности» внёс выдающийся философ двадцатого века Сарвепалла Радхакришнан (1888—1975). Наиболее чётко его гуманистическое мировоззрение отметил Ч. Нараян: «Краеугольным камнем социальной философии Радхакришнана была аксиома, восходящая к идеалистической метафизике, согласно которой все люди причастны одной и той же Божественной природе и потому одинаково ценны и наделены равными правами. Человеческая личность — это наивысшее, наиболее конкретное воплощение Духа на Земле, и всё то,

что наносит урон этой личности или её достоинству, является нравственно дурным. Всё то, что способствует самореализации, является благом» [1, с. 362—363]. Радхакришнан называл антигуманистическими, по своей природе, капитализм, коммунизм и фашизм. Он выступал за такую государственно-политическую форму общественного устройства, как социальная демократия, способствующая, по его мнению, всестороннему гуманистическому развитию социума, и за годы своего правления в Индии ((1962—1967), а 1952—1962 был вице — президентом Индии) пытался практически реализовать свои взгляды во благо своему народу.

Этот крупнейший индийский философ писал: «Гуманизм — это справедливый протест против тех форм религии, которые разделяют светское и священное, время и вечность и разбивают единство души и тела. <...> Каждая религия должна воспитывать уважение к человеку и к правам личности...» [4, с. 272]. Радхакришнан отмечал, что религия тесно связана с социальной жизнью, она является именно тем проводником, следуя за которым «...люди раскрывают свои стремления и находят утешение при крушении своих надежд» [4, с. 272]. Отвергая догматизм, фанатизм и именно ложную религию, он провозгласил идею создания гуманистической природы, выступающую в качестве «вечной религии», в центре которой находится человек.

Радхакришнан писал: «Гуманизм предполагает, что человек по природе своей добр и что зло коренится в обществе, в обстановке, окружающей человека, а если её изменить, проявится его доброта и будет достигнут прогресс» [4, с. 275]. К сожалению, эта идея не получила у философа дальнейшего развития. Он лишь призывал личность к духовному совершенствованию, благодаря чему, по его мнению, происходит формирование гуманного человека «нового типа».

«Золотое правило нравственности» и идея гуманизма в индийской философии имеют этико-практическую направленность, центральное место в которой отведено личностному бытию. Эти два нравственных принципа общежития в индийской философии тесно переплетаются с такими психическими компонентами человеческого существа как эмоции, разум и воля.

Из современных отечественных учёных, которые пытаются обосновать реальность практического применения «золотого правила нравственности» и идеи гуманизма можно выделить Апресяна Р. Г., Гусейнова А. А., Маркова Б. В.. Среди учёных в области педагогики такие попытки делают, например, Поздняков О. К., Плотникова О. В., Пупков С. В., Суханова В. К..

В частности, Поздняков О. К., занимаясь анализом морального облика учащегося и учителя, с позиции педагогической науки отмечает, что «...справедливость и милосердие учителя оказывают влияние на мотивы его деятельности и общения с учащимися таким образом, что удерживают его от причинения страдания ученику и побуждают к деятельной помощи, «помощи в самопомощи» [5, с. 63]. Поздняков считает, что «золотое правило нравственности», опирающееся на такие естественные стремления человека, как милосердие и альтруизм, не может внешне проявиться без предварительного формирования в человеке нравственного сознания.

Отмечая положительные и отрицательные моменты современного научно-технического прогресса, Суханова В. К. и Плотникова О. В. полагают, что наметившиеся антигуманные проявления могут исходить из проблем, которые имеют место быть в сфере образования. Они отмечают, что одна из существенных проблем технократического развития заключается в том, что по объективным и субъективным причинам в мире утрачивается гуманистическое отношение к каждому человеку как к наивысшей ценности бытия. Авторы подчёркивают: «Реализация гуманистической направленности является общей задачей всех предметов естественнонаучного цикла. Но полной реализации можно достичь только при обязательном партнёрстве педагога и студента, личностно-ориентированном подходе, основная идея которого состоит в следующем: педагог есть условие для развития и личностного роста студента, и наоборот» [7, с. 78]. Тем самым, они заключают, что основное предназначение преподавателя сводится к тому, чтобы он подготовил учащегося к гармоничному взаимодействию с духовно-материальным окружающим миром.

Для полноты проводимого анализа кратко рассмотрим гуманистические воззрения знаменитого русского философа Льва Николаевича Толстого (1828—1910). Его интерпретация идеи гуманизма основывается на созданной им религиозно-философской концепции. Опираясь на христианское вероучение, он сформулировал следующее гуманное правило общежития: «Все учение Христа в том, чтобы любить людей. Любить же людей значит поступать с ними так же, как ты хочешь, чтобы другие поступали с тобой. А так как никто не хочет, чтобы его насильствовали, то, поступая с другими, как хочешь, чтобы поступали с тобой, ни в каком случае нельзя насильствовать их» [9]. Центральное место в этой концепции занимает тема моральных основ личности, в том числе принцип непротивления злу насилием.

Русский философ считал, что мораль имеет решающее значение для формирования благополучного общества. Бог для философа — это высшее и чистое нравственное начало в человеческой душе. Философ

утверждал, что победа над злом, путь к счастью и практическое воплощение христианского идеала всеобщего братства практически возможны благодаря приложению больших усилий каждым человеком для своего нравственного совершенствования. К основным нравственным качествам Толстой причислял скромность, подавление страстей и контроль над своими желаниями.

Стоит отметить, что Толстой выступал за устранение из общества безграмотности, и говорил о необходимости прививать народу любовь к просвещению. Только образованный человек, с позиции философа, может создавать наилучшие условия для жизни, правильно различать внешние проявления добра и зла. Каждый человек имеет естественное стремление к благу для себя. Признавая в человеке эгоистическое начало, Толстой отмечал, что человек может делать другому человеку добро только в том случае, если от этого его жизненное положение в разы улучшится, а не делать зла в силу того, что причинение страданий другим людям может навлечь вред его личному благополучию. Тем самым благо каждого человека зависит от характера его взаимоотношений с другими людьми. Человеческая жизнь не должна носить бессмысленный характер. Для этого, по мнению философа, надо не допускать суетливости, не давать себе опуститься до похотливого состояния и нищенского материального и социального положения в обществе.

Основные философско-гуманистические идеи Толстого можно свести к нижеследующим основным тезисам. Во-первых, мудрость измеряется не объёмами знаний, а заключается в гармоничном общежитии и умеренном употреблении материальных благ. Во-вторых, счастливый мир на земле возможен лишь тогда, когда каждый человек проникнется сочувствием к своему ближнему и возлюбит всех людей, принеся, тем самым, в жертву своё эгоистическое чувство. То есть, истинное счастье заключается в самоотречении и человеколюбии. В-третьих, необходимо всегда придерживаться нерушимых христианских идеалов, дарующих смысл жизни, который заключён в разумности. Тем самым, человек осознаёт себя разумным существом, познаёт радость семейной жизни и прочие высшие блага. При этом он должен отвратиться от всех неразумных животностно-личностных качеств, которые губительно сказываются на его образе жизни, например, от пьянства, чревоугодия, половой невоздержанности и тому подобное. В-пятых, в каждом человеке от рождения заложена божественная сила, которую важно не разрушить, так как она является источником истинного счастья и гуманности. И, наконец, в-шестых, процесс воспитания и образования молодого поколения обязательно должен быть свободным, гуманным, целенаправленным и

сознательным. А для приобщения к духовной культуре необходимо овладеть каким-нибудь полезным видом искусства, которое способствует полноценному формированию гуманной личности.

Из всего вышеизложенного следует, что «золотое правило нравственности» тесно связано с идеей гуманизма. Второе нравственное требование, так же, как и первое, зародилось много веков назад и охватывает религиозную сферу, например, в истории философии имеет место быть христианский гуманизм. В настоящее время, в связи с ростом глобальных угроз, мировая общественность всё чаще стала говорить о необходимости возрождения идеи гуманизма. Выступая в качестве универсальной и потенциальной основы в человеке, идея гуманизма призвана обеспечить благополучное и счастливое мироустройство. Общее между «золотым правилом нравственности» и идеей гуманизма заключается также в том, что источником их возникновения служит именно человечность в человеческом существе, являясь тем самым продуктами мышления и разумной социальной деятельности.

Список литературы:

1. Великие мыслители Востока / Пер. с англ. Н. Барановой [и др.]. — М.: КРОН — ПРЕСС, 1998. — 656 с.
2. Гассенди П. Свод философии Эпикура // Собр. соч.: в 2т. — М.: Мысль, 1966. Т. 1. — 431 с.
3. Конфуций. Уроки мудрости // Соч. — М.: Изд-во «Фолио», 2002. — 958 с.
4. Литман А. Д. Современная индийская философия. М.: Мысль, 1985. — 399 с.
5. Позднякова О. К. Нравственное сознание будущего учителя: анализ состояния с позиции золотого правила нравственности // Вестник ОГУ. — 2006. Часть 1. — № 9. С. 57—63.
6. Суханова В. К., Плотникова О. В. Гуманитаризация естественно-научного образования как средство его гуманизации // Вестник ТГЭУ. — 2009. — № 4. С. 72—78.
7. Таранов П. С. Золотая философия. М.: Изд-во АСТ, 1999. 544 с.
8. Толстой Л. Н. Путь жизни. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.klex.ru/38i>.

3.3. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

КОНТРАРНОСТЬ СУЖДЕНИЙ И «КОНТРАДИКТОРНОСТЬ»

Кулаков Иннокентий Дмитриевич

экс-доцент по должности БГАМ, г. Минск, Беларусь

E-mail: kdi_dmitri@mail.ru

В Тезисах по иному решается вопрос о контрарности суждений, с переосмыслением на этой основе и понятия «контрадикторности».

1. Экспозиционно определимся терминологически и с логическими формализмами содержательно известных видов сопоставимых простых суждений: 1) *общепозитивные*, или коммпозитивные (P_c ; лат. *common* — общий, *positivus* — положительный); 2) *общенегативные* (N_c ; лат. *negativus* — отрицательный); *частнопозитивные*, или мембропозитивные (P_m ; лат. *membrum* — часть целого); *частнонегативные* (N_m), — претендующих на истинность [2, с. 118]. Данная терминология эквивалентна известной терминологии. В символическом выражении: $P_c = A$; $N_c = E$; $P_m = I$; $N_m = O$. В соответствии с принципом двузначности будем называть истинностный критерий оценки **л.-г.** (логико-гносеологическим) **признаком**, а сами оценки — истинно (**и.**), ложно (**л.**) — **л.-г. значениями**.

2. Понятие «контрарность суждения» призвано в синтезе объединить два понятия — «контрарное отношение суждения» и «контрарное суждение», из которых ещё необходимо выявить «правильную часть», чтобы избавиться от балласта, доставшегося в наследство от традиционной логики, мешающего образованию общего понятия, с целью более точной рефлексии предмета понятия в его содержании и объёме. Поскольку относительное качество контрарности принимается суждениями на основе их отношения, начнём с последнего, дефинировать которое иногда принято под именем «контрарная противоположность», представляющего, с позиции традиционной теории, «отношение между *противными*, или *противоположными*, суждениями» [1, с. 148], с отсылкой читателя к «*Логическому квадрату*» [1, с. 184]. Определение, на первый взгляд, является номинальным, а по сути подразумевая отношение, как контрарных по

качеству, «общеутвердительных» и «общеотрицательных» высказываний — суждений, с отличием от самих себя по качеству в перекрёстных отношениях, соответственно с «частноотрицательными» и «частноутвердительными» суждениями, называя последние отношения «контрадикторностью» [4, с. 56; 7, с. 58] или «контрадикторной противоположностью» [1, с. 146]. На наш взгляд, следует откорректироваться терминологически, прежде всего в пользу «отношение контрарности суждений», «контрарные суждения», «контрарность суждений», имея в виду указание их противоположности в дефиниенсе. Целесообразно было бы отказаться от термина «контрадикторность», поскольку при известной смысловой адекватности латинскому *contradictorius* — «противоречивый», «противоречащий», взятое со стороны звучания, фонетически, вызывает ассоциации, скорее, техно-агрегатного, нежели абстрактно-рефлексивного характера. Видимо, не случайно некоторые авторы отказываются от термина [6, с. 143—149]. К этой, фоно-эстетической, связанной с морфологией, стороне терминосозидания по другому случаю автору уже приходилось обращаться [3, с. 107], отмечая важность не только значения термина, имеющего инокорни (иностраные корни), но и успешной операции по адаптации к заимствующему языку в сочетании интуиции и дискурса. С этих позиций, на наш взгляд, предпочтительнее будет звучание и написание не «контрадикторный», а **«контрадиктивный»**, **«контрадиктивность»** (от лат. *contra* — против, *dictionis* — высказывание. По содержанию между суждениями P_c и N_m , N_c и P_m действительно возникает отношение «контрадикторности», или по нашей терминологии — контрадиктивности, но не рядоположенно по отношению к контрарности.

3. Чтобы показать последнее, для содействия процессу обобщения, необходимо вначале осуществить своеобразное *secare se pati*, «отоперировать» существующее понятие, присмотревшись к отношению общепозитивных и общенегативных. Обозначим отношения между суждениями через R , а сами суждения через x и y , получив множество ($K = \{R(x,y)\}$), где x — истинное суждение, а y — ложное. Тогда отношения между P_c и N_c при использовании элементов множества получают три выражения: 1) $R(xRy)$; 2) $R(yRx)$; 3) $R(yRy)$, где R в скобках означает отношение между высказываниями по л.-г. признаку. Эти три варианта распределения значений и обобщаются в традиционном понимании контрарности отношения суждений и самих суждений, в соответствии с которым контрарными «называются общие суждения, выражающие противоположные мысли» [8, с. 91], хотя традиционном виде и не совсем противоположные по содержанию. Чтобы выделить

здесь «правильную часть», необходимо абстрагироваться от третьего варианта: «Все студенты являются шахматистами» (л.) — «Все студенты не являются шахматистами» (л.), — поскольку отсутствует противоположность по л.-г. признаку. Напротив, в первых двух вариантах она присутствует: «Все металлы электропроводны» (и.) — «Все металлы не электропроводны» (л.); «Все космонавты побывали на планете Юпитер» (л.) — «Все космонавты не были на планете Юпитер» (и.). Этот остаток и представляет *контрарность суждений* — такое отношение между утверждениями позитивного, негативного характера, когда их л.-г. значения распределяются противно друг другу, вследствие чего они принимают качество контрарных. Так, частные суждения включают в структуру отношений два отношения контрарности, распределения противоположных значений между ними. $P_m - N_m$: «Некоторые металлы электропроводны» (и.) — «Некоторые металлы не электропроводны» (л.); «Некоторые (эти) космонавты побывали на планете Юпитер» (л.) — «Некоторые (эти) космонавты не побывали на планете Юпитер» (и.). Одинарные отношения контрарности мы имеем между общепозитивными и частнопозитивными, общенегативными и частнонегативными. $P_c - P_m$: «Все металлы являются твёрдыми» (л.) — «Некоторые металлы являются твёрдыми» (и.). $P_c - N_m$: «Все металлы являются твёрдыми» (л.) — «Некоторые (эти) металлы не являются твёрдыми» (и.). Если теперь обратиться к взаимоотношению общих и частных по «диагонали», то и здесь обнаруживается подобная противоположность. $P_c - N_m$: «Все металлы являются электропроводными» (и.) — «Некоторые металлы не являются электропроводными» (л.); «Все студенты являются спортсменами» (л.) — «Некоторые студенты не являются спортсменами» (и.). $N_c - P_m$: «Все космонавты не были на планете Юпитер» (и.) — «Некоторые космонавты побывали на планете Юпитер» (л.); «Все студенты не являются спортсменами» (л.) — «Некоторые студенты являются спортсменами» (и.). Тогда контрарные отношения могут быть представлены следующим образом. **Виды отношений** $P_c - N_c, P_m - N_m, P_c - N_m, N_c - P_m$ — бинарно контрарны: 1) $R(xRy)$; 2) $R(yRx)$. **Одинарно контрарны** $P_c - P_m, N_c - N_m$: $R(yRx)$. Каждая формула — матрица вида отношений.

4. Несколько слов о совместимости и несовместимости суждений. Соответствующие понятия в литературе существуют в достаточно размытом состоянии. «Совместимость суждений, — читаем в одном из учебных пособий, где воспроизводится традиционное понимание, — включает три вида отношений: эквивалентность (полная совместимость), субконтрарность (частичная совместимость) и логическое подчинение (следование). Несовместимость имеет две разновидности: противополож-

ность (контрарность) и противоречие (контрадикторность)» [4, с. 56]. Если между «частноутвердительными» и «частноотрицательными» действительно существует частичная совместимость, то должна быть и несовместимость, указание на которую отсутствует в определении. Более того, подчас она явно отвергается: «Так, между двумя подпротивными предложениями (*I* и *O*, — И. К.) или между подчинённым и подчиняющим, — считает В. Минто, — нет несовместимости: оба могут быть истинны в одно и то же время» [6, с. 147]. Конечно, если менее общее высказывание подчинено более общему, то логично говорить об их совместимости, что не имеет места в случае контрарности отношений, указанных выше. Поэтому указанные понятия в традиционной логике, если так можно выразиться, слабо логичны, не отличаясь цельностью, включая в качестве критериев, с одной стороны, «эквивалентность», или «равнозначность» [8, с. 90], а с другой (частично) по л.-г. признаку фактически не включая в проблематику вопроса отношения обоюдной ложности. На наш взгляд, единым критерием здесь должно быть отношение по л.-г. признаку, что позволит упорядочить соотношение совместимости и несовместимости, считая совместимыми такие суждения, когда они оба истинны или оба ложны, различая тем самым совмещение по истинности и/или ложности, имея в виду, что в последнем случае — в другом смысле — в данных условиях они несовместимы с истинностью.

5. Стало быть, освободив контрарность от необоснованной привязки к общим суждениям (хотя контрарность здесь и наличествует, но в другой, адекватной себе, форме, чем принято считать в традиционной логике), она естественно распространяется и на другие суждения, их отношения и относительное качество — экстенсификация, за которой должна последовать интенсификация обращения к понятию контрарности, с возможностью включения в общую теорию познания. Его дефинирование было осуществлено выше. «Контрадикторность», «контрадикторная противоположность» в литературе традиционно отождествляется с противоречием [4, с. 56; 7, с. 58]. Авторы же, отказывающиеся от такой терминологии, просто замещают её «противоречием», «отношением противоречия» [5, с. 63—64], а предложения называя соответственно — «противоречащими» [6, с. 144—145, с. 146]. В действительности, противоречие представлено не только в отношении контрадиктивности, но и в простой — одинарной — контрарности, поскольку и здесь при противоположении по л.-г. значениям суждения противоречат друг другу. Сущность закона противоречия раскрывается, прежде всего, в противоречении друг другу двух простых суждений, из которых одно истинно, а другое ложно. С обосновываемой позиции,

Контрадиктивность («контрадикторность») может быть определена как *бинарная контрарность*, с тем различием, что между P_c и N_m , N_c и P_m отношения **полной**, а между P_c и N_c , P_m и N_m — **неполной контрадиктивности**, определяемые здесь как **цельно-контрадиктивные** (в случае полной контрадиктивности) и **нецельно-контрадиктивные** (неполной контрадиктивности) **отношения суждений**, поскольку в первых между противоположными суждениями отсутствуют совмещения л.-г. значений как по истинности, так и по ложности, тогда как во вторых матрицах отношений содержатся совмещения: в одной из них ($P_c - N_c$) — по ложности, в другой ($P_m - N_m$) — по истинности. Но зато, поскольку каждый из последних видов — отношений содержит бинарную контрарность, то мы говорим о контрадиктивности, с той особенностью каждой из них, что в первой содержится *несовместимость по истинности*, во второй — *по ложности*, тогда как в «диагональных» видах отношений (на уровне видов суждений) проявляется несовместимость по обоим значениям. Из сказанного также следует, что наметившаяся тенденция простого отказа от термина «контрадикторность» в целом непродуктивна.

Таким образом, мы получаем, с одной стороны, более общие, а с другой — дифференцированные понятия как контрарности, так и контрадиктивности («контрадикторности») суждений, что может быть задействовано в практике преподавания тем, связанных с соответствующей проблематикой.

Список литературы:

1. Ильин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. — М.: ВЛАДОС, 1997. — 384 с.
2. Кулаков И. Д. К вопросу о сути и видах суждений // Наука в различных измерениях: социально-философский аспект исследования.— «КЛИН—2007» (г. Ульяновск, 17—18 мая 2007 г.). — Ульяновск : УЛГТУ, 2007. Том 1. — С. 115—118
3. Кулаков И. Д. Термин, знак и значение (неформальный анализ) // Культура. Цивилизация. Постмодерн: Сб. научных трудов (Гуманитарные науки). — Караганда: КарГУ, 2011. — С. 102—108.
4. Курбатов В. И. Логика: учеб. пособие. — Ростов-на-Дону.: Феникс, 1996. — 320 с.
5. Мареев С. Н. Логика: учеб. для вузов — М.: Экзамен, 2006. — 156 с.
6. Минто В. Дедуктивная и индуктивная логика. — Екатеринбург: Деловая книга, Бишкек: Одиссей, 1997. — 432 с.
7. Попов Ю. П. Логика: учеб. пособие. — М.: КНОРУС, 2009. — 304 с.
8. Хоменко Е. А. Логика: учеб. пособие. — М.: Воениздат, 1976. — 208 с.

3.4 ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК МЕТОД ГУМАНИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Шереметьева Лариса Николаевна

канд. филос. наук, доцент ВГАПКП РО, г. Волгоград

E-mail: lsherem@yandex.ru

С середины XX века человечество вступило в эпоху глобализации, характеризующуюся высокой степенью интеграции стран в экономической, технологической, информационно-культурной, политической сферах в масштабах планеты. Глобализирующийся мир кажется единым: быстро движутся по всему миру по компьютерным сетям, минуя границы суверенных государств, потоки информации, капиталов, товаров... Но, это кажущееся единство. Глобальный мир XXI века становится все более разделенным и взрывоопасным, накопившиеся в нем проблемы и противоречия давно требуют разрешения. Это подтверждает разразившийся глобальный кризис. Современное человечество не стало одной семьей, не заботится о своей матери Земле, теряет человеческие качества — разум, чувство меры, совесть — и уничтожает планету.

Мир дошел до такого состояния под руководством глобалистов, финансовой олигархии развитых стран Запада, США и объединенной Европы (ОЕ), претендующих после исчезновения СССР на роль лидеров глобального мира. Оседлав объективные процессы интеграции, глобалисты хотят весь мир поставить на службу своим интересам, унифицировать его, сделать удобным для управления, навязывают миру либеральный проект мироустройства. Но жизнь убеждает, что реализация глобального либерального проекта ведет к обострению проблем человечества (голод, болезни и бедность у большинства населения планеты, угрозы миру в ядерный век, разрушение экологии Земли).

Либеральные проекты в экономике по рекомендациям МВФ, основанные на идеях господства «частной собственности», «свободного рынка», «открытого общества», а также демократических стандартов по-американски, привели к упадку многие страны, внедрившие их у себя. Еще в XVI веке английский писатель-гуманист Томас Мор в своем романе «Утопия» предостерегал общество: «Повсюду, где есть частная собственность, где все измеряется

деньгами, там едва ли когда-нибудь будет возможно, чтобы государство управлялось справедливо или счастливо» [10]. Элита западного общества не услышала Т. Мора и превратила свободу частного бизнеса в свободу обмана и насилия.

Трудно разрешимой проблемой является сохранение мира в ядерный век, особенно, когда лидеры глобализма — страны НАТО — выступают в роли главных поджигателей войны, а ООН не справляется с функцией гаранта мира. Стремясь выйти из кризиса за счет других стран, страны НАТО развязывают войны с целью передела богатств мира. «Новый мировой порядок», выстраиваемый США и ОЕ, враждебен по своей сути ценностям гуманизма. Глобалисты ведут человечество к катастрофе, подменяя принципы гуманизма «гуманитарными интервенциями».

О неразумности поведения представителей западной элиты говорят и такие нелепые факты, как присуждение в 2009 году Нобелевской премии мира президенту США Бараку Обаме, ведущему несколько войн на планете, а также принятие в том же году резолюции парламентской ассамблеей ОБСЕ «О воссоединении разделённой Европы», приравнивающей сталинизм и гитлеровский фашизм. К подобным нелепостям можно отнести и инициативу представителей отечественной элиты по «десталинизации» российской истории XX века, рассматриваемой в Совете при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека в 2010 году [14].

Постоянно обостряются глобальные экологические проблемы: нарушено 63% естественных экосистем суши планеты, не хватает ресурсов для жизни людей. Ученые констатируют деградацию самого вида «*homo sapiens*». Причина все та же — неразумность богатой части человечества, потерявшей чувство меры в погоне за прибылью и «сверхпотреблением». Развивая научно-технический прогресс и потребление, человечество все более уничтожает природу вредными отходами производства, только на США приходится треть вредных отходов мира. Как отмечают ученые, человеческое сообщество на 95% не осознает свою гибельность и продолжает движение по пути самоуничтожения [13].

По прогнозу Института прикладной математики РАН (2005 г.) Землю еще можно спасти от экологической катастрофы, если в ближайшие 15 лет человечество создаст две промышленные структуры:

- по переработке накопленных вредных отходов, сравнимую по масштабу с оборонным комплексом стран мира;
- по рекультивации земель, выведенных из хозяйственного оборота, сравнимую с транспортным комплексом стран мира [8].

Но, чтобы создать такие системы спасения Земли, человечество должно обладать единством и высокой сознательностью к активным действиям ради общего блага и жизни будущих поколений. То есть, чтобы спастись, человечество должно стать разумным, и, в первую очередь, обрести разум должны политические элиты государств.

В XXI веке становится все очевиднее, что глобальная либеральная модель обанкротилась, она вырождается в глобальный колониализм. Ряд исследователей сходятся во мнении о начале заката эры американского господства в мире и распада «Pax Americana» [6]. Но глобальная элита ничего не хочет менять в существующей системе, которая обеспечивает ей власть и контроль над миром.

Политическая элита постсоветской России, избравшая для себя примером подражания развитые страны Запада, вот уже двадцать лет продолжает реализовывать в стране западные либеральные реформы, которые привели к падению экономики и резкой поляризации общества на богатых и бедных. В итоге либеральных реформ в России: разрушена некогда вторая экономика мира, произошла деиндустриализация, деградация сельского хозяйства, построены олигархическое государство и сырьевая экономика, разрушен оборонный комплекс и подорвана система безопасности страны, ликвидирована уникальная система социальных завоеваний трудящихся, разрушается лучшая в мире система образования, общество переживает духовный кризис.

Сегодня, когда начался глобальный кризис капиталистической системы, когда мир на пороге краха доллара и больших перемен во всех сферах жизни, возникает вопрос, разумна ли правящая элита демократической России, упорствующая в проведении губительных для страны либеральных западных реформ? Исследователи отмечают у российской правящей элиты деформации сознания: подрыв реалистического мышления, проявление аутистического мышления (создание только приятных представлений), гипостазирование (приписывание абстрактным понятиям самостоятельного существования), некогерентность (утверждения на языке несоизмеримых понятий, с провалами в логике), утрата чувства меры (способность «взвешивать» явления), шизофренизация (расщепленность, противоречивость мышления) [4]. Видимо, быстрое обогащение российских олигархов, затмевает им разум, они теряют навыки рационального мышления.

Как вернуть разум человечеству и ее глобальной элите? Было бы наивно надеяться, что правящая миром эгоистическая и агрессивная элита переродится в сторону гуманизма, почувствует себя ответственной за судьбу планеты. Также наивно полагать, что

правлящая российская элита вдруг «прозреет» и станет выражать истинно национальные интересы. Никто из реформаторов провальных либеральных реформ в России не понес личной ответственности, они продолжают работать на руководящих постах, получать государственные награды, имена ушедших увековечены государством. А поэтому, вся надежда на глобальный кризис, только потрясение кризисом может заставить глобальную и российскую элиты изменить свои взгляды на мир и свою роль в нем, осознать свои грехи перед народами и странами, очистить свою душу, вернуться к гуманистическим ценностям, чтобы помочь человеческим сообществам выжить в кризис и спасти планету.

Авторитет и лидерство Запада идет на убыль, время думать о будущих элитах глобального мира и национальных государств. Их надо готовить еще в школе, потом в вузах, академиях, проверять в деле на умение разумно мыслить, управлять трудовыми коллективами, нести персональную ответственность, чтобы во власть не попадали случайные, неподготовленные, не прошедшие необходимые ступени карьерной лестницы люди. Такая система внедряется в Китае при подготовке команды управленцев страны [9], но отсутствует в нынешней России.

Стремительно глобализирующийся мир требует иных подходов к решению проблем, которые из национальных быстро перерастают в глобальные. Прогрессивные ученые мира, философы и педагоги, думая о будущем, пытаются гуманизировать глобальный мир путем создания более совершенного образования. Над этой проблемой с 1940-х годов работают ученые Запада. Идет дискурс о создании новой науки — «философии образования», которая может стать методом гуманизации глобального мира. С начала 1990-х годов в процесс разработки философии образования включились и российские ученые, и педагоги.

Ученые мира еще не закончили спор о содержании предмета и задач философии образования, но его границы и приоритеты уже возможно обозначить. «Философия образования — исследовательская область философии, анализирующая основания педагогической деятельности и образования, его цели и идеалы, методологию педагогического знания, методы проектирования и создания новых образовательных институций и систем», — так определяет содержание понятия Институт философии РАН [11]. «Философия образования — это предмет, который, во-первых, на основе научно-философского знания формирует образ человека будущего; во-вторых, направляет подрастающие поколения к достижению этого образа; в-третьих, формирует преемственность между поколениями; и, наконец,

четвертое, обеспечивает целостность эволюционирующей цивилизации. ...Стратегическая цель философии образования — это становление планетарно-космического (творческо-гуманитарного) типа личности как целостного объекта культуры», — считает украинский философ О. Базалук [2].

Ученые и педагоги, как и в другие кризисные периоды человеческой истории, обращаются к мировой сокровищнице философской мысли, чтобы «подпитаться» мудростью древних мыслителей. Еще на Древнем Востоке образование основывалось на гуманистических ценностях. До сих пор в Китае в образовании господствует учение Конфуция, основанное 2,5 тыс. лет назад. Конфуций положил в основу содержания образования нравственное воспитание, одним из первых он сформулировал идеал всестороннего, гармоничного развития личности [5]. Вероятно, именно следование учению Конфуция выдвигает Китай в лидеры XXI века.

По мнению немецкого философа И. Канта, не ответив на вопрос, каково истинное предназначение человека, невозможно иметь верную педагогическую программу. Чтобы избежать ошибок прошлого, считал он, необходимо ясно представлять себе главную цель воспитания и обучения. И. Кант говорил: «Воспитывая детей, надо помнить, что мы воспитываем их не для жизни в теперешнем, а в будущем, лучшем состоянии человеческого рода... Воспитывая же детей для будущего, лучшего устройства мира, мы этим самым улучшаем будущее устройство мира» [1]. Другой немецкий философ Г. Гегель пытался привить людям чувство меры: меры удовлетворения своих потребностей и влечений, а также меры соотношения индивидуального и общественного в своей специальной (профессиональной) деятельности и в отношении к своему призванию. Гегель утверждал, что «человеческое в человеке формирует дух народа, его история, религия, степень политической свободы» [3]. Формирование чувства меры и человечности у нынешних и будущих глобальных и отечественных элит — крайне актуальная задача.

Как говорил Конфуций, «нет ничего лучшего, чем следовать древним» [7]. Но современное человечество, ведомое лидерами глобального мира и правящими элитами государств, удалилось от древних гуманистических идеалов так, что ныне человечеству требуется вновь очеловечиться. И здесь ему может помочь философия образования, ведь образование — это процесс и результат преодоления природного в человеке, то есть формирование человеческого в человеке. Уровень грамотности людей на планете все время растет, но чтобы спасти человечество, не достаточно быть просто грамотным,

необходимо быть разумным и высоконравственным, ответственным в своих поступках перед людьми и будущими поколениями. Только нравственность способна уберечь разум от ошибок при выборе пути человечества. Но подлинную нравственность, которая определяет выбор линии поведения человека в жизни, нельзя, как учил Гегель, сформировать с помощью проповедей, «просвещения рассудка», она есть «продукт самовоспитания».

Сегодня же глобальному миру, в том числе и нынешней России, навязываются цели и модели западного образования, готовящего «успешных и компетентных» личностей, но порой — бездушных, и безответственных. Образование подчиняют интересам рынка, пользы и конкуренции. Человека отрывают от мыслей о высоком, предлагая ему занятие будничным, прагматичным, ему внушают мысль о его неполноценности, утилитарном предназначении, ориентируют не в завтра, а во вчера. В итоге человек реализует самого себя не в мире духовных ценностей, а прежде всего в мире вещей. Это подтверждают слова министра образования и науки РФ Фурсенко А. о том, что задача российского образования — взрастить «потребителя чужих достижений и технологий»[12]. Российское общество беспокоит бесцельность и неопределенность нашего образования, когда цели развития нации подменяются чуждыми целями и моделями в образовании, как например, ЕГЭ, или «болонская система», которые уже привели к снижению доступности и главное — качества образования. Спасти Россию может только национальная модель опережающего развития образования, разработанная в соответствии с методологией философии образования.

Человечество подошло к последней черте и должно измениться, чтобы спасти человеческий мир, либо — погибнуть. Начавшийся в 2008 году глобальный кризис — это последнее предупреждение человечеству о необходимости смены вектора движения в сторону гуманизма, и в этом человечеству в XXI веке может помочь «философия образования».

Список литературы:

1. Афоризмы о детях. RL: http://www.deti.zp.ua/show_article.php?a_id=1040 (дата обращения: 16. 02. 2012).
2. Базалук О. А. Философия образования в свете новой космологической концепции. URL: http://www.samlib.ru.../filosofijaobrazowanijawswete_powojkosmologicheskoi_koncepcii... (дата обращения: 13. 11. 2011).

3. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: В 2-х т. Т. I. / Г. В. Ф. Гегель. — М., 1972. — С. 77. URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=198&bin... (дата обращения: 04. 02. 2012)
4. Кара-Мурза С. Г. Манипуляции продолжаются. Стратегия разрухи — М.: Алгоритм, 2011. — С. 21—48; Ханжин Б. М. Инновационная шизофрения// Отечественные записки. 2011. — № 25. — С. 5—7.
5. Клепиков В. З. Конфуций — выдающийся педагог Древнего Китая. URL: [http:// www. itor.ru](http://www.itor.ru) (дата обращения: 04. 02. 2012).
6. Кобяков А. Б., Хазин М. Л. Закат империи доллара и конец «Рах Americana» — М.: Вече, 2003. — 368 с.; Тодд Э. После империи. Рах Americana — начало конца — М.: Междунар. отношения, 2004. — 240 с.; Панарин И. Мир после кризиса, или Что дальше? — СПб.: Питер, 2011. — 240 с.; Пушко А. К. От Давоса до Куршавеля. Где решаются судьбы мира? — М.: Эксмо, 2011. — 240 с.
7. Конфуций. Цит. по: URL: [http:// www. gumanitaree. narod. ru/ Konfucii. html](http://www.gumanitaree.narod.ru/Konfucii.html). (дата обращения: 04. 02. 2012).
8. Малинецкий Г. Г. Выступление в Государственной Думе 8 декабря 2005 года. URL: <http://www.smi-svoi.ru> (дата обращения: 04. 02. 2012).
9. Медведев Р. А. Великая страна расправляет плечи. Китай в конце 2009 года// Альтернативы. — 2010. — № 3. — С. 127—151.
10. Мор Т. Утопия. URL: <http://www.lib.ru/INOOLD/MOR/utopia.txt>. (дата обращения: 04. 02. 2012).
11. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией Степина В. С. 2001. См.: Словари и энциклопедии на Академике. URL: [http:// dic. academic. ru/ dic. nsf/ enc_ philosophy/ 9321/ ФИЛОСОФИЯ](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/9321/ФИЛОСОФИЯ) (дата обращения: 16. 02. 2012).
12. Фурсенко А. Большая открытость, отказ от уравниловки и новые инструменты финансирования — вот главные достижения реформирования системы образования. URL: // Коммерсант Business Guide. — 2009. — 8 декабря (дата обращения: 13. 11. 2011).
13. Ханжин Б. М., Хромов В. И. Ни хитру, ни горазду суда не минути // Отечественные записки. — 2010. — № 14. — С. 2—6; URL: [http:// ru. wikipedia. org](http://ru.wikipedia.org); www.gia.ru: новости, 19.12.2009 (дата обращения: 04. 02. 2012).
14. URL: <http://lenta.ru/news/2009/10/09/nobelpeace>; [ru. wikipedia. org](http://ru.wikipedia.org). (дата обращения: 04. 02. 2012).

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ РОССИИ

НЭП НА СТАВРОПОЛЬЕ: ИЗ ОПЫТА РЕГИОНАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Ляшенко Елена Викторовна

*аспирант, Ставропольский государственный университет,
г. Ставрополь*

E-mail: alenka_box@mail.ru

Одним из важнейших направлений деятельности всех уровней власти была разработка и реализация аграрной политики в стране. На протяжении всей истории России земельная проблема всегда находилась под пристальным вниманием как центральной, так и местной властей. Сельскохозяйственное производство всегда являлось приоритетной частью государственной экономики. Политика «военного коммунизма», последствия Первой мировой и Гражданской войны нанесли аграрному сектору губернии серьезный ущерб. Ставропольская губерния в 1913 году собрала более 144, 4 миллиона пудов зерна. В 1920 году этот показатель составил 27, 5 миллиона. Посевные площади сократились на 25 % [17, с. 65].

После завоевания власти большевики должны были заняться решением вопросов, необходимых для функционирования общества. Отсюда, одной из важнейших задач аграрной политики на Северном Кавказе было восстановление сельского хозяйства.

Для восстановления хозяйства и было решено изменить стратегию общественного развития и перейти к новой экономической политике. Она была принята 15 марта 1921 года X съездом РКП (б) и сменила политику «военного коммунизма».

Главное содержание нэпа — замена продразвёрстки продналогом в деревне (при продразвёрстке изымали до 70 % зерна, при продналоге — около 30 %), использование рынка и различных форм собственности, привлечение иностранного капитала. Перед новой политикой стояло

несколько целей: политическая — снять социальную напряженность, укрепить социальную базу советской власти в форме союза рабочих и крестьян; экономическая — предотвратить дальнейшее усугубление разрухи, выйти из кризиса и восстановить хозяйство; социальная — обеспечить благоприятные условия для построения социалистического общества, не дожидаясь мировой революции.

В июле 1921 года был установлен разрешительный порядок открытия торговых заведений. Постепенно отменялись государственные монополии на различные виды продукции и товаров. Для мелких промышленных предприятий был принят упрощенный порядок регистрации, были пересмотрены допустимые размеры использования наёмного труда (с десяти работников в 1920 году до двадцати работников на одно предприятие по июльскому декрету 1921 года). Осуществлялась денационализация мелких и кустарных предприятий [7, с. 410].

В связи с введением нэпа вводились определённые правовые гарантии для частной собственности. Так, 22 мая 1922 года ВЦИК издал декрет «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых её законами и защищаемых судами РСФСР» [4].

Для Ленина и его сторонников, незадолго до этого заявлявших: «Все умрем, но свободы торговли не допустим!» новая экономическая политика стала своего рода проигрышем. Однако как показал X съезд РКП (б), основная цель осталась неизменной. Изменились лишь методы для перехода от многоукладности России к социализму [5, с. 303—308].

В Ставропольской губернии элементы либерализации нэповской политики проявились особенно рельефно. На селе разрешалась долгосрочная аренда, найм рабочей силы, допускались частные хлебозаготовки до 50 % объема, поощрялось участие зажиточных семей в деятельности кооперации, единоличным крепким хозяйствам предоставлялись льготы по машиноснабжению, культурным хозяйствам, использующим многопольный севооборот, снижали ставки по налогообложению [3, л. 56].

Большие сельскохозяйственные возможности региона, получившие при нэпе стимулы, способствовали быстрому восстановлению экономики губернии. Так уже к середине 20-х годов объем валовой продукции достиг довоенного уровня.

Возрождение товарно-денежных отношений в губернии способствовало, с одной стороны, активизации товарооборота и экономической деятельности, с другой стороны, усилило социальную дифференциацию внутри села. Согласно статистическим данным на

1924 год наибольшими темпами шло увеличение середняцких хозяйств (54,3 %), на маломощные бедняцкие хозяйства приходилось 31,5 % [10].

Ставропольский губернский исполнительный комитет 13 июля 1923 года издал постановление «О регистрации торговых, промышленных предприятий, и личных промысловых занятий». Согласно документу, владельцы предприятий, должны были зарегистрироваться в недельный срок и получить соответствующий патент и ордер Коммунодела [14, с. 18]. В 1924 году в Ставропольской губернии возникло 1552 новых торговых предприятия. Из них государственных было всего 46, кооперативных — 161, а частных — 1319 [15, с. 223]. Также реализация политики нэпа способствовала росту производительности труда в промышленности региона. Так в 1925 году этот показатель составил 89 % довоенного уровня [8].

Для Ленина и его преемников свобода торговли была одной из важнейших составляющих новой экономической политики. Но при этом большевики неоднократно подчеркивали ее ограниченность.

Кроме развития внутренних торговых отношений, следует отметить активизацию внешней торговли. Бурное развитие аграрного сектора привело к тому, что Ставропольский округ в середине 20-х годов начал экспортировать хлеб за границу. В 1925 году около 400 млн. пудов пшеницы были отправлены в Западную Европу.

Однако положение в аграрной сфере региона в середине и второй половине 1920-х гг. оставалось критическим. Согласно докладу секретаря Северо-Кавказского крайкома партии Иванова В. И. о развитии сельского хозяйства в 1927 году, обеспеченность сельскохозяйственным инвентарём в крае составляла 50 % довоенного уровня. Обеспечение хозяйств тягловой силой составляла 54 % от 1913 года. Если товарность сельскохозяйственного производства в 1913 г. достигала 267 млн. руб., то в 1927 г. этот показатель равнялся 129,6 млн. руб. Авторы доклада видели причины такого положения в распылённости мелких хозяйств и их неспособности вести крупное товарное производство [6, с. 42].

В связи с этим на XV съезде ВКП (б) в декабре 1927 года были определены основные направления новой государственной политики. На съезде была принята резолюция «О работе в деревне», в которой говорилось, что основной задачей партии в деревне становится преобразование мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы. Практическое проведение курса на коллективизацию выразилось в повсеместном создании новых колхозов.

Однако в 1928 году на Ставрополье насчитывалось 120 тысяч индивидуальных крестьянских хозяйств [9, с. 267—268]. Они владели

94,8 % земли для озимых культур и 88,6 % яровых [11, с. 121]. Крестьянам единоличникам принадлежало 93,4 % лошадей, 96,4 % крупного рогатого скота [1, л. 81].

Таким образом, опираясь исключительно на власть, большевикам приходилось не только строить социалистическое государство, но и ликвидировать незавершенность капиталистического и индустриального развития страны. Колоссальные задачи, которые стояли перед руководством страны неизбежно вели к максимальной централизации власти.

Одной из областей, где наиболее четко проявились приоритеты власти в этот период, являлось налогообложение. В первой половине 1920-х годов для крестьян действовали завышенные проценты обложения. Натуральная форма сельхозналога уже в 1922 году не соответствовала установившимся экономическим отношениям. Налог падал на хозяйство (производство), а не на доход от него. Поэтому при любом урожае налог надо было выплачивать обязательно. Это приводило к низкой дисциплине при выплатах натуральных налогов. В 1923 году был принят декрет «О едином сельскохозяйственном налоге», по которому вместо суммы налогов (натурального, трудгуждналога, общегражданского и др.) взимался один, но путаницы тоже было много. Поэтому с 1924 года перешли к взиманию единого сельхозналога в денежной форме. При этом учитывалось количество земли, скота, урожайности, едоков и т. д. Недоимщиков всё равно было много, в основном, среди маломощных хозяйств. Главная причина — неурожай. По стране в 1925—1926 годы собрали лишь 90 % плана [2, л. 84]. Такое положение стало одной из причин перехода курса партии от НЭПа к коллективизации. В 1926—1927 годах согласно новому положению о едином сельскохозяйственном налоге ввели прогрессивную систему налогообложения. Однако эта мера не привела к росту денежных поступлений в государственный бюджет. На Ставрополье налог в 1926—1927 годах составил 39,4 % всех платежей кулацкой группы [16, л. 3]. В октябре 1927 года от налога было освобождено 35 % хозяйств бедняков и мелких середняков. При этом увеличивался налог на зажиточные хозяйства. За счет этого увеличения налогов в 1928 году северокавказское крестьянство платило в казну государства на 12 млн. рублей больше [18, с. 47]. При этом, как отмечает Андреев А., повышение налогов затронуло только верхушку деревни. На бедняцкие и середняцкие хозяйства, которые составляли 86 % дворов приходилось лишь 400—600 тыс. рублей. На долю же кулаков — 14 % населения — осталась сумма [12, л. 31].

Согласно данным официальной статистики налоговая кампания 1928—1929 годов привела к росту налогов у середняков на 2,3 %, у зажиточных крестьян — на 53,6 %, а у кулаков — на 91 % [13, л. 32].

Таким образом, коллективизация была невозможна без социального раскола деревни, мифологизации кулацкой угрозы и возвеличивания роли бедноты в новом государстве. Для успехов коллективизации нужен был образ внутреннего врага — кулачества.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в конце 1920-х годов шел негласный демонтаж нэпа. Одним из его проявлений была налоговая политика, направленная на ликвидацию частного сектора в аграрной сфере, лишение единоличного хозяина правовых гарантий, в пользу государственного сектора. В 1928 году ставропольское село еще сохраняло традиционный уклад с единоличным ведением хозяйства. Однако в это время произошло изменение внутривнутриполитического курса государства. Индустриализация страны требовала больших финансовых вложений. Самостоятельное распоряжение крестьянами сельскохозяйственной продукцией осложняли процесс поступления денежных средств в государственную казну. Либеральные тенденции в экономике, проявившиеся в первой половине 20-х годов, затухали. Партийно-государственное руководство не имело целью изменить политическую систему, а стремилось к сохранению государственных основ, которые существовали в годы Гражданской войны. Это подрывало развитие экономической системы и вело к непоследовательности реформ. Таким образом, крестьянское хозяйство региона и страны необратимо шло к упадку. Однако следует помнить, что свертывание нэпа шло не вследствие истощения его экономической продуктивности, а в связи с тем, что движение по рыночному пути противоречило «социалистической» перспективе.

Список литературы:

1. ГАСК. Ф. р.1886.Оп. 2.Д. 3.Ч. 1 Л. 81.
2. ГАСК. Ф. р.1886.Оп. 2.Д. 3.Ч. 1.Л. 84.
3. ГАСК. Ф.р.592.Оп. 2. Д. 720. Л. 56.
4. Декрет ВЦИК от 22 мая 1922 года «Об основах частных имущественных правах, признанных РСФСР, охраняемых её законами и защищаемых судами РСФСР» // «Известия ВЦИК», № 134, 18. 06. 1922.
5. Десятый съезд РКП.— М., 1963. С.303—308.
6. Из отчета секретаря Северокавказского Крайкома ВКП (б) Микояна А. И. на III краевой партконференции о развитии хозяйства Края. 26 ноября 1925 г./ История индустриализации Северного Кавказа (1926—1932 гг.): Документы и материалы. Грозный, 1971. С. 42.

7. Исаева И. А. История государства и права России. — М., 1996. С. 410.
8. Казначеев В., Иванько Н., «Юная гвардия Ставрополя» // [электронный ресурс] — Режим доступа. <http://www.stavinfo.net/region/stavropol/0031.htm>
9. Наухацкий В. В. Сельское хозяйство Северо-Кавказского края второй половины 1920-х гг. и проблема продовольственной безопасности // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века: сборник статей / науч. Ред. Шевельков А. И. Коломна, 2011. С. 267—268.
10. Ногина Е. В. Особенности социально-экономического развития Ставрополя в условиях НЭПа. // [электронный ресурс] — Режим доступа. <http://abiturient.ncstu.ru>
11. Очерки истории Ставропольского края. Ставрополь, 1986. Т. 2. С. 121.
12. РГАСПИ. Ф.17.Оп. 1.Д. 397.Л. 31.
13. РГАСПИ. Ф.17.Оп. 1.Д. 397.Л. 32.
14. Сборник действующих обязательных постановлений Ставропольского губернского исполнительного комитета и его отделов. Ставрополь, 1924. С. 18.
15. Северокавказское общество на историческом переломе (1917 — конец 1920-х гг.). Ставрополь, 2009. С. 223.
16. См.: РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 5. Д. 731. Л. 3.
17. Ставропольское село: в людях, цифрах и фактах. Ставрополь, 2004. С. 65.
18. Тяжесть обложения в СССР: социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924—25, 1925—26, 1926—27 гг.: Доклад Комиссии СНК Союза ССР по изучению тяжести обложения населения Союза ССР. — М., 1929. С. 47.

ЗЕМСТВО КАК АРЕНА ДЛЯ ДИСКУССИЙ: АНАЛИЗ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ «ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР» КОНСЕРВАТОРОВ И ЛИБЕРАЛОВ 60—80-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Куликова Светлана Геннадьевна

*кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника
кафедры теории и истории государства и права Московского
областного филиала Московского университета МВД России, г. Руза
E-mail: cvetlana-1977@mail.ru*

Земская реформа одно из звеньев в цепи Великих реформ. 1 января 1864 г. Александр II подписал «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» [23]. Путь к реформе был непростым. Поначалу правительство склонялось к тому, чтобы управление каждым уездом Российской империи сосредотачивалось в руках уездного начальника, подчинённого в свою очередь губернатору. Это было сформулировано в первоначальном проекте 1858 г., который сразу попал под огонь критики. Консерваторы добивались сохранения вотчинных прав за помещиками. Либералы требовали всеобщей волости, с преобладающим культурным влиянием дворянства. На принципе участия всех классов общества в самоуправлении стоял Тверской комитет по улучшению быта помещичьих крестьян. Лишь постепенно власть склоняется к тому, чтобы позволить каждому сословию принимать участие в органах самоуправления. В марте 1859 г. при МВД была создана Главная комиссия по крестьянскому вопросу во главе с Милютиным Н. А. для разработки закона «О хозяйственно-распорядительном управлении в уезде». Этот период — первая российская оттепель — эпоха гласности. В начале 1859 г. наиболее либеральная точка зрения на вопрос об устройстве местного управления была выражена Тверским комитетом по улучшению быта помещичьих крестьян, образованным 3 июня 1858 г. Состав комитета был представлен двумя лагерями — 14 либералов и 13 консерваторов. Устройство местного управления было посвящено несколько заседаний, на которых разгорелись острые прения. Консерваторы стремились подчинить сельское общество контролю помещика. Либералы высказывались за предоставление крестьянам возможности участия в местном управлении вместе с другими сословиями. Точка зрения либералов одержала победу большинством 1 голоса. В августе 1859 г. депутаты 21 губернского комитета были вызваны в Петербург для участия в работах редакционных

комиссий. Словно гром прогремел известный литературный отзыв Унковского А. М. на систему управления царской России как «систему злоупотреблений, возведённую в степень государственного устройства». МВД известило депутатов, что их дальнейшее пребывание в столице не имеет смысла. Недовольные депутаты подали адреса царю. Особого внимания заслуживает «адрес пяти», в котором было выдвинуто следующее пожелание: образовать хозяйственно-распорядительное управление всех сословий, основанное на выборных началах. Царь нашёл адрес «ни с чем не сообразным и дерзким до крайности» и объявил выговор всем его подписавшим. В июне 1861 г. Милютин Н. А. и министр внутренних дел Ланской С. С. были уволены в отставку. Новым министром внутренних дел стал Валуев П. А.. Записка Валуева «Драма русского во второй половине 1855 года» пользовалась успехом: «сверху блеск, а снизу гниль» — вот образ российской действительности, отражённый автором [9, с. 294]. Она открыла ему путь в высшие сферы, но в государственной деятельности он был не столь решительным, как в сочинениях. Земской идее Валуев сочувствовал: «Государство в государстве» — он впервые произнёс эту фразу. Приход его к руководству комиссией сказался на изменении системы выборов в проектируемые учреждения — было ограничено представительство крестьян, полностью исключено представительство рабочих. Прав был Мещерский В. П., который писал: «Валуев исходил из мысли, что, создавая в губерниях целую область земских, т. е. хозяйственных забот, он этим давал умам сферу деятельности, которая могла бы их оживить, занять и отвлечь от политических мечтаний» [16].

Итак, 1 января 1864 г. в России вводилось выборное местное самоуправление. Реакция общества была неоднозначной. Военный министр Миллюков Д. А. писал, что это событие встретило «холодный приём со стороны некоторой части дворянского сословия, привыкшего барствовать над «мучеником»; с другой — правительство, едва установив всесословное управление, как будто спохватилось — ни сделало ли оно неосторожного шага, и с самого же приступа к исполнению нового законоположения сочло нужным зорко следить за новыми учреждениями, держать их, так сказать, в узде. Крестьяне восприняли это как барскую забаву («Земство — власть», — писал Достоевский Ф. М. о взгляде крестьян на земство) [5]. Среди либералов реформа была встречена весьма сочувственно. Взгляд большинства выразил Кавелин К. Д. — «земство — громадная целительная сила всех наших недугов» [1].

Были восторженные отзывы и со стороны консерваторов. Князь Васильчиков А. И. утверждал, что «ни одному современному народу

европейского континента, не предоставлено такого широкого участия во внутреннем управлении, как русскому» [2].

Понятие «земство» по словарю Даля это:

- «относящийся до управления гражданского, общественного и распорядительного»,
- сельские обыватели [25].

Оба значения удачны, т. к. под понятием земство подразумевается орган местного самоуправления, сферой компетенции которого являются «пользы и нужды» сельского населения. Смысл создания земского самоуправления хорошо выразил Ключевский В. О.: «Все классы местного общества призывались совокупно содействовать правительству в ведении местных хозяйственных дел» [12, с. 278]. Содействовать правительству — вот цель, с которой учреждалось земство!

Правительство постаралось поставить земство в такие условия, в силу, которых оно получило малопочтительное прозвище «пятого колеса» в телеге государственного управления [14, с. 144]. Новые органы всеобщего самоуправления были введены лишь на уровне губерний и уездов. Отсутствовало центральное земское представительство, не было и мелкой земской единицы в волости. Современники остроумно называли земство «зданием без фундамента и крыши». Лозунг «увенчания здания» стал с той поры главным лозунгом русских либералов на протяжении 40 лет — вплоть до создания Государственной думы. Более того, представителям земств различных губерний, было строго-настрого запрещено общаться между собой, даже по вопросам, требовавшим безотлагательного совместного решения, например, по борьбе с эпидемиями.

15 января 1865 г. в Твери был открыт Временный губернский комитет под председательством губернатора. На выборах 1865—1871 гг. почти повсеместно в Тверской губернии победили силы консервативные и умеренные. Лишь в Новоторжском уезде в большинстве оказались либералы [13, с. 88—89]. В Тверской губернии истоком консервативного течения явился Тверской губернский дворянский комитет. Существование идейно-политических «течений» придавало чёткость работе земства. В случае несогласия гласного с членами своей «фракции» или мнением, поддержанным большинством губернского собрания, он мог подать «особое мнение», которое прилагалось к протоколам. Доказательством существования «фракций» в земстве служат «Записки Кошелева А. И.». Он писал, что в первые годы после основания земских учреждений в земской среде различались различные направления — «крепостники» и «либералы», причём до 1874 г. последние чаще проигрывали. Направления отличались

«неопределённостью», соответствующей «неопределённости русской действительности» [10, с. 8]. Крепостники вздыхали о «прошлых временах», «стояли за экономию в земских расходах, были против увлечений либералов народным образованием», либералы «ставили своей задачей удовлетворение культурных нужд народа, отстаивали самостоятельность земства» [10, с. 9]. Разделение на «фракции» не было обусловлено делением на различные имущественно-социальные группы и не обуславливалось классовыми интересами, так как общественно-политическую и культурную роль по-прежнему играло дворянство как сословие, наиболее развитое в политическом и культурном отношении. Благодаря воспоминаниям Повало-Швейковской Н. известно как проходили заседания Тверского губернского земского собрания [13, с. 154]. Его открывал губернатор (в случае его отсутствия вице-губернатор), который «затем должен был удалиться и не имел права в нём присутствовать». «Собрание велось в большом порядке с соблюдением всех парламентских правил, отношения представителей разных направлений внешне выглядели очень корректными, но борьба их велась не на живот, а на смерть» [19, л. 80 об.]. Обе «фракции» проводили «частые совещания, на которых вырабатывалась строгая линия поведения, готовились выступления. Каждая «фракция» условно подразделялась на три группы депутатов: лидеры группировок, ораторы и специалисты по определённым вопросам. Специалисты разрабатывали проект, лидеры ставили вопрос на обсуждение, а ораторы выступали в дискуссиях. Так, лидерами тверских консерваторов были кн. Мещерский Б. В., Кисловский П. А., Квашнин-Самарин С. Д., от либералов выступали братья Бакунины [13, с. 89]. Ораторами слыли консерваторы — Ушаков Л. А., Шупинский А. П., Трубниковы Н. А. и А. Н., либералы — Родичев Ф. И., Петрункевич И. И.. Принадлежность основной массы гласных к той или иной фракции легко определялась при баллотировке вопроса. Архивные документы содержат более подробные стенографические отчёты, нежели опубликованные протоколы. В них часто указывались фамилии гласных проголосовавших «за» и «против». Сопоставление информации позволило выявить круг гласных, которые всегда, или практически постоянно, голосовали за предложения консерваторов и против предложений, внесённых либеральными деятелями. Воспоминая известного консерватора Головина К. Ф., в течение семи лет бывшего гласным Старицкого уездного и Тверского губернского земского собраний, дополняют картину. Он избирался в Тверское земство с «твёрдым намерением вступить в ряды правых, но вышло иначе». Среди «левых» было несколько его хороших знакомых, в том числе С. В. де-Роберти, и он «само собой занял место у стола рядом

с ними». Несмотря на то, что он «сплошь и рядом подавал голос за их противников [консерваторов — С.К.]», его «принадлежность к левым считалась бесспорной и на «сходки правых» его «не приглашали». Хотя сам Головин К. Ф. «наличие партий в земстве не признавал», «обе половины тверского земства смотрели на дело иначе, и примкнуть полностью к тем или другим» он «не смог» [6, с. 263]. Если Головин К. Ф. упоминает в своих мемуарах о «сходках правых», то Петрункевич И. И. сообщает о «кружке либералов» во главе с братьями Бакуниными [22, с. 189]. Это ещё раз доказывает наличие «фракций» внутри земства. Политическая ориентация уездных собраний, по утверждению Линда В. Н. зависела «исключительно от того, какая из дворянских партий — консервативная или либеральная — брала перевес» [15, с. 129]. Он отмечал, что каждая из «партий» имела свои традиции, свои приёмы ведения земского дела. «Партии» опирались на уездные земства и стилизовались в губернском собрании. Опорой либеральной «партии» традиционно служили Новоторжский и отчасти Весьегонский уезд. Оплот консервативной «партии» был представлен Кашинским, Вышневолоцким, Осташковским, Калязинским, Корчевским, Старицким уездами. Резко проявлялась партийная борьба в Тверском, Бежецком, Зубцовском и Ржевском уездах [3, с. 41]. Значительную роль в усилении одной из «фракций» играл выбор членов управы и взаимоотношения земства с администрацией. Состав первой губернской управы во главе с председателем управы и предводителем дворянства Тверской губернии кн. Мещерским Б. В. отчетливо демонстрировал преобладание консервативной «партии». Следует отметить, что, по воспоминаниям современников, председательствовал Мещерский Б. В. «бесподобно» — «никогда не изменял невозмутимой вежливости тона, никогда не выходил из обязательного председательского нейтралитета». «Благодаря ему никакого инцидента в собрании не происходило, хотя поводов было предостаточно. При малейшем признаке начинающейся бури, Мещерский спокойно останавливал говорившего, к какой бы партии тот не принадлежал. Это строгое беспристрастие обеспечило Мещерскому Б. В. авторитет перед собранием несомненный» [6, с. 265]. Консервативное большинство собрания чувствовало себя в первые годы работы земства очень уверенно. Линд В. Н. вспоминал, что когда в декабре 1866 г., встретив Бакунина А. А. на губернском земском собрании, он услышал: — «Ах, как нас бьют!». Действительно, уже первые выступления либерально настроенных новоторжских земцев были встречены «неблагодарно большинством собрания». Симптоматическим подтверждением тому стала забаллотировка Бакунина П. А. при выборе в секретари собрания [15, с. 69]. Губернатором Тверской

губернии в 1868 г. был назначен Сомов А. Н. — умеренный консерватор [13, с. 95]. По воспоминаниям Петрункевича И. И., он был «одним из самых добродушных губернаторов», «человек очень богатый» и не претендующий на образованность [22, с. 167]. Он возглавлял Тверскую губернию 22 года и в дела земства не вмешивался, а значительное преобладание консерваторов в губернском и уездных земствах не мешало совместной работе [7, л. 1—2 об.]. Тем более, левым удавалось брать верх над правыми, даже находясь в меньшинстве. Головин К. Ф. обозначает причины такого положения вещей. Во-первых, либералы более организованно посещали собрание и потому при открытии собрания «искусственное левое большинство избирало подходящую комиссию [речь идет о редакционной комиссии — С.К.]. «Кто бывал на земских собраниях, — писал Головин К. Ф., — тот знает, какова сила этой комиссии, через неё идут все доклады, а доклады почти всегда принимаются» [6, с. 268]. Анализ архивных материалов подтверждает правоту Головина К. Ф.. Остановимся подробнее на рассмотрении структуры земства. Согласно закону губернское (уездное) земское собрание было распорядительным органом. Исполнительным органом являлась губернская (уездная) управа, которая избиралась сроком на три года. Кандидатуру председателя губернской управы утверждал министр внутренних дел, уездной — губернатор. Тверская губернская управа состояла из председателя и двух-трёх членов, канцелярии и ряда отделов — групп специалистов по ряду отраслей. Редакционные комиссии избирались губернским собранием на первых заседаниях каждого года и действовали в течение всего года. В её задачи входила подготовка докладов к сессиям собраний, контроль за исполнение постановлений и финансами. Документы, предварительно подготовленные Тверской губернской управой, подшивались в специальные папки — «Дела, подлежащие обсуждению в Тверском губернском земском собрании», получали заключение редакционной комиссии. Часто проекты консерваторов оставались без нужного заключения и откладывались до следующего заседания или отправлялись на доработку в управу, причём так могло продолжаться даже в течение нескольких лет. Тверское губернское земство ещё в 1866 г. издало «Правила рассмотрения дел в собрании», согласно которым «особое мнение» требовалось подаваться за три дня до обсуждения вопроса, возобновлять прения по проектам (одобренным управой и не получившим резолюции редакционной комиссии) могли с согласия трети гласных или по распоряжению председателя. С 1885 г. было решено прилагать «особые мнения» к протоколам лишь с согласия собрания [18, с. 11]. Это ещё раз показывает «силу» редакционных комиссий, большинство

которых всегда составляли либералы. Поворотным моментом стали выборы 1871 г. в Тверское губернское земское собрание. Источники свидетельствуют об обновлении состава гласных — из 88 вновь избранно 55 человек [24]. После выборов 1874 г. в Тверском губернском земстве приступили к работе такие видные либералы, как Корсаков А. А., Петрункевич М. И., Е. В. де-Роберти. Выборы 1877 г. принесли либералам большинство в губернском собрании, председателем управы был избран либерал Оленин Н. П. [4, с. 554]. В воспоминаниях Головина К. Ф. указывается, что против кн. Мещерского Б. В. готовился заговор, детали которого активно обсуждались на закрытых собраниях «земской левой». По его словам, князь догадался об этом. На эту мысль его навело «предательство» Чаплина Н. А., который вместе с 10 гласными своего уезда перешёл на сторону либеральной оппозиции только за то, что левые обещали ему избрание в непреременные члены губернского присутствия. Теперь на стороне либералов было явное большинство, и результаты выборов председателя управы были предопределены. Кн. Мещерский «обезоружил» оппозицию, рекомендовав на место председателя Оленина Н. П. и отказавшись баллотироваться на выборах. В результате, Оленин Н. П. был избран председателем Тверской губернской управы. По отзывам современников, замена не была удачной [22, с. 219]. Будучи по характеру весельчаком и балагуром, новый председатель более подходил для приятельского ужина, чем для серьезной работы. Важно, что главным козырем либералов в борьбе с кн. Мещерским явилось предложение консерваторов о необходимости увеличения жалования служащим управы. «Левые оспаривали предложение с жаром и произносили патетические речи». Прибавку отвергли, но уже на следующий год, под председательством Оленина Н. П., «радетели кошелька назначили то же жалование, которое опротестовали в правление Мещерского» [6, с. 264—267].

Выступления либералов в Тверском губернском земском собрании носили легальный характер. Это отмечал в отчётах начальник Тверского жандармского уездного правления полковник Есипов, который в обзоре политической ситуации за 1879 г. писал, что либеральная оппозиция «всех ... улучшений ... ждёт от правительства», надеясь, что оно будет продолжать идти «по пути реформ для поднятия уровня общего народного благосостояния» [20, с. 190]. Впоследствии Линд В. Н. вспоминал: «за немногими исключениями между лицами, причислявшими себя к либеральному толку, не было вовсе таких, которые носили сколь-нибудь яркую окраску. Людей крайних мнений во всём собрании не было ни одного. Лидер либеральной фракции Бакунин П. А. по своим политическим убеждениям ...был на правом фланге

либеральной партии» [20, с. 191]. Несмотря на то, что либералами не предлагалось радикальных мер, в связи с накалом политической ситуации, началась полоса терактов. Для борьбы с ними правительство решило привлечь и земство: в августе 1878 г. царь обратился с призывом помочь «всеми зависящими мерами... в искоренении врага». Несколько земств, включая Тверское, ответили адресами. Последний имел ярко выраженную либеральную окраску, что подтверждало господство либеральной «фракции» в губернском земском собрании. Обещая «встать на борьбу с постоянно возрастающим злом террора», земцы сомневались в исходе, подчёркивая, что велико недовольство всего русского народа действиями правительства: устранением от земства дела образования, лишением земств самостоятельности, вопреки воле императора [3, с. 563]. Это заявление насторожило консервативную часть земства и администрацию губернии. Начальник Тверского губернского жандармского управления в своём донесении в министерство внутренних дел отмечал, что сыльные представляют собой «сплочённый кружок», открыто транслирующий «вредные идеи в простой народ, среду рабочих, учащейся молодёжи» [8, л. 4]. В рассматриваемый период лидерами тверских земских либералов были: Бакунины А. А. и П. А. — братья знаменитого русского анархиста Мишеля Бакунина, гласные Новоторжского уездного и Тверского губернского земства; их родственник Василий Линд — председатель Новоторжской уездной управы; родной брат Петрункевича И. И. — Михаил — старший врач Тверской губернской больницы; Повало-Швейковский Т. Н.; председатель Тверской губернской земской управы Оленин Н. П.; предводитель дворянства Весьегонского уезда Родичев Ф. И. — друг и единомышленник Петрункевича И. И., ставший впоследствии одним из ведущих деятелей кадетской партии и депутатом Государственной думы всех созывов; председатель Весьегонского съезда мировых судей и губернский гласный Корсаков П. А., плодотворно работавший в земстве в области народного образования, медицины и мелкого поземельного кредита; философ-позитивист, гласный от Старицкого уезда Е. В. де-Роберти. Подобно членам Черниговского кружка, тверские земские деятели стремились «подготовить себя к будущей роли местного избранника в центральное представительное собрание. Это учреждение у всех не выходило из помыслов» [6, с. 269].

Почти дословно повторив данную своими черниговскими коллегами критику правительства, тверские земцы высказали пожелания, которые те не смогли включить в свой адрес. Тверской адрес заканчивался обращением к царю даровать России, по примеру освобожденной от турецкого ига Болгарии, «истинное самоуправление, неприкосновенность

прав личности, независимость суда, свободу печати» [17, с. 85—90]. Попытка утвердить этот адрес была предпринята тверскими либералами на экстренном губернском земском собрании 21 февраля 1879 г., собранном главным образом для обсуждения мер по борьбе с эпидемией чумы, нависшей в то время над Россией. Тверской губернатор не разрешил печатать протокол этого собрания.

В докладе губернской управы о мерах по борьбе с чумой было предложено избрать специальную комиссию для санитарного исследования местностей, представлявших особую опасность, и ходатайствовать о разрешении представителям этой комиссии встретиться «с такими же представителями других губерний в Москве, как главном центре всех путей сообщения, для разработки общих мер ограждения населения от заразы...». Доклад этот вызвал оживленное обсуждение. Помимо консолидации земских сил для успешной борьбы с эпидемией, в нем был затронут вопрос о правовом статусе земства и гарантиях личности. Так, Бакунин А. А. заявил, что «чума — зло не физическое только, это зло нравственное, порожаемое бездеятельностью общества, бездеятельностью вынужденною». Поддерживая его, Родичев Ф. И. отметил, что в адресе указаны «те общие условия общественной автономии и личной свободы, при которых в настоящее время только возможно мирное и законное развитие общества». Не решив эти общие вопросы, по его мнению, нельзя было обсуждать и частные, такие, как борьба с чумой. Однако попытка обсудить адрес в собрании закончилась неудачей — как и в Черниговском земстве, председатель запретил даже огласить записку. В связи с этим тверские либералы ограничились постановлением «ходатайствовать о разрешении съезда санитарных комиссий от всех земств для обсуждения мер, необходимых для борьбы и предупреждения эпидемий». Губернатор опротестовал постановление, а начальник Тверского губернского жандармского управления в своем донесении отметил, что «в ходатайстве о разрешении земского съезда в Москве нельзя не видеть стремления к введению ... всероссийских земских съездов» [21, с. 215].

Необходимо отметить, что в январе — феврале 1879 г. вопрос о созыве в Москве общеземского съезда для борьбы с чумой был поставлен еще на пяти губернских земских собраниях: Черниговском, Московском, Рязанском, Ярославском и Нижегородском. Таким способом либеральные гласные этих губерний пытались легализовать, готовившийся в Москве, тайный общеземский съезд, придав ему видимость съезда по борьбе с чумой.

Подготовка и проведение первого общеземского съезда — событие особой значимости в истории земского либерализма 1870-х годов. Прежде

всего, надо объяснить, почему либералы, стоявшие, как выразился тот же Бакунин А. А., «на почве законности», обратились к нелегальной политической деятельности. Дело в том, что все ходатайства земств о разрешении съездов их представителей для обсуждения вопросов медицины, народного образования, сельского хозяйства были отклонены правительством. Комитет министров, рассматривавший земские ходатайства, мотивировал это тем, что «общие земские съезды были бы не согласны с одним из коренных начал Земского Положения, по которому земским учреждениям присвоен исключительно местный характер». В связи с этим отдельные, наиболее радикально настроенные земские деятели различных регионов страны решили провести общеземский съезд, целью которого было объединить раздробленные силы либеральной оппозиции, консолидировать петиционную кампанию и другие легальные средства воздействия на правительство. Первый общеземский съезд состоялся 1 апреля 1879 г. в Москве, на квартире судебного деятеля Кропоткина С. М., на Новинском бульваре.

Важной частью нелегальной деятельности земских либералов конца 70-х гг. XIX в. были попытки установления контактов с революционными народниками в целях совместной политической борьбы. Земские либералы боялись взять на себя инициативу по распространению своих же конституционных заявлений. Статья о выступлениях земств была написана Клеменцом Д. А. и опубликована в приложении №4 газеты «Земля и воля» от 8 марта 1879 г. вместе с полными текстами черниговского и тверского адресов.

Применительно к консерваторам замечу, что покушение Соловьева А. К. на Александра II (2 апреля 1879 г.) отпугнуло монархически настроенных земских деятелей от каких бы то ни было связей с революционным подпольем, привело к новому усилению правительственной реакции. 5 апреля 1879 г. был введен институт временных генерал-губернаторов, которые получили чрезвычайно широкие права, вплоть до приостановки деятельности земских собраний. «Антиземские» законы привели к резкому спаду политической активности земств.

В воспоминаниях современников Тверь называют «русским Цюрихом». Однако начальник жандармского управления считал, что «корень зла» состоит не в «пришлых поднадзорных», а в «направлении местных коренных обывателей тверских земств» [8, л. 4]. В это время либералы с целью распространения конституционных идей организуют газету «Тверской вестник».

«Диктатура сердца» Лорис-Меликова М. Т. была встречена тверскими либералами с ликованием [3, с. 566]. Весной и летом 1880 г.

губернская управа подала министру народного просвещения Сабурову А. А. записку «О нуждах народного образования в Тверской губернии», в которой говорилось о противостоянии инспектора Малова и земства. В октябре 1880 г. они отправились в Петербург для встречи с министром, где требовали усилить роль земства в училищных советах, участвовать в назначении инспекторов, отменить особую цензуру для школьных библиотек, получить право открытия учительских семинарий [3, с. 202–203]. Либералы — ликовали, консерваторы — негодовали!

В ходе Великих реформ на региональном уровне повсеместно возникают дискуссии между консерваторами и либералами в губернских земствах. Наиболее злободневным был вопрос о «несовершенстве» основного производителя — крестьянина. «Правые» преследовали цель — повышение эффективности управления хозяйством, достичь которую намеревались посредством мобилизации «человеческого ресурса» с помощью культурно-просветительских средств, направленных на борьбу с пьянством, нищенством и т. п. Единства мнений достичь не удалось. Зачастую победу одерживали либеральные проекты. Как более консолидированная «фракция», они составляли большинство в Редакционных комиссиях, в компетенцию которых входил отбор проектов для обсуждения на губернском собрании, что предопределяло судьбу принятых решений. Но консерваторы всегда имели опору в администрации губернатора и осознавали, что в решающий момент могут воспользоваться «ресурсом власти» и отклонить «вредные» постановления. С этим во многом связана не только результативность их деятельности, но тверского земства в целом.

На примере анализа теории и практики «политических игр» в Тверском губернском земстве консервативная «фракция» представляла собой лишь внешне консолидированную группу гласных, не имеющую чёткой стратегии. Это отчётливо проявилось в дискуссиях и стало «уязвимым местом» земского консерватизма.

Список литературы:

1. Азаркин Н. М. Этантиский либерализм эпохи Великих реформ. // Право и политика. — 2000. — № 9. [электронный ресурс] — Режим доступа. — // URL: http://www.portalus.ru/modules/politics/print.php?subaction=showfull&id=1096455276&archive=&start_from=&ucat=5&
2. Васильчиков И. О самоуправлении. — СПб., 1869 — 1871.
3. Веселовский Б. Б. Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1864—1913 гг.). — Тверь, 1914.
4. Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет. — Т. IV. — СПб., 1911.

5. Время. — 1862. — № 2. — Отд. II.
6. Головин К. Мои воспоминания. СПб.-М., б./г. — Т. I.
7. Государственный архив Тверской области (ГАТО). — Ф. 56. Канцелярия тверского губернатора. — Оп. 2. — Д. 493.
8. Государственный архив Тверской области (ГАТО). — Ф. 927. Тверское губернское жандармское управление. — Оп. 1. Д. 112.
9. Джаншиев Г. Эпоха великих реформ. Исторические справки. — изд-е 7. — М., 1898.
10. «Записка Кошелева А. И.». // Цит. по: Голуб В. Роль земства в общественном движении. — Ростов-н/Д, 1905.
11. Земское дело. — 1910. — № 2.
12. Ключевский В. О. Собрание сочинений: В 9-ти тт. — М., 1989. — Т. 5.
13. Кривонос М. Мятежное земство. — Тверь, 2001.
14. Ленин В. И. ПСС. — Т. 28.
15. Линд В. Н. Воспоминания. // Русская мысль. — 1916. — № 6.
16. Мещерский В. П. Речи консерватора. — СПб., 1876. — Вып. II.
17. Мнения земских собраний о современном положении в России. — Берлин, 1883.
18. Новикова Н. С. Очерк истории Тверского земства. // Тверская старина. — 1994. — № 1—2.
19. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). — Ф. 549. — Кропоткина Н. Т. — К. 1. Д. 32.
20. Петров Ф. А. Земское либеральное движение в Тверской губернии в 1879—81 гг. // Проблемы истории СССР. — М., 1974. — Вып 4.
21. Петров Ф. А. Органы самоуправления в системе самодержавной России: земство в 1864—1879 гг. // Великие реформы в России. 1856—1874. Сборник. / Под ред. Захаровой Л. Г., Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. — М., 1992.
22. Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания. // Архив русской революции. — Берлин, 1934. — Т. XXI.
23. Полное собрание законов. Собрание 2. (ПСЗ-2). — Т. XXXIX. — № 40457.
24. Тверские губернские ведомости. — 1871. — № 27. — С. 138, № 30. — С. 158; № 38. — С. 210; № 64. — С. 335; 1874. — № 80. — С. 2.
25. Толковый словарь Даля. [электронный ресурс] — Режим доступа. — // URL: <http://sldal.ru/dal/10644.html>

4.2. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ ССРБ (ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ 1919 Г.)

Елизаров Сергей Александрович

*канд. ист. наук, доцент, Гомельский государственный технический
университет им. П. О. Сухого, г. Гомель, Республика Беларусь*

E-mail: sergeyelisarov@mail.ru

В первое время после установления советской власти сохранялось старое административно-территориальное деление, в основу которого был положен нормативный принцип — количество населения в среднем на губернию, уезд и волость. Этот принцип не соответствовал представлениям большевиков, возглавивших Советы и ориентировавшихся на обобществление средств производства и государственное управление экономикой. Существовавшее административно-территориальное деление не учитывало экономические изменения, вызванные развитием капитализма в промышленности, крупнейшим в мире железнодорожным строительством, повышением товарности и углублением специализации сельского хозяйства. Многие центры административно-территориальных единиц располагались в населенных пунктах со слабо развитой промышленностью, в то время как рабочий класс — социальная опора большевиков — часто концентрировался в поселениях, не имевших административного значения.

Общие направления административно-территориальной трансформации новая власть определила в обращении НКВД Советской России к Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов «Об организации местного самоуправления» от 24 декабря 1917 г. Здесь ставилась задача перераспределить административные функции между «отдельными пунктами губерний и уездов, вообще об изменении административных границ». В этом обращении отмечалось, что «многие губернские и уездные центры сохраняют до сих пор свое значение исключительно как центры административные, тогда как центрами промышленной и торговой жизни являются другие пункты тех же губерний и уездов», в которые Советам предлагалось переместить административные центры. На перспективу ставилась и более масштабная задача —

«распределение на административные округа, соответствующие экономическому значению отдельных пунктов и экономической связи между собой...» [2, с. 95]. На первом этапе в силу слабости центральной власти и надежд на широкое революционное творчество масс в радикальном переустройстве всей общественной жизни на коммунистических началах процесс административно-территориальных изменений не регламентировался — декретом СНК Советской России от 27 января 1918 г. «О порядке изменения границ губернских, уездных и проч.» местным Советам предоставлялось право самостоятельно изменять территории губерний, уездов, волостей и создавать новые административно-территориальные единицы [6, с. 21].

Свое представление о новом административно-территориальном делении большевики Белоруссии сформулировали на VI Северо-Западной конференции РКП(б), принявшей историческое решение об образовании Социалистической Советской Республики Белоруссия (ССРБ). 30 декабря 1918 г. конференция в резолюции «О провозглашении Западной Коммуны Белорусской Советской Республикой» территорию республики определила в составе Минской, Гродненской, Могилевской, Витебской и Смоленской губерний [7, с. 32—33]. В этот же день конференция, конституируя себя как I съезд Компартии Белоруссии, в постановлении о границах Белорусской республики конкретизировала вопрос о территории: «основное ядро» ССРБ в составе Минской, Смоленской, Могилевской, Витебской и Гродненской губерний вместе с «частями прилегающих к ним местностей соседних губерний, населенных по преимуществу белорусами» (Суражский, Мглинский, Стародубский и Новозыбковский уезды Черниговской губернии, Вилейский уезд и части Свенцянского и Ошмянского уездов Виленской губернии, Августовский уезд бывшей Сувалковской губернии, часть Ново-Александровского уезда Ковенской губернии). Одновременно признавалась возможность исключения из состава республики Гжатского, Сычевского, Вяземского и Юхновского уездов Смоленской губернии, а также Двинского, Режицкого и Лютинского уездов Витебской губернии [7, с. 33—34].

Такое решение проблемы, как справедливо отмечает известный белорусский историк Круталевич В. А., во многом было связано с позицией руководителя Северо-Западного областного комитета РКП(б) Мясникова А. Ф.: «Как ревностный сторонник Западной области, Мясников А. Ф. считал необходимым включить в границы будущей республики (а она, по его мнению, также область, только под другим названием) всю областную территорию за вычетом некоторых

уездов Витебской и Смоленской губерний, а также части Ковенской, Виленской и Черниговской губерний» [4, с. 117].

I съезд КП(б)Б признал необходимым прежнее деление «губерния—уезд» заменить системой «район — подрайон». В постановлении «О границах Белоруссии» указывалось, что вся территория республики должна быть поделена на районы «с названиями, происходящими от их экономических центров», а каждый район — на подрайоны. Всего предполагалось образовать 7 районов (Минский, Смоленский, Витебский, Могилевский, Гомельский, Гродненский, Барановичский) и 54 подрайона [7, с. 34].

На взгляд автора, такой вариант административно-территориального деления ССРБ определялся не только задачами, поставленными партийно-советским руководством Советской России в отношении перестройки прежнего административно-территориального деления (абсолютное большинство выделенных в качестве центров подрайонов населенных пунктов никакого промышленного значения не имели), но и в значительной степени позицией руководителей Западной области во главе с А. Ф. Мясниковым («областников»). Руководство области считало необходимым ликвидировать губернии и губернские органы как ненужные передаточные звенья, а управление уездами осуществлять из областного центра. Могилевские и витебские губернские власти, в свою очередь, рассматривали именно области как лишнее звено, настаивая на непосредственном подчинении губерний центральным органам РСФСР. Как считает белорусский историк Куницкая З. А., позиция российского руководства долгое время оставалась неопределенной: ликвидация губерний привела бы к созданию централизованного организма, где Москва могла бы «без сложностей... обеспечить проведение своей политики. Однако организм достаточно самостоятельный и, может быть, склонный к сепаратизму» [5, л. 84]. И только к концу 1918 г. в московском центре пришли к выводу, что наличие самостоятельных в политическом и экономическом плане областных объединений Советов является серьезным препятствием к централизации управления страной в чрезвычайных условиях гражданской войны и иностранной интервенции.

В этой борьбе инициативу прежде всего проявляло областное руководство. Вопрос об областном и губернских центрах поднимался еще в марте 1918 г. на II съезде Советов Северо-Западной области, а IV Северо-Западная областная конференция РКП(б) (1—4 июня 1918 г.) признала излишним существование губернских партийных организаций [3, с. 87]. Острая дискуссия о судьбе губерний развернулась на V Северо-Западной конференции РКП(б) (2—4 сентября 1918 г.), большинство участников которой поддержало «областников»: было

решено ликвидировать губернские центры в Витебске и Могилеве (аппарат Смоленской губернии уже фактически был ликвидирован), передав уезды под непосредственное управление областным властям [3, с. 98]. Конференция также приняла постановление о переходе на новую территориальную систему построения парторганизаций: вся область делилась на районные объединения, которые должны были состоять из уездных (подрайонных, волостных и деревенских) организаций. Были определены и контуры этих районов на неоккупированной немцами части Западной области [7, с. 99—100]. Таким образом, партийные организации должны были перестроиться на систему «район — подрайон (уезд) — волость — село», что являлось подтверждением серьезности намерений ликвидировать губернские центры. Противоречия между «областниками» и губернскими властями нарастали: 5 августа 1918 г. облизполком принял решение о прекращении деятельности Могилевского и Витебского губисполкомов, но не получил поддержки в Москве и губернские центры продолжили свое функционирование [5, л. 86].

На I съезде КП(б)Б «областникам» удалось провести свое решение о ликвидации губернского деления путем перехода к новой системе административно-территориального деления (район—подрайон). Однако эта победа была не полной — в решении съезда об организационном построении партийных организаций указывалось, что в партийном отношении «вся республика по схеме советских организаций распадается на районные или губернские объединения», а те, в свою очередь — на подрайонные (уездные) [7, с. 35]. Таким образом, реализация нового принципа организационного построения КП(б)Б связывалась с реальным переходом на новую систему административно-территориального деления, а срок этого перехода в решениях съезда вообще не определялся. Это означало, что ликвидация губерний и переход к новой системе административно-территориального деления республики и организационного построения КП(б)Б — это только возможная перспектива, а реальность текущего момента — сохранение прежней губернского-уездно-волостной системы.

В конечном итоге решение I съезда КП(б)Б о новом административно-территориальном делении республики на практике так и не было реализовано. Свою первостепенную роль сыграли в этом прежде всего передача в состав Советской России по решению ЦК РКП(б) Смоленской, Витебской и Могилевской, а также объединении в феврале 1919 г. (также по решению Москвы) остатков ССРБ с Советской Литвой в ЛитБел ССР [1, с. 29—30].

Единственным практическим результатом проекта нового административно-территориального деления Советской Белоруссии было образование Барановичского уезда. О его создании еще до революции неоднократно перед центральными органами Российской империи ходатайствовали органы местной власти, но безрезультатно. Барановичи фактически были экономическим центром всего Новогрудского уезда: если в 1913 г. в Новогрудке было только два небольших предприятия, то в Барановичах — несколько десятков. По количеству населения Барановичи в Минской губернии превосходили все городские поселения (в том числе и уездный центр Новогрудок) за исключением Минска, Бобруйска и Пинска. К тому же создания Барановичского уезда требовало и решение I съезда КП(б)Б: в составе республики предполагалось образование отдельного Барановичского района в составе 7 подрайонов (с вхождением в состав района таких уездных центров, как Брест, Слоним, Пружаны, Новогрудок, Кобрин, Пинск), а сами Барановичи не были даже уездным центром. В связи с указанными обстоятельствами Барановичский уезд был сформирован в рамках Минской губернии постановлением Президиума ЦИК ССРБ от 6 февраля 1919 г. в составе 6 волостей Новогрудского уезда [8, с. 299].

Таким образом, в исследуемый период белорусское партийно-советское руководство, принципиально признавая необходимость совершенствования сохранявшейся дореволюционной административно-территориальной системы на основе принципов экономического тяготения территорий к крупным индустриальным центрам, приняло на I съезде КП(б)Б вариант нового административно-территориального деления республики. Свою роль в этом сыграли и противоречия между руководством Западной области и губернскими центрами. Однако в начале 1919 г. коренная реорганизация административно-территориального деления ССРБ на основе первоочередного учета экономических факторов рассматривалась не как конкретная практическая задача, а прежде всего как перспектива мирного переустройства общества на социалистических началах.

Список литературы:

1. Елизаров С. А. Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919—1991 гг.) / Елизаров С. А.. — Гомель: ГГТУ им. Сухого П. О., 2009. — 222 с.
2. История Советской конституции (в документах) 1917—1956 /сост. Липатов А. А. [и др.]. — Москва: Юрид. лит., 1957. — 1046 с.
3. КП(б)Б у резолюцыях. Ч. 1 (1903—1921 гг.) /Ін-т гісторыі партыі пры ЦК КП(б)Б; рэд.: А. Зюзькоў. — Менск: Парт. выд-ва, 1934. — 272 с.

4. Круталевич В. А. История Беларуси: становление национальной державности (1917—1922) / Круталевич В. А.. — 2-е изд., доп. — Минск: ИООО «Право и экономика», 2003. — 592 с.
5. Куніцкая З. А. Абласны выканаўчы камітэт Заходняй вобласці: стварэнне, структура, дзейнасць: дыс.... канд. гіст. навук / Куніцкая З. А. — Мінск, 2006. — 113 л.
6. Лужин А. В. Административно-территориальное устройство Советско-го государства / Лужин А. В. — Москва: Юридическая литература, 1969. — 172 с.
7. Прагакол I з'езда Комуністычнай партыі (большэвікоў) Беларусі / Ін-т гісторыі партыі і Кастр. рэвалюцыі пры ЦК КП(б)Б; пад рэд.: С. Агурскі і М. Леўкоў. — Мінск: Парт. выд-ва, 1934. — 84 с.
8. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6-ці т./рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БелЭн, 1993—2003. — Т. 1. А-Беліца / М.В. Біч [і інш.]. — 1991. — 494 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГАЛЛЬСКОМ И ГЕРМАНСКОМ ОБЩЕСТВАХ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ РОМАНИЗАЦИИ В I ВЕКЕ ДО Н. Э. — ПЕРВОЙ ТРЕТИ III ВЕКА Н. Э.

Чернова Анастасия Юрьевна

учитель истории, средняя школа № 74, г. Караганда, Казахстан

E-mail: fisinez@mail.ru

В последние десятилетия история избавляется от многих предрассудков и стереотипов в оценке взаимоотношений между Римским государством и миром племен Северо-Восточной Европы, откуда приходили все новые и новые волны «варваров». Очевидно, что после ознакомления с парадигмой работы О. Шпенглера и его отношению к истории не как всеобщему процессу, а так же к его разграничению между античной и европейской цивилизацией, историки несколько изменили свой взгляд, а европейские ученые даже почувствовали, как близка им идея «воли», передавшаяся им от древних германцев. Безусловно, что идея «диких варваров», разрушающих цивилизацию пришла с Италии, как тоскливый плач по могуществу Империи или вечный страх перед подвижными народами, готовыми на все и оборвавшими все связи со своим прежним селищем. Так же и марксистская теория социально-экономических формаций изменила взгляды некоторых историков. Марксистская теория предполагала стадийное развитие общества, в рамках этой теории рабовладельческий строй должен был переродиться в феодальный, а крушение Римской Империи в такой схеме не воспринималось, как катастрофа, а всего лишь, как факт [6, с. 43]. Беспристрастное отношение к падению Империи, либерализация взглядов, широкое применение и интерпретация археологических данных, а так же данных нового междисциплинарного течения геногеографии — вот, основные тенденции в изучении проблемы взаимоотношений между Римом и Северо-Восточной Европой [9, с. 77].

Римская торговля в придунайских землях возникла задолго до того, как они были присоединены к Риму. Экономическое проникновение римлян в области Верхнего и Среднего Дуная началось много ранее, чем в 181 г. до н. э. была основана на северо-востоке Италии колония Аквилея. Область кельтов и соседних венетов служила рынком как для самих венетов, так и для кельтских и иллирийских племен. Из Аквилеи направлялся поток товаров в Норик

и в другие дунайские земли. Эти территории для римлян были не только рынком сбыта своих товаров, но и получения сырья, в частности, золотой руды. Около 150 г. до н. э. Страбон, ссылаясь на Полибия сообщает, что племя таврисков взялось разрабатывать совместно с римскими дельцами золотой рудник напротив Аквилеи, в долине Верхнего Лаванта [1, с. 164]. Добываемое золото поступало в Италию. Это в конечном итоге привело к падению его цены на 1/3. Тавриски отказались продолжать разработку рудника с римлянами, а римляне воспользовавшись моментом, забрали в свою юрисдикцию добычу золота. И как сообщает Страбон: «Теперь все золотые рудники принадлежат римлянам» [1, с. 166]. Во время колонизации Норика огромную роль сыграл римский капитал.

Одним из признаков проникновения римского капитала является договор о союзе и дружбе, который в 120 г. до н. э. царство Норик заключило с римлянами, еще до обращения царства Норик в провинцию. Это сделало возможным торговое поселение римлян на Магдаленсберге. Римляне нашли здесь население, которое уже столетиями находилось в торговых и культурных связях с народами Северо-Западной и Восточной Европы, а также с областями восточнее Альп. Население Норика, вступившее тогда в торговлю с римлянами, знало не только латинский язык, но и норический, или венетский [2, с. 32].

О развитии торгово-ростовщического капитала свидетельствует запись о деньгах, взятых в долг до октябрьских ид, и о деньгах, взятых до сентябрьских ид. Займы денег давались под проценты. Торговая и ростовщическая деятельность на Магдаленсберге не ограничивалась летом, а продолжалась и осенью, и зимой [3, с. 86].

И нет ничего удивительного, что римская аристократия стремилась приблизиться и к другим территориям, чтобы сбывать свои товары, добывать полезные ископаемые, покупать необходимое для нее. Военная экспансия римлян имела своей целью не только колонизацию новых земель, обогащение за счет дани и грабежа, но и также налаживание торгово-экономических отношений с присоединенными и свободными территориями [13, с. 127].

Попытка римлян установить отношения с новыми племенами обозначало для них на первоначальном этапе установление мира, с капитуляцией и разоружением, в случае конфликта; а потом уже «договор о дружбе» [11, с. 131].

Весьма активно германские племена занимались торговлей. Внутри германского племенного мира преобладал натуральный обмен. В качестве средств платежа часто использовался скот. Лишь в

пограничных с Римским государством областях в ходе торговых операций употреблялись римские монеты. Они, кстати, ценились и как украшение. Центрами внутренней торговли были укрепленные поселения набирающих силу германских правителей. Центрами германо-римской торговли являлись Кёльн, Трир, Аугсбург, Регенсбург и др. Торговые пути проходили по Дунаю, Рейну, Эльбе, Одру. В зону торговых контактов входило Северное Причерноморье. Купцы плавали по Северному и Балтийскому морям. Торговля с Римом играла значительную роль. В большом количестве Рим поставлял германским племенам керамику, стекло, эмаль, бронзовые сосуды, золотые и серебряные украшения, оружие, орудия труда, вино, дорогие ткани. В Римское государство ввозились продукты сельского хозяйства и животноводства, скот, кожи и шкуры, меха, а также пользующийся особым спросом янтарь. Многие племена имели специальную привилегию свободы посреднической торговли. Так, германдуры вели торговые операции по обе стороны верхнего течения Дуная и даже проникали в глубь римских провинций. Батавы переправляли в прирейнские области скот. Торговля являлась одним из мощных стимулов готовности германских племён к передвижениям. Контакты с римскими купцами давали им не только информацию о новых землях и путях в эти земли, но и способствовали формированию «притягательных целей» их будущих переселений [4, с. 21].

После маркоманнского «взрыва» II в. взаимодействие германцев с Римом значительно расширилось и интенсифицировалось практически по всем наметившимся ранее направлениям. Основной формой контактов оставалась война, военные столкновения и конфликты. Война, как проявление силы, накладывала отпечаток на характер всех связей. Они определялись и регулировались условиями мирных договоров, выполнение которых жёстко контролировалось военными властями Рима. Усилилось значение границы как линии, отделявшей римлян от варваров. Всем племенам запрещалось селиться в пограничной полосе от 8 до 15 км вдоль левого берега Дуная, обрабатывать здесь землю и пасти скот. На отдельных участках лимеса были сооружены крепости, бурги и *stationes* [3, с. 65].

Периодически массово возрастал поток оружейных экспортов. Империи с завидным постоянством снабжали своих потенциальных противников высококачественными образцами вооружения, в частности мечами. Германский мир был для Империи классическим сырьевым придатком: они поставляли в римские провинции скот, лошадей, кожу, зерно и другие пищевые продукты, янтарь, белокурые женские волосы, иногда керамику и фибулы. Объектом торговли были и рабы.

Сведений об оружейных мастерских для I—II вв. нет. Можно лишь предполагать, что римское оружие, как, например, короткие мечи (*gladius*), производилось в оружейных мастерских Кельна. Для позднего времени известно, что в Трире имела мастерская по изготовлению щитов и баллист. Мастерские по производству оружия (*fabricae armorum*) находились в позднеримское время в руках государства. Римское оружие к племенам попадало лишь в качестве добычи, особенно во время Маркоманнских войн, а также в период войн и кризиса Империи в III веке [14, с. 22].

Признавая имущественное и социальное расслоение германского общества, тем не менее можно со всей определенностью отрицать зарождение в нем классовой структуры. Тезис о наличии у германцев частной собственности на землю, который многократно постулировался историками, не находит подтверждения. Перед нами — родоплеменное варварское общество на поздней стадии своего развития («высшая ступень варварства» по Энгельсу) [7, с. 53]. Существующие в нем социальные градации — знать, свободные, рабы — это разряды именно родоплеменного общества, основную массу которого образуют свободные. Нет указаний о зависимости, личной или хозяйственной, одних свободных от других, и в этом отношении владения состоятельных германцев, в которых эксплуатировались рабы, радикально отличаются от средневековых вотчин с зависимыми крестьянами из числа бывших свободных. Ни зависимость сервов от их господ, ни личная связь дружинников с вождем не могут свидетельствовать о возникновении «зародышей» феодализма — они должны рассматриваться в контексте древнегерманской социальной системы, структурно, а не «телеологически». Варварское общество — последняя стадия доклассового общества [8, с. 178].

Изучение социально-экономической истории германских народов на протяжении «имперского времени», с I по V в., обнаруживает своеобразное сочетание черт изменчивости и константности. Активная римская политика по отношению к Германии, походы римских полководцев вглубь страны, основание римлянами военных лагерей и поселений вдоль «лимеса» способствовали романизации областей, граничивших с Рейном и Дунаем. Однако романизация, восприятие германцами, населявшими эти районы, элементов римской цивилизации и социальных порядков, ограничивалась сравнительно узкой «каймай» на границе — внутри «свободной Германии» она чувствовалась очень мало. Крупнейший современный специалист в области германских древностей подчеркивает, что в целом германцы,

несмотря на полутысячелетнее соседство с римлянами, почти ничего не переняли у них в сфере материальной жизни [5, с. 88].

Если попытаться подвести итог всему вышесказанному, то при всей рискованности однозначного ответа на столь резко сформулированный вопрос все же можно с большой степенью определенности утверждать: вторжения варварских народов на территорию Римской империи открыли качественно новую эпоху в социально-экономической истории Европы [14, с. 62].

Взаимодействие с Римской империей на протяжении многих поколений ускорило социальное расслоение фризов и эльбских германцев. Хотя и в меньшей степени и позже, но утвердились патронаж — клиентельские отношения [12, с. 21]. Романизация жителей маршей выражалась также в том, что они, будучи на службе у римлян, изучали военную тактику, вооружения и распространяли некоторую часть богатств на территориях своего традиционного обитания. Но это не означает, что до этого северная граница была вовсе защищена. В Дунайском регионе были размещены легионы множество вспомогательных войск. Экономическое же значение лимеса возрастает во II и продолжается до середины III в. н. э., что свидетельствует о росте объема товарного производства в провинциях, а также растущее обращение римских денег в племенном мире. В чем, в частности, проявлялось значение лимеса для хозяйственной деятельности и экономических связей провинций с племенами [10, с. 74]. Римские города оставались одновременно военными и торговыми центрами; здесь происходила торговля варваров и римлян. Хозяйственная жизнь дунайских и рейнских городов была в значительной степени ориентирована на спрос среди «варварских» племен, который со своей стороны был заинтересован в укреплении регулярных торговых связей с Римом, поскольку всегда ощущал недостаток в собственных средствах, которые старался вмести́ть и войной, и торговлей.

Список литературы:

1. «Записки Юлия Цезаря», М.- Л.: Академия наук СССР, 1948 г.—180 с.
2. «Историки античности: Древний Рим», т. 2, М. изд. «Правда», 1989 г. — 457 с.
3. «Хрестоматия по истории Древнего Рима», под ред. Утченко С. Л., М. 1962 г. —225 с.
4. Голубцова Е. С. «Община, племя, народность в античную эпоху», М.: изд. «Наука», 1998 г. —220 с.

5. Дряхлов В. Н. «Возникновение государственной формы власти у древних германцев», Киров, 2008 г. —330 с.
6. Казимеж Куманецкий «История культуры Древней Греции и Рима», М., 1990 г. —220 с.
7. Кашеев В. М. «Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220—146 гг. до н. э.» М., 1993. —365 с.
8. Колобов А. В. «Римское военное снаряжение на дальней варварской периферии: проблемы интерпретации», межвузовский сборник научных статей "Античность Европы" (под редакцией Маяк И. Л. и Нюркаевой А. З.), Пермский ун-т, 1995 г. —160 с.
9. Колосовская Ю. К. «Рим и мир племен на Дунае в I—IV вв. до н. э.», М. изд. «Наука», 2000 г. —450 с.
10. Малеванный А. М. «Римская колонизация и социально-экономические отношения в провинции иллирик к началу I в. н. э.», «Античный мир и археология». Вып. 8. Саратов, 1990 г.—129 с.
11. Махлаюк А. В. «Процесс «варваризации» римской армии в оценке античных авторов», «Античный мир и археология». Вып. 11. Саратов, 2002 г. —240 с.
12. Рассадин С. Е. «Между Альпами и Океаном: венеты — «другие германцы», Восточноевропейский археологический журнал, сент. — окт. 2002 г. —368 с.
13. Теодор Моммзен «История Рима. Том 5: Провинции от Цезаря до Диоклетиана», М. — 1885 г. —560 с.
14. Хлевов А. А. «Предвестники викингов. Северная Европа в I—VIII веках», СПб. изд. «Евразия», 2003 год. —225 с.

4.3 ЭТНОЛОГИЯ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДЕ ШОРЦЕВ МЕЖДУРЕЧЕНСКОГО РАЙОНА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПОС. ОРТОН И БЛИЗЛЕЖАЩИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ)

Новиков Дмитрий Валерьевич

*кандидат исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет культуры и искусств», г. Кемерово
E-mail: d.v.novik@mail.ru*

Коренное население Сибири включает множество этносов. Все они имеют разные происхождение, исторические судьбы. Многообразие автохтонных этносов определяет различия национальных традиций, обычаев, материальной и духовной культуры. К началу освоения данного региона русскими здесь сложилось несколько хозяйственно-культурных типов как присваивающего, так и производящего типов [2, с. 69—74]. Однако к концу XX в. многие элементы традиционной культуры были утрачены. Существенную роль сыграли интенсивное промышленное освоение региона в годы Советской власти, рост урбанизации, нивелирующая национальная политика того же периода. Результатом явились, например, сужение функций родного языка, нарушение экологического равновесия в местах компактного проживания аборигенов, их культурная ассимиляция.

Вместе с тем, процессы демократизации в российском обществе послужили основой для возникновения движения по возрождению культуры автохтонного населения. Во второй половине XX в. был определен особый правовой статус малочисленных коренных народов на международном уровне [5, с. 3—4, с. 9—10, с. 83; 12, с. 3—12]. С распадом Союза на местах начали разворачиваться национальные движения, представляющие интересы этнических групп разных регионов. К ним относится указанное движение представителей народов, проживающих на территории Севера, Сибири и Дальнего

Востока. 12 июня 1990 г. увидела свет декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Этот акт положил начало массовому созданию национальных общественно-политических организаций на территории Российской Федерации. На уровне субъектов РФ формируются органы, специализирующиеся на данных вопросах. В рамках Администрации Кемеровской области 1990-х гг. функционировал Комитет по коренным народам. К настоящему времени он преобразовался в Департамент культуры и национальной политики. Таким образом, культурное возрождение коренного населения осуществляется национальной интеллигенцией, при поддержке местных органов власти. При совместных усилиях национальных объединений и Департамента, городских властей Кемерово, Новокузнецка, Таштагола, Мысков, Междуреченска проводятся национальные праздники, обряды и другие мероприятия. Открываются и функционируют музейные экспозиции, новые музеи.

Различные аспекты указанной темы неоднократно освещались в научной литературе. Этнокультурная, этническая ситуация последних десятилетий отражается региональными исследователями. В первую очередь, это профессорско-преподавательский состав соответствующего профиля КемГУ. Так, монографии и статьи доктора исторических наук, профессора Садового А. Н. посвящены истории национальной политики государства в отношении коренного населения Южной Сибири. Ее современным тенденциям. Традиционным системам жизнеобеспечения, и их рентабельности в условиях рыночной экономики. Доктор наук Кимеев В. М. описывает формы проявления материальной и духовной культуры шорцев второй половины XX в., освещает проблемы их сохранения и развития. Рассматривает вопросы этнической истории шорского народа. Кандидат исторических наук Поддубиков В. В. анализирует современное состояние промышленного комплекса автохтонных жителей Кемеровской области. Работы профессора Кацюбы Д. В. посвящены вопросам исторического краеведения. При этом освещается бытование шорских традиций в дореволюционный и советский периоды. Профессор Новокузнецкого государственного педагогического института Чудояков А. И. анализировал произведения эпоса, фольклора своего народа. Указанная тема отражена и в региональной прессе. К примеру, в статьях журналиста Попка В. [1; 3; 4; 7; 8; 9; 10; 11; 13]. Основываясь на материалах периодической печати Кемеровской области последних десятилетий, можно составить представление о низком уровне социальной инфраструктуры, отсутствии рабочих мест в отдаленных

поселках Горной Шории, проблеме алкоголизма. Следствием является маргинализация шорского населения, сказывающаяся на состоянии национальной культуры. Авторами научных исследований, корреспондентами газет констатируется ее фрагментарный характер, а также полное исчезновение в ряде населенных пунктов. Результаты проведенной нами летом 2011 г. экспедиции в Междуреченский район Кемеровской области подтвердили данные положения. Цель нашей работы — проанализировать вопросы бытования элементов традиционной культуры в среде сельских шорцев, на примере отдельных населенных пунктов указанного района. В качестве основной задачи выделены рассмотрение степени сохранности национального фольклора.

Определенное значение для сохранения элементов духовной и материальной культуры имеет работа гуманитарных факультетов региональных вузов. В частности, Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Сюда относятся научные экспедиции профессорско-преподавательского состава, с участием студентов. Сотрудниками кафедры теории и истории народной художественной культуры регулярно проводятся поездки в места компактного проживания коренных жителей Южной Сибири. Так, летом 2011 г. нами проводилась фольклорно-этнографическая экспедиция в пос. Ортон Междуреченского р-на Кемеровской области. При этом нами были поставлены следующие задачи:

- выявить и зафиксировать виды, жанры шорского национального фольклора, существующие в пос. Ортон и близлежащих населенных пунктах;
- попытаться определить их функции в жизни шорского населения указанной территории;
- изучить степень сохранности элементов материальной культуры (пища, одежда, традиционные постройки);
- выявить степень осведомленности местных жителей относительно истории пос. Ортон и близлежащих населенных пунктов, как один из показателей локального самосознания.

Охарактеризуем, исходя из сказанного выше, основные направления нашей полевой работы. При сборе данных использовались методы опроса (по заранее подготовленным опросникам), и не включенного наблюдения. Отметим некоторых информаторов, оказавших нам наиболее существенную помощь:

- Трухина Людмила Ивановна, 1952 г. р., житель пос. Ортон, начальник Ортонского территориального управления;
- Мухутдинова Валентина Николаевна, 1953 г. р., житель пос. Ортон, учитель начальных классов местной школы;

- Кискоров Илья Борисович, 1988 г. р., житель пос. Трехречье, оперуполномоченный при Ортонском территориальном управлении;
- Кискоров Борис Николаевич, 1964 г. р., житель пос. Трехречье, сторож школы-интерната № 16 пос. Ортон г. Междуреченска;
- Торчакова Анастасия Николаевна, 1983 г. р., житель пос. Трехречье, учитель начальных классов, русского языка и литературы школы-интерната № 16 пос. Ортон г. Междуреченска.

На наш взгляд, логично будет начать изложение с общей характеристики населенного пункта. Поселок был образован в 1969 г. Эту дату (а также примерную — 1960-е гг.) назвали все наши информаторы. Изначально это было место отбывания заключения осужденных. Позднее сюда стали подселаться шорцы из окрестных деревень, соседних районов, и люди других национальностей. Градообразующее учреждение здесь — это Федеральное Бюджетное Учреждение с особыми условиями хозяйственной деятельности (Центр трудовой адаптации, Федеральное Казенное Управление, Колония — поселение № 11). Особые условия хозяйственной деятельности обусловлены местонахождением в тайге, а также тяжелым видом работы — лесозаготовкой. Население Ортона около 80 человек, не считая 300 человек специального контингента.

Расстояние от г. Междуреченска до Ортона 80 км. Близлежащие населенные пункты — поселки Учас (8 км от Ортона), Ильинка (12 км), Трехречье (2 км). По словам Кискорова Б. Н., до 2003 — 2004 гг. существовали также поселки Большой Ортон и Базас. Они были закрыты как нерентабельные. Коренные жители переселились в Ортон и другие поселки, приезжие отбыли за пределы Горной Шории. Поселки Трехречье, Учас и Ильинка, по данным Трухиной Л. И., известны с XVII века. Их старожилы помнят события 1920-х гг., связанных с бандами Гордеева и Семенова, а также еще более ранних лет Гражданской войны. Такой поселок, как Ильинка, по информации пожилых людей, в прежние времена располагался выше, нежели сегодня. Затем он был перенесен. Информаторы связывают это с тем, что участились случаи смертей взрослых и детей. В качестве причины они называют большое количество захоронений и, как следствие, негативной энергии («духов»). По сообщению Мухутдиновой В. Н., пос. Ильинка прежде имел свое производство. Однако в чем оно заключалось никто из жителей уточнить не смог [6].

Данные шорские поселки в советское время (в середине XX-го века) административно относились к Хакассии в рамках автономного края. Находились они на территории Таштыпского р-на. Участники

ВОВ из числа местных жителей призваны были с Таштыпского райвоенкомата. Позже данная территория попала в ведение Таштагольского района. С 1980-х гг. она была включена в состав Междуреченского района. И сегодня многие населенные пункты, где проживают шорцы, остались в Хакасии. Там идет смешение шорского и хакасского населения. По словам информаторов, диалект шорцев Междуреченского р-на ближе, нежели другие к хакасскому языку.

Рядом с пос. Ортон протекают реки Колос, Базас, Ортон. Все сливаются в Большой Ортон. Название «Ортон» произошло от шорских слов «ор» (середина) и «сун» (вода). По мнению местных шорцев более правильным названием является «Орсун» (середина воды). Реки служат местному населению для передвижения, на лодках, и рыбной ловли. Летом побережья используются для отдыха, в основном, шорской молодежью (младшего и среднего школьного возраста) [6].

Из объектов социальной инфраструктуры в поселке имеются фельдшерско-акушерский пункт, пекарня, школа-интернат. Два года назад на общественных началах построена церковь им. Св. Митрофана Воронежского. В настоящее время городская администрация Междуреченска оказывает поддержку жителям поселка в строительстве новых жилых домов. При этом в Ортоне имеется и аварийное жилье. Сегодня оно представлено 2-х этажным баракком. В целом, благоустроенных жилищ современного типа немного, в сравнении с общим количеством домов в поселке. Первоначально в поселке был клуб. В годы перестройки он был переделан под штаб местной колонии. Традиционные постройки на территории района, за исключением пос. Учас, полностью вытеснены стандартизированными домами. Это же касается и национальных шорских костюмов указанного района. В повседневной жизни используется одежда фабричного производства. Традиционные элементы нами зафиксированы не были. В качестве показателя активности взаимодействия городской администрации и территориального управления отметим следующий факт. Ежегодно, по словам Трухиной Л. И., администрацией г. Междуреченска в фонд поселкового территориального управления выделяется 200 тыс. рублей на нужды развития спорта.

Основные занятия местных жителей — это хозяйство, промыслы. Человек занят в них практически круглый год: сенокосы летом (в том числе и на момент нашего пребывания). Затем по времени следует сбор кедрового ореха (кедровники и покосы расположены на соседних с поселком горах). Сюда же относится огородничество, охота, ловля рыбы. Кое-кто разводит пчел. Относительно большое количество информации наши респонденты предоставили по национальной кухне и фольклору.

Они называли следующие национальные блюда: «культерпек» — это лепешки, испеченные на золе. Раньше их готовили на костре, на углях, на золе. Шаньги («шаньга») местные шорцы пекли в печи. На молоке делали пирожки, начиняли творогом. Использовали сметану, добавляли лук. Из теста, так же на молоке, делали блины к чаю, обмазывали сметаной. Обжаривали в печи. В результате получалась поджаристая корочка. Все это встречается и сегодня. Упоминались и прянички. На сковороде готовили фигурные блины («кёк-тыш»). Употребляя в пищу, их обмакивали в масло. В приготовлении пирогов и вареников использовали поджаренные кедровые орехи. Использовали этот продукт для начинки и пекли в печи. Из национальных напитков упоминалась абыртка. Ее делали из ячменя: заготавливали закваску, использовали картошку. Заквашивали на ячмене. Здесь же использовали талкан. Из абыртки и сейчас делают самогон. Для этого ее наливают в таз и на медленном, несильном огне выпаривают. Традиционно используется простой самогонный аппарат. Легким напитком является шорская водка арака («арачак»). По мнению информаторов, крепкие напитки, (в частности, арака) попали в Шорию с русскими переселенцами. Коренные жители переняли приготовление бражки, использование хмеля. Обжаривали сахар. С приходом русского крестьянства, в пищу стали употреблять хлеб, лук, картофель, овощи (в частности выращивали помидоры). До сих пор изготавливают шорские пельмени («пелбен») с кедровым орехом. Летом в основном в пищу шли овощи, а также рыба. По словам Мухутдиновой В. Н., шорские поселки располагались, как правило, у рек. Последние служили источником рыболовства, как одного из направлений в комплексном хозяйстве. Для поселения выбирали удобные места. В любой деревне всегда были родники. Вокруг родника делали деревянный сруб. Как отмечал Кискоров Б. Н. в тайге много ключей. Сегодня блюда приготавливаются из мяса, рыбы, добавляется колба. Приготавливаются салаты, соленья [6].

Сегодня представители шорской молодежи, окончившие в городах вузы, отчасти ориентированы на возвращение в родные поселки, отчасти — на попытку трудоустройства в местах получения образования. Согласно данным Ортонского территориального управления, указанные поселки являются вымирающими. По воспоминаниям Мухутдиновой В. Н., в крупных поселках указанного района советского периода располагались администрация, школы, медпункты. К настоящему времени все это закрыто. Наиболее отдаленные поселки оценивались нашими информаторами как не имеющие перспектив. Множество деревень уже исчезло. Некогда большие поселки сейчас являются деревушками. Маленькие поселки либо исчезли совсем, либо там проживают только представители старшего поколения. Согласно

тому же информатору, в период 1960—1970-х гг. в шорских деревнях проживали свои музыканты — гармонисты, балалаечники. Развивались частушки. Практиковались виды танцев, распространенные в Советском Союзе того времени. Играли на гармонии, гармонике, баяне. Сейчас все сменила современная музыка. Ее носители — диски, сотовые телефоны. Проводились концерты, массовые народные праздники. Основную социальную проблему сегодняшнего дня Мухутдинов В. Н., как и многие другие наши респонденты усматривает в распространении алкоголизма, потери интереса к жизни у представителей сельского населения. Последнее названо ими и как главный фактор культурного регресса. Вместе с тем, советский период, в плане развития традиционной культуры, оценивается ею неоднозначно. К примеру, игра на национальных шорских музыкальных инструментах в тот момент не приветствовалась. Районные власти не придавали этому значения. С точки зрения традиционного мышления интересным является тот факт, что гармонь шорцы называли «комус» (по наименованию национального инструмента).

В 1990-е гг. по инициативе представителей шорской общественно-политической элиты г. Междуреченска издавался бюллетень «Туган-Чер» («Родная Земля»). Издательствами гг. Кемерово, Междуреченска, Новокузнецка сегодня печатаются и издаются научные исследования по шорскому фольклору, а также его многочисленные образцы. Пример: различные героические сказания, сказки (такие, как «Анчи Абышка»). Инициатива принадлежит здесь не только общественно-политической элите шорцев. Роль играет и деятельность представителей национальной интеллигенции, проживающих в отдаленных поселках. При этом многими из наших информаторов отмечается стремительное исчезновение образцов фольклора из устной традиции, памяти людей. Проведенный нами опрос также показал крайне слабое владение местного населения знаниями этого плана. Можно отметить лишь частичную их сохранность. Так, до сих пор в обиходе сохраняются бытовые рассказы, отражающие веру в духов, души умерших людей, сверхъестественных хозяев природных объектов. Вместе с тем, сказанное в большей степени относится к представителям среднего и старшего поколений. Некоторые из наших информаторов, являющиеся сотрудниками местной школы, проводили в прошлом активную работу по сбору образцов шорского фольклора в среде его носителей. Материалы были зафиксированы ими, главным образом, на бумажные носители. Следующим этапом являлась их публикация сборников сказок, преданий, легенд. Эти издания содержат большой материал. Они используются сейчас в системе начального и среднего образования в

пос. Ортон. Это дает возможность представителям младшего поколения шорцев Междуреченского района знакомиться с родной культурой. Заново ее осваивать [6].

Таким образом, исходя из поставленных задач, нами были сделаны следующие выводы. В целом, шорское население Ортонского сельсовета слабо владеет традиционным фольклором. Однако местная интеллигенция проводит активную работу по его сохранению и восстановлению. Задолго до нашего визита ее представители записали необходимые образцы, общаясь с еще живыми носителями. Они же явились инициаторами публикации, издания указанных произведений [14]. В основном, это сказки и героические сказания. Личные фонды наших информаторов содержат записи шорских песен, частушек, загадок, пословиц, собранных в Междуреченском районе. Данные материалы используются в настоящее время для работы творческих коллективов и фольклорных ансамблей. Некоторые из местных жителей, в частности, Мухутдинова В. Н. и Торчакова А. Н., проводят, на уровне факультативов, занятия в школе с шорскими (и русскими) учащимися, знакомя их с образцами традиционных сказок, сказаний, легенд. Кроме того, наблюдается не только сохранение, но и дальнейшее развитие фольклора автохтонов. Результаты наблюдений также показали свободное владение родным языком представителями среднего и старшего поколений шорцев. Люди младших возрастов (1980-х—1990-х гг. рождения) либо полностью, либо частично им не владеют («понимаю, но общаться не могу»). Представители старшего поколения жителей пос. Ортон владеют информацией о времени появления поселка и значении его названия. Одежда и жилища бытуют современного типа. Материальная культура сохраняется, в основном, в области некоторых традиционных блюд. Нами также зафиксировано отсутствие источников постоянного заработка для населения поселка. На основании наблюдений и опроса информаторов можно констатировать ориентацию жителей всех обследованных населенных пунктов на хозяйственные занятия, как на основной источник жизнеобеспечения.

Список литературы:

1. Кацюба Д. В. Глубокое знание шорцами природы, бережное и умелое ее использование / Кацюба Д. В. //Шорский сборник. Вып. 1. Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. — Кемерово, 1994. — С. 195 — 200.
2. Кацюба Д. В., Николаев Р. В. Этнография народов Сибири: Учебное пособие / Кацюба Д. В., Николаев Р. В. — Новосибирск, 1994. — 202 с.

3. Кимеев В. М. Шорцы, кто они? Этнографические очерки / Кимеев В. М. — Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1989. — 189 с.
4. Кимеев В. М. Проблемы коренных народов Притомья / Кимеев В. М. // Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири: история и современность. — Кемерово, 1992. — С. 131—141.
5. Нации и этносы в современном мире. Словарь-справочник. — С.-П.: ООО «Издательство «Петрополис», 1999. — 132 с.
6. Новиков Д. В. Полевой дневник экспедиционных работ. — 2011.
7. Поддубиков В. В. Родовая структура и поземельные отношения автохтонного населения Горной Шории в начале XX в. / Поддубиков В. В. // Ученые записки факультета истории и международных отношений (Памяти Зинаиды Георгиевны Карпенко). — Кемерово, 2001. — С. 283—284.
8. Поддубиков В. В. Методология системного подхода в прикладных этносоциальных исследованиях / Поддубиков В. В. // Региональные проблемы устойчивого развития природоресурсных регионов и пути их решения. Труды IV Всероссийской научно-практической конференции. Т. 1. — Кемерово, 2003. — С. 303—314.
9. Попок В. Экология и иждивенчество / Попок В. // Кузбасс. — 2003. — 21 февраля.
10. Садовой А. Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX—нач. XX вв.) / Садовой А. Н. — Кемерово, 1992. — 198 с.
11. Садовой А. Н. Территории традиционного природопользования на юге Кузбасса / Садовой А. Н. // Шорский сборник. Этноэкология и туризм Горной Шории. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. — Вып. 2. — С. 199—228.
12. Садовой А. Н., Пруель Н. А. Этносоциальный мониторинг: принципы, методы, практика / Садовой А. Н., Пруель Н. А. — Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1996. — 163 с.
13. Чудояков А. И. Этюды шорского эпоса. — Кемерово: АО Кемеровское книжное издательство, 1995. — 222 с.
14. Шорские героические сказания. Кан Перген. Алтын Сырык // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. — Т. 17. — Новосибирск: Наука, 1998. — 462 с.

4.4. ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ПЕРВЫЕ РЕАКТОРА АЛКИЛИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И АМЕРИКАНСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

Магомадова Мадина Хусейновна

*ст. преп, Грозненский Государственный Нефтяной Технический
Университет, г. Грозный
E-mail: Emina8383@mail.ru*

Ахмадова Хава Хамидовна

*профессор, Грозненский Государственный Нефтяной Технический
Университет, г. Грозный
E-mail: hava9550@mail.ru*

Сыркин Алик Михайлович

*профессор, Уфимский Государственный Нефтяной Технический
Университет, г. Уфа
E-mail: syrkinam@mail.ru*

Процесс алкилирования является одним из основных процессов, направленных на получение алкилбензинов. Значение этого процесса в нефтепереработке и нефтехимии весьма значительно. В связи с этим изучение истории становления и развития этого процесса является актуальным.

Строительство первых промышленных установок серноокислотного алкилирования началось в СССР в 1942 г. Первая установка для осуществления процесса серноокислотного алкилирования изобутана бутиленами в Советском Союзе была построена в г. Грозном по научно-исследовательским данным ГрозНИИ. Проект этой установки был выполнен Гипрогрознефтью [1].

Эта установка была оборудована реактором упрощенной конструкции, не имевшим механического перемешивания углеводородов с катализатором и с так называемой «открытой» системой охлаждения, которое достигалось за счет тепла испарения

части углеводов, непрерывно отсасываемых из реактора специальным компрессором [2].

Анализ работы первой советской установки алкилирования в период 1943—1946 г. показал, что установка № 25 работала в этот период неудовлетворительно, и одна из основных причин этого являлась несовершенная конструкция реактора.

Основным недостатком конструкции реактора сернокислотного алкилирования являлась весьма примитивная для процесса алкилирования система охлаждения, которая вызывала повышение температуры процесса до 30⁰С, что являлось недопустимо высоким [3].

В американской практике на начальном этапе внедрения процесса алкилирования нашли наибольшее распространение два типа реактора — с закрытой и открытой системой охлаждения продуктов реакции [3, 5].

Особенностью первого типа реактора являлось создание холода в реакционной зоне путем испарения аммиака (или пропана) в закрытой системе и создание эмульсии углеводород — кислота с помощью специальных смесительных устройств, расположенных внутри аппарата. К этому типу относится вертикальный контактор «Стредфорда».

Особенностями второго типа реактора являлось создание низкой температуры в реакционной зоне путем испарения части находящихся в ней легких углеводов и создание эмульсии углеводород — кислота за счет внешней циркуляции некоторого количества продукта с последующим пропуском его через систему смесителей и сопел.

С целью улучшения работы грозненских установок сернокислотного алкилирования в ГрозНИИ в 1946 году был проведен сравнительный анализ работы реакторов процесса алкилирования отечественного и американского производства [3, 5].

Эффективность работы реакторов оценивалась по трем показателям: создание низкой температуры в реакционной зоне, полнота превращения бутиленов, конструктивные особенности и гибкость работы реактора.

Наблюдения за реакционной зоной с открытым испарением, проведенные в ГрозНИИ в течение нескольких лет показали, что этот способ дает удовлетворительные результаты с точки зрения обеспечения требуемой температуры в реакционной зоне при соблюдении следующих условий. Во-первых, поступающее сырье не должно быть излишне тяжелым. В случае попадания большого количества углеводов C₅ и C₆ испарение затруднено.

Во-вторых, должно быть обеспечено равномерное возвращение в реакционную зону испаренных углеводородов, являющихся наиболее легкими. Поэтому в случае их несвоевременного возвращения, условия испарения ухудшаются.

В-третьих, должны быть приняты меры против уменьшения крепости кислоты в реакционной зоне ниже заданной величины 88—89 %.

Закрытая система охлаждения, применяемая на американских заводах, не требовала каких — либо специальных условий. Система охлаждения в реакторе типа «Стредфорда» являлась независимой от других регулируемых параметров, что делало его работу значительно более гибкой по сравнению с работой отечественных реакторов, имеющих открытую систему охлаждения. Эта гибкость выражалась в возможном изменении в широких пределах фракционного состава сырья для алкилирования — от C_3 до бензиновых фракций, с концом кипения в 140—170 °С.

Одним из важнейших факторов, определяющих качество алкилбензина, является полнота превращения углеводородов в реакционной зоне. В случае полного окончания реакции, количество бутиленов в потоке, выходящем из реактора должно приближаться к нулю, а отношение изобутан: бутилен — к бесконечности.

В американской практике количество бутиленов оставшихся в продукте после прохождения им реакционной зоны приближалось к нулю. Отечественный опыт работы реакторов с открытой системой испарения показывает, что содержание бутиленов в продуктах на выходе из реакторов, как правило, колеблется в пределах от 1 до 6 %, а иногда достигает даже 12 %.

Американские реактора алкилирования типа «Стредфорда», в которых регулирование температуры и образование эмульсии производится независимо друг от друга, а перемешивание достигается с помощью вентиляторов, не обладают указанными недостатками.

Реакторы с открытой системой охлаждения являются весьма простыми аппаратами. Они представляет собой горизонтально расположенную цилиндрическую емкость, разделенную перегородками на несколько секций (чаще всего две, иногда три). Первая секция является собственно реактором, остальные выполняют функции кислотных отстойников. Перегородки по ходу продукта имеют убывающую высоту, что обеспечивает, перетек жидкости из одной секции в другую.

Реакторы типа «Стредфорда» значительно более сложны в конструкционном оформлении, что создавало ряд эксплуатационных трудностей. Однако, несмотря на конструкционные сложности,

для вновь строящихся промышленных установок сернокислотного алкилирования было рекомендовано изготовление именно реакционных устройств с закрытой системой охлаждения.

В 1953 г. в Грозном на другом — Новогрозненском заводе (НГНПЗ) была введена в эксплуатацию вторая — № 25—1 и в конце апреля 1954 г. вошла в строй третья алкилирующая установка № 25—2 [1, 4].

Вторая и третья установки были оборудованы реакторами с механическим перемешиванием углеводородов с катализатором и с «закрытой» системой охлаждения, которое достигалось в результате испарения жидкого аммиака в пучке труб, опущенном в реактор.

Список литературы:

1. Башилов А. А., Дорогочинский А. З., Лютер А. В., Гольдштейн Ю. А. Некоторые итоги промышленного осуществления в г. Грозном процесса сернокислотного алкилирования изобутана бутиленами // Оказание технической помощи в пуске и освоении новых газоперерабатывающих установок на Новогрозненском НПЗ: Аннотация, доклад и заключение / ГрозНИИ. — 1954. — С. 7—19.
2. Дорогочинский А. З., Лютер А. В. К вопросу о технологической схеме и конструкции реактора установок сернокислотного алкилирования // Улучшение работы Грозненских установок производящих высокооктановые добавки к авиабензинам: научно-техн. отчет ГрозНИИ. — 1946. — 29 с.
3. Дорогочинский А. З., Лютер А. В. Анализ работы аппаратов установки № 25 в условиях повышенной производительности последней по сырью // Исследование путей более широкого внедрения в промышленность процесса алкилирования изобутана алкенами: научно-техн. отчет / ГрозНИИ. — 1949. — С. 40—101.
4. Дорогочинский А. З., Лютер А. В., Исследование путей более широкого внедрения в промышленность процесса алкилирования изобутана алкенами. Научно-технический отчет ГрозНИИ. 1949 г.
5. Научно технический отчет ГрозНИИ по теме № 17 за 1946 г. Раздел «К вопросу о технологической схеме и конструкции реактора установок сернокислотного алкилирования».

ОСНОВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, СОВЕЩАНИЯ И КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗВИТИЮ ПРОЦЕССА КРЕКИНГА В СССР В 1928—1932 ГГ.

Ахмадова Хава Хамидовна

*профессор, Грозненский Государственный Нефтяной Технический
Университет, г. Грозный
E-mail: hava9550@mail.ru*

Сыркин Алик Михайлович

*профессор, Уфимский Государственный Нефтяной Технический
Университет, г. Уфа
E-mail: syrkinam@mail.ru*

Идрисова Элиза Усамовна

*ассистент, Грозненский Государственный Нефтяной Технический
Университет, г. Грозный
E-mail: idrisova999@mail.ru*

Пятилетняя программа развития нефтяной промышленности в области переработки нефти на 1928—1932 гг. ставила задачу дальнейшей рационализации использования нефтей Союза [4].

Это достигалось в основном путем увеличения выхода из нефти более ценных продуктов, в частности бензина и масел, и путем выработки ассортимента новых продуктов из нефтей Союза.

Для решения этих двух главнейших задач по пятилетней программе развития нефтеперерабатывающей промышленности было принято внедрение в нефтепереработку процесса крекинга и трубчаток, проведение по процессу крекинга следующих научно-исследовательских работ: по крекингу сураханского мазута; изучению жидкофазного, парофазного крекинга; исследованию закономерностей крекинга и свойств получаемых продуктов; изучению крекинга в паровой фазе в целях получения спиртов, хлоропроизводных и других химических продуктов.

24 октября 1928 г. в Лондоне состоялась Международная энергетическая конференция, на которой одним из широко обсуждаемых вопросов был вопрос по развитию крекинга [6]. Было показано, что производство крекингового бензина увеличилось в США с 1916 г. на 1354 %, а выработка бензина из газа на 1473 %.

Рассматриваемые в работе конференции вопросы по крекингу были хорошей школой для специалистов из СССР. Особенный интерес представляли материалы об успехах крекинга нефтяного сырья, в частности о возможности регулирования крекинг-процесса в желаемом направлении с целью получения определенных продуктов, об увеличении применения крекинга для переработки различных видов сырья, включая тяжелые нефтяные остатки, приводились данные о новейшей конструкции аппаратуры для крекинга и была дана характеристика различных методов крекинга — в паровой и жидкой фазе, и смешанного типа.

В декабре 1928 г. в Москве состоялась конференция научно-исследовательских учреждений по нефтяному делу при НТУ ВСНХ СССР [1].

Выполнение основных исследовательских работ по процессу крекинга было поручено этой конференцией научно-исследовательским институтам АИНИ, ГИНИ, НИИГ, ХИАИ и ДПИ [4].

Президиумом НТС нефтяной промышленности, рассматривающим пятилетний план в окончательном виде, были внесены дополнения по включению в пятилетний план научно-исследовательских работ ГИНИ, АИНИ и НИИГ работ по изучению антидетонационных свойств бензинов [1].

Большинство заседаний НТС нефтяной промышленности было посвящено вопросам выбора направления бензинового производства в Союзе и вопросам выбора системы крекинга для нефтетрестов, в частности рассмотрены доклады проф. Стрижова И. Н. «Крекинг мазута на заводе Вестерн», «Крекинг Дженкинса», «Крекинг по системе Холмс Манли», «Крекинг Даббса и Кросса», доклады проф. Саханова А. Н. — «Исследования в области крекинга», «Возможность переработки сураханской нефти»; «Общие задачи переработки грозненских нефтей» и др.

Основным документом, определяющим пути развития нефтяной промышленности СССР в 1930-е годы было Постановление ЦК ВКП (б) от 15 ноября 1930 г. по докладу Союзнефти «О положении нефтяной промышленности». Оно знаменовало собой новый этап в ускорении темпов развития нефтяной промышленности страны, и, особенно, грозненской нефтепромышленности [3].

Крупнейшее значение и ответственность задач, возлагаемых этим постановлением на Грозненскую нефтяную промышленность, определялась местом, занимаемым Грознефтью в нефтяной промышленности страны.

По контрольным цифрам Союзнефти на 1931 г., на долю Грознефти приходилось: в добыче нефти и газа 36,1 %, производстве бензина — 67,1 %, керосина — 35,2 %, парафина — 100 %.

Постановление ЦК ставило перед Грознефтью двойную ответственную задачу: с одной стороны, обеспечить переработкой растущую добычу (достигающую в 1933 г. 13,5—14 млн. тонн) и, с другой стороны — решительно повысить качество переработки, путем отбора всех ценных продуктов, содержащихся в грозненских нефтях.

Первую часть задачи намечалось разрешить реконструкцией старых кубовых батарей, загрузкой до предельной мощности всех существующих установок треста и постройкой 4-х новых трубчаток, из которых 3 с глубоким отбором. Все 4 трубчатки было запроектировано ввести в эксплуатацию в 1931 г. Эти мероприятия обеспечивали переработку до 11,0 млн. т. нефти в год.

Вторую часть задачи намечалось решить постройкой в течение 1931—1932 гг. в Ермоловской (Андреевской) долине 37-ми крекингов, работающих на мазуте (17 ед.) и на соляровых фракциях (20 ед.). При крекингах было запроектировано соответственное количество отделений для очистки бензина и вторичной перегонки крекинг-бензинов.

Для обсуждения ответственных и сложных задач, стоящих перед нефтеперерабатывающей промышленностью Союза по развитию крекинг-процесса в апреле 1931 года была организована первая всесоюзная конференция по вопросам крекинга и гидрогенизации, которая прошла в Грозном с 20 по 29 апреля [2,5].

На конференции отмечалась исключительная важность развития процесса крекинга в деле индустриализации Советского Союза, и подчеркивалось, что предстоящее строительство крекингов в Союзе должно развиваться по линии создания советских систем крекинга, которые превосходили бы иностранные образцы. По итогам конференции проектировщики, строители, заводчики должны были получить ясный ответ, где строить, что строить, и как лучше эксплуатировать крекинг-заводы.

В докладе проф. Саханова А. Н. «Перспективы крекинга и гидрогенизации» подчеркивалась правильность установки пятилетнего плана нефтяной промышленности на максимальное развитие крекинга, и основная ориентация на жидкофазный крекинг, не исключая при этом, возможности ограниченного развития парофазного крекинга. Также в докладе были рассмотрены вопросы очистки крекинг-бензина флоридином и целый ряд других актуальнейших проблем крекинга.

На конференции рассматривались вопросы по технологии и экономики крекинга, по итогам эксплуатации импортных установок

крекинга, по проектированию и строительству, по продуктам крекинга, по химизму крекинга и химической переработки продуктов крекинга.

Центральное место на конференции занимали вопросы, посвященные технологии крекинга по разработкам и исследованиям грозненских ученых.

Тиличев М. Д. изложил известные из его совместного с проф. Сахановым А. Н. труда «Крекинг в жидкой фазе» данные о выходах бензина при однократном крекировании не выше 20—25 %, при двукратном крекировании не выше 30—40 % для мазутов, 40—50 % для тяжелых газойлей и 50—60 % для легких газойлей без заметного коксообразования. Было показано, что дальнейшее увеличение выхода бензина возможно лишь путем перегонки остатка до кокса и крекированием полученного дистиллята.

Другие работы грозненцев, доложенные на этом заседании касались исследования глубоких форм крекинга грозненского парафинистого и сураханского мазутов, получения дизельного топлива и крекинга этиленовых и парафиновых углеводородов.

Грозненские инженеры и руководители установок приводили много данных о выходах крекинг-дистиллята с установок Вилкерса, Дженкинса, Винклер-Коха, о режимах работы этих установок, о бывших неполадках и как они были устранены в каждом случае.

Были приведены данные о себестоимости продуктов крекинга с разных установок крекинга. Себестоимость сырья на всех установках крекинга принималась одинаковая — 2 руб. 27 коп. за 1 тонну. При этом получаемый пресс — дистиллят с установок имел следующую себестоимость:

- Винклер-Коха с пропускной способностью 380 тонн в сутки — 8 руб. 85 коп.
- Вилкерса — 21 руб. 88 коп.
- Дженкинса — 22 руб. 57 коп.

Пропускная способность Вилкерса в Грозном составляла 80 т мазута, Дженкинса 135 т. Готовый бензин со всех установок стоил 22 руб. 95 коп. Было отмечено, что Вилкерс и Дженкинс дают бензин лучшего качества, чем Винклер-Кох.

На конференции подробно обсуждались вопросы получения качественных продуктов крекинга, методов их очистки. Были рассмотрены вопросы действия серной кислоты на фракции крекинг-бензина, разьедания металлов крекинг-бензином, действия крекинг-бензинов и их смесей с бензином прямой гонки на работу мотора, предложена методика определения антидетонационной способности бензинов.

На конференции подробно обсуждались итоги эксплуатации заводов Виккерса в Баку и пуска в эксплуатацию завода Винклер-Кох в Батуми, вопросы получения качественных продуктов крекинга, методов их очистки. Были рассмотрены вопросы действия серной кислоты на фракции крекинг-бензина, разьедания металлов крекинг-бензином, действия крекинг — бензинов и их смесей с бензином прямой гонки на работу мотора, предложена методика определения антидетонационной способности бензинов. Бакинцами было предложено комбинировать крекинг-установки с установками прямой гонки и также развивать парофазный крекинг.

Недостаточно с экономической стороны был освещен на конференции вопрос о районировании крекинг-заводов и о месте их постройки: на местах ли добычи нефти или ближе к центрам потребления.

Эта первая всесоюзная конференция по крекингу имела важное значение для активации крекингowego строительства в СССР.

Список литературы:

1. Анохин Н. С. Из деятельности НТСа нефтяной промышленности в 1927—28 оп. году // Нефтяное Хозяйство. —1928. —№ 11—12.— С. 769.
2. Конференция по крекингу и гидрогенизации // Азербайджанское нефтяное хозяйство. —1931. —№ 5 (113).—С. 97—100.
3. Постановление ЦК ВКП (б) от 15 ноября 1930 г. и задачи Грознефти // Грозненский нефтяник.—1939. —№ 2—3.
4. Смирнов Н. Н., проф. (НТС нефтяной промышленности). План научно-исследовательских работ по нефтяной промышленности на пятилетие 1928/29—1932/33 гг. //Нефтяное хозяйство.—1929 г.— № 8— Приложение.— С. 308—320.
5. Труды по крекингу и гидрогенизации, апрель 1931 г.— Грозный.: Гос. научно-техническое издательство, 1931.— С. 420.
6. Хроника // Нефтяное хозяйство.— 1928. — № 11—12. — С. 748.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
НЕФТЯНОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ
ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ОБОРУДОВАНИЯ
ДЛЯ КРЕКИНГ-УСТАНОВОК**

Ахмадова Хава Хамидовна

*профессор, Грозненский Государственный Нефтяной Технический
Университет, г. Грозный
E-mail: hava9550@mail.ru*

Сыркин Алик Михайлович

*профессор, Уфимский Государственный Нефтяной Технический
Университет, г. Уфа
E-mail: syrkinam@mail.ru*

Абдулмежидова Зулай Абдуловна

*доцент, Грозненский Государственный Нефтяной Технический
Университет, г. Грозный
E-mail: Zuly@mail.ru*

Для успешного строительства в СССР запланированных в первую пятилетку крекингов необходимо было, в первую очередь, наладить производство отечественного крекингового оборудования, поставки которого в это время, в основном, осуществлялись из-за рубежа.

В январе 1930 г. передовая статья издания «Нефтяной бюллетень» открылась фразой: «Жалобы нефтяных трестов на дефекты технического снабжения превратились в сплошной вопль» [3]. Начальник Грознефти Ганшин С. М. заявлял: «Ни один из отечественных заводов, изготовляющих нефтяное оборудование, не выполняет заказы в срок; о техническом снабжении необходимо не говорить, а кричать» [6]. Особенно с большим опозданием выполнялись поставки оборудования для крекинговых установок.

В начале 1931 г. положение со снабжением заводов материалами и оборудованием для строящихся нефтеперегонных установок и установок крекинга оставалось по-прежнему сложным [4, 9].

Для производства достаточного количества оборудования и нормализации снабжения строящихся установок необходимыми материалами и аппаратурой в 1931 г. впервые в истории советской промышленности советские машиностроительные заводы приступили

к массовому производству аппаратуры для крекинг-заводов и трубчаток нефтеперегонных установок [5]. Оборудование для советских НПЗ, в том числе и для крекингов, в 1928—1930 гг. поставляли американские компании «Foster — Wheeler Corporation» из Нью-Йорка и бостонская фирма «Badger and Sons», английская «Vickers», немецкие «Borman», «Dobbs», «Heckmann» [16]. Поставленные в Баку и Грозный крекинг-установки Викакерса были закуплены в Англии у фирмы «Vickers» в 1926—1929 гг. [1]. С американской компанией «Winkler — Koch Corp. Of Wichita» было также заключено соглашение о технической помощи при строительстве крекинг-установок [15].

В 1928—1929 гг. крекинг-установки системы Винклер-Кох для Батумского НПЗ были поставлены американской компанией Graver, представившей долгосрочный кредит. Эта же компания поставила крекинг-установки и для заводов в Туапсе в 1930 г. и Ярославле в 1932 г. [16].

В Батуме зарубежные фирмы строили перегонные трубчатые установки, крекинг-установки, вакуумные установки для получения высокосортных смазочных масел [3, 7].

Не все купленное за рубежом оборудование использовалось эффективно и по назначению. В справке Наркомата РКИ СССР и СНК СССР об использовании импортного оборудования промышленностью ВСНХ от 1 сентября 1931 г. отмечалось, что «...только по 183 предприятиям имеется на 9900 тыс. руб. оборудования, неиспользованного свыше года, по 184 предприятиям совершенно не нужного им оборудования на 4200 тыс. руб.» [4].

Такое безответственное отношение к дорогому импортному оборудованию наблюдалось и позднее, во второй и третьей пятилетках [16].

Так, в январе 1929 г. наркому топливной промышленности после проверки, проведенной в объединение «Грознефтедобыча» докладывалось, что «три месяца лежат на площади в упаковке компрессоры, полученные из США» [10].

В годы первой пятилетки значительная часть оборудования покупалась за границей в кредит. Советский импорт был значительно большим, чем экспорт, пассивное сальдо торгового баланса за этот период составило 1,7 млрд. руб. [3].

Организация отечественного нефтяного машиностроения имела исключительно крупное значение для советской нефтяной промышленности в связи с предстоящей в течение пятилетки коренной

реконструкции и широкого развития нефтеперегонного дела на базе крекинг-установок и трубчатых печей.

Наряду с поставками из-за границы, нефтеперерабатывающее оборудование, начиная с 1929 г., также начали изготавливать на отечественных заводах, главным образом, в Грозном, на механическом заводе «Грознефти», «Красном Молоте», а также на предприятиях Горно-Металлургического Треста [8].

Заказы на аппаратуру для крекинг-установок, кроме некоторых деталей, изготавливаемых за границей, размещались на следующих заводах: ВОМТ — завод бывший «Пароремонт» в г. Подольске, Котлотурбина — завод в Таганроге, завод им. Монтина в Баку, завод «Красный Молот» в Грозном, завод «ЮРМЕЗ» в Туапсе, завод им. «Октябрьской Революции» [5].

Завод «Пароремонт» в г. Подольске в 1930 г. был переориентирован на выпуск крекингов, трубчаток и прочих установок для переработки нефти. Завод этот стал называться крекингово-электровозостроительным. Оборудование для завода было заказано за границей: оно стало поступать, начиная со второго квартала 1931 г. До 1 октября 1932 г. завод изготовил оборудование для 12 крекинг-установок [3].

В 1931 г. Союзнефтью были размещены заказы на аппаратуру для 20-ти крекинг-заводов, типа «Винклер-Кох», мощностью по 3500 баррелей в сутки. Эта аппаратура предназначалась для заводов в Хабаровске (2 крекинга), Армавире (3), Саратове (8), Коканде (1), Баку (2), Грозном (2) [5].

В начале февраля 1931 г. правление Союзнефти подписало договор с ВОМТ об указанных заказах. Чертежи на аппаратуру, вплоть до рабочих чертежей, были уже изготовлены Нефтестроем и переданы соответствующим заводам. Таким образом, в 1931 г. проблема сооружения аппаратуры для крекинг-установок на советских заводах имела уже вполне реальный и широко развернутый план осуществления, согласованный Союзнефтью с машиностроительными заводами, принявшими заказы на изготовление оборудования.

В дополнение к заказу аппаратуры крекинг-заводов Союзнефтью был размещен заказ для 9-ти трубчаток для вторичной перегонки крекинг-бензина для заводов в Грозном — 1, Армавире — 1, Саратове — 2, Баку — 3 и Батуме — 2. Была заказана также аппаратура для 7-ми установок для непрерывной очистки крекинг-бензинов: Грозный — 1, Армавир — 1, Саратов — 2, Баку — 3.

В 1932 г. в СССР были выпущены два комплекта крекингового оборудования, четыре установки непрерывной очистки и две трубчатки вторичной перегонки.

Почти все оборудование и аппараты, входящие в состав крекинговой установки были освоены заводом «Красный Молот» в Грозном [3].

Но выполнение заказов машиностроительными заводами, особенно, для строительства крекинг-установок, шло медленно, что было подчеркнуто в выступлении председателя правления Союзнефти т. Ганшина на Всесоюзной конференции нефтяников в Баку в 1931 г. [2]: «...один из первых по важности, это вопрос отечественного машиностроения. Надо построить 46 крекингов и трубчаток, но в продолжение почти четырех месяцев нового года мы еще ни одной установки не получили, и есть серьезнейшее опасение, что из 46 в течение этого года может быть получено не более 10-ти, полностью скомпонованных...».

Несмотря на создание своего отечественного машиностроения, оборудование для нефтяной промышленности, продолжали заказывать за рубежом и в годы второй пятилетки. От этих поставок по-прежнему зависел пуск важнейших нефтеперерабатывающих объектов в СССР.

В начале 1934 г. поступила заявка от треста «Нефтезаводы» на приобретение за рубежом 189 единиц оборудования на сумму 581 тыс. рублей. Это оборудование требовалось для Саратовского, Хабаровского и Орского крекингостроя, заводов им. Шаумяна, им. 26 Бакинских комиссаров [11].

Позже, в марте 1934 г. начальник «Главнефти» Баринов просил у заместителя наркома тяжелой промышленности Кагановича выделить валюту на сумму в 70 тыс. рублей для приобретения импортного оборудования для Хабаровского Крекингостроя № 3. Просьба мотивировалась тем, что «необходимое оборудование в СССР не изготавливается» [12]. Часть оборудования для Хабаровского крекинга была заказана в Швеции [13].

По вопросу поставок труб для второй очереди крекингов в Грозном и Саратове нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе 2 июня 1934 г. пишет И. В. Сталину: «Наркомвнешторг срывает пуск крекингов и сам же жалуется на нас. Я очень прошу, заставить тов. Розенгольца выполнить заказ по трубам, которые до сих пор не заказаны для крекингов второй очереди в Саратове и Грозном и недоданы для первой очереди Саратова...» [14].

Советское руководство в целом эффективно использовало для развития крекингостроения те возможности, которые предоставляла

международная торговля и международное сотрудничество. Нефтеперерабатывающая отрасль получала и быстро осваивала передовые импортные технологии, особенно по крекингам, хотя здесь и сохранялось значительное отставание от США. Особенно велико значение импортного оборудования для нефтяной промышленности было в период первой пятилетки, но и позже многие критически важные задачи решались благодаря импортным поставкам и международному сотрудничеству [3].

Список литературы:

1. Амиров А. Д. Прогресс индустрии Баку. —1970.— С. 26.
2. Доклад председателя правления Союзнефти т. Ганшина на всесоюзной конференции нефтяников в Баку. Положение и перспективы нефтепромышленности СССР // Грозненский нефтяник. —1931.— № 6—7. — С. 11—21.
3. Иголкин А. А. Нефтяная политика СССР в 1928—1940-м годах. — М.: Изд. Центр ин-та рос. истории, 2005. — 263 с.
4. Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. / Отв. ред. Хромов С. С. М.: Ин-т российской истории РАН, 1999. Ч. 2.— С. 238.
5. На путях реконструкции нефтепереработки // Азербайджанское Нефтяное Хозяйство.— 1931.— № 2—3 (110—111).—С. 171—172.
6. Наши задачи на 3-й год пятилетки //Нефть.—1930.— № 11.—С. 1.
7. Нефть. — 1930. — № 3.— С. 12—14.
8. Новое строительство в Грозном //Нефть.— 1930.— № 2.— С. 11
9. РГАЭ. — Ф. 4372.— Оп. 29.—Д. 278. —Л. 73 об.
10. РГАЭ. — Ф. 7297.— Оп. 28.— Д. 37.— Л. 83.
11. РГАЭ. — Ф. 7968.— Оп. 1.—Д. 107.— Л. 16.
12. РГАЭ.— Ф. 7968.— Оп. 1.— Д. 107.— Л. 1.
13. РГАЭ. — Ф. 7968.— Оп. 1.— Д. 107.—Л. 2.
14. РГАСПИ.—Ф. 85.— Оп. 2.—Д. 29.—Л. 1—5.
15. Economic Handbook of the Soviet Union.N.Y. — 1931.— P. 101.
16. Sutton A. C. Western Technology and Soviet Economic Development 1917 to 1930.—Hoover Intuition Press: Stanford,CA.1968.— P. 39.

4.5. КНИГОВЕДЕНИЕ И БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ

МАССОВЫЕ БИБЛИОТЕКИ УРАЛА В 1990-Е ГОДЫ

Константинова Альфия Гумаровна

аспирант Института истории и археологии УрО РАН,

г. Екатеринбург

E-mail: alfijasharafullina@rambler.ru

Кризисные явления, затронувшие российскую экономику и общественную жизнь в 1990-е гг., не могли не сказаться на сфере культуры. В течение этого периода объём государственных инвестиций в отрасль составлял в среднем не более десяти процентов заявленных потребностей, в результате чего традиция функционирования на бюджетные средства подверглась серьёзному испытанию. Существенно сократилась сеть культурно-досуговых учреждений. Так за 1990—1998 гг. число библиотек уменьшилось на 18 %, а их читательская аудитория — на 20 %; количество клубных учреждений снизилось на 23 % [3, с. 4].

Подробнее остановимся на одном из традиционных элементов культуры — библиотеках. Экономические и социальные изменения 1990-х гг. отразились и на их деятельности. В наиболее тяжёлом положении оказались ведомственные библиотеки: вследствие экономического кризиса базовые предприятия и учреждения вынуждены были избавляться от них как от балласта. За период с 1990 по 1998 гг. численность массовых библиотек в одной только Свердловской области сократилась на 25 % (с 1521 до 1139 единиц), в том числе в городах этот показатель был равен почти 37 % (число городских массовых библиотек уменьшилось с 818 до 516) [4, с. 94].

Передача части ведомственных библиотек в муниципальную собственность спасла их от закрытия, но мало чем улучшила материальное состояние. В первую очередь это касалось такой базовой составляющей библиотечного дела, как сохранение и обновление фондов. Снижение обеспеченности книжными фондами на Урале шло интенсивнее, чем в целом по стране. С середины 1980-х до конца 1990-х гг. в среднем по России данный показатель уменьшился в 1,1 раза, а по Уралу — в 1,2 раза, самое же значительное сокращение наблюдалось в индустриальных областях региона, например,

в Свердловской области книжно-журнальный фонд сократился с 33,883 млн. экземпляров в 1985 г. до 23,540 млн. в 1998 г., то есть в 1,4 раза [4, с. 94].

Тревоги вызывала не только обеспеченность библиотек книжно-журнальным фондом в связи с дефицитом бюджетных средств на его восстановление и пополнение, в том числе вследствие роста цен на книжную продукцию и периодические издания. В обновлении нуждались и материальная база, и функциональная организация библиотечного обслуживания. Нередко библиотечные здания находились в аварийном состоянии или требовали капитального ремонта, например, в Свердловской области эта цифра достигала 20 %. Некоторые библиотеки, прежде всего в сельской местности, не имели читальных залов, поэтому, например, в Пермской области в конце 1990-х гг. в среднем на библиотеку приходилось лишь 8 читальных мест [1, с. 98].

Согласно ставшей уже классической точке зрения, роль библиотеки в обществе наиболее ярко проявляется в процессе работы с читателями, в использовании книжных фондов различными группами населения [5, с. 46]. Однако уже в 1980-е гг. типовая библиотека начала терять читателей. Советские социологи фиксировали усиление тенденции к пассивным занятиям населения в свободное время. Такое положение объяснялось устареванием традиционного понимания отдыха, неприятием людьми некоторых форм проведения культурно-просветительной работы. Фиксировалось уменьшение посещений учреждений культуры (клубов, библиотек, музеев), а 70 % всех случаев давало кино [2, с. 79].

В начале 1990-х гг. библиотечным обслуживанием госсети была охвачена только треть населения Урала. Спросом у читателей пользовались художественные произведения. Однако наблюдалось некоторое снижение доли выдачи этого вида литературы, что было вызвано скоплением непопулярных художественных произведений в фондах библиотек. Недостаточно эффективно использовался также фонд общественно-политической литературы. Следовательно, большие тиражи такого рода произведений неоправданно занимали значительное место в книжном фонде. Однако с середины 90-х годов отток читателей из библиотек приостановился. В первую очередь это было связано с высокими ценами на книжную и газетно-журнальную продукцию при резком ограничении семейных расходов на культурные нужды.

Библиотеки оказались плохо адаптированы к условиям рыночной экономики, позже других звеньев системы культурного обслуживания стали вводить платные услуги. С одной стороны, это притягивало в

библиотеки широкие слои населения, а с другой — делало неустойчивым их экономическое положение и неясной перспективу развития материальной базы. На практике внедрение платных информационных услуг шло недостаточно интенсивно: доходы от них в лучшем случае покрывали 1—3 % библиотечных расходов (Свердловская область, 1997 г.). Главная причина – отсутствие стартовых средств для обновления материальной базы и освоения современных информационных технологий. Тем не менее, в ряде регионов этот процесс шёл довольно успешно. Так, например, в Пермской области в 1998 г. на базе массовых библиотек было оборудовано 142 видеотеки (13 % от численности сети), установлено 98 копируемых устройств (9 %) и 29 персональных компьютеров (3 %) [3, с. 24].

Наиболее перспективным направлением модернизации массовых библиотек являлось расширение их коммуникационных и культурных функций, что было особенно важным для сёл, посёлков и малых городов, где ощущался явный дефицит учреждений культуры и досуга. Об этом свидетельствовала уже накопленная, например, в Свердловской области практика создания на базе библиотек специализированных и многопрофильных культурно-досуговых центров по месту жительства, соединяющих просветительную и образовательную роль книги с организацией детского творчества и взрослого любительства, межличностного общения и семейного досуга.

Свердловская область одной из первых в РФ начала управленческую и функциональную реорганизацию библиотечного дела. В 1993—1995 гг. в крупных центрах были созданы муниципальные информационные библиотечные системы (МИБС), что позволило не только объединить вокруг базовых учреждений все библиотеки муниципальных образований, но и выявить возможности их функциональной специализации в рамках единой системы. Дальнейшая модернизация была связана с усилением социальных функций, созданием информационных центров поддержки непрерывного образования, социального консультирования. Помимо объединения книжных фондов, стали возникать библиотечные учреждения нового типа, с широким набором социально-культурных и информационных функций.

Примером такой инновации может служить открытая в Екатеринбурге в 1997 г. библиотека Главы города. По существу это был созданный на базе одной из библиотек общегородской культурно-информационный центр. Наряду с традиционными формами библиотечного обслуживания (в распоряжении 37 тыс. читателей был

книжный фонд в 65 тыс. томов) он выполнял функции делового информационного центра (основной в регионе держатель законодательной базы), центра социального информирования и общественных связей (прямые контакты с действующей властью, различными общественно-политическими движениями, творческими союзами, национально-культурными обществами и т. д.), социальной справочно-консультационной службы и исследовательского центра. Благодаря этим нововведениям библиотека и её филиалы более плавно вписывались в рыночные условия, начиная самостоятельно зарабатывать средства на пополнение своих книжных фондов и модернизацию оборудования. Ежегодно абонемент, читальные залы, другие службы библиотеки Главы города принимали до 300 тысяч посетителей. Опыт перестройки деятельности муниципального объединения библиотек Екатеринбурга был признан перспективным вариантом развития библиотечных систем крупных городов, а само объединение стало лауреатом конкурса «Окно в Россию»— 1999 [1, с. 101].

Таким образом, в рассматриваемый период происходила постепенная трансформация библиотечной системы Урала, связанная с экономическими и социальными изменениями, происходившими в стране в 1990-е гг. Несмотря на ряд трудностей была заложена основа, послужившая дальнейшему развитию массовых библиотек.

Список литературы:

1. Кириллов А. Д., Кириллова Н. Б. Культура и искусство Урала в 90-е гг. // Урал социокультурный. Наука. Образование. Искусство. СМИ. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 2000. — С. 85—122.
2. Орлов Г. П. Свободное время: Условия развития человека и мера общественного богатства. — Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. — 173 с.
3. Региональная сфера культурно-образовательных услуг: особенности диверсификационных процессов / Отв. ред. Павлов Б. С.; Ин-т экономики УрО РАН, Ч. 2. Культура / Волков В. И., Юрганова Л. А. — Препр. — Екатеринбург: Б.и., 1999. — 42 с.
4. Свердловская область в 1994—1998 гг. Госкомстат РФ. Свердловский областной комитет государственной статистики. Екатеринбург: Свердловский областной комитет государственной статистики, 1999. — 130 с.
5. Чубарьян О. С. Общее библиотековедение. Учебник для библиотеч. фак. ин-тов культуры. — М.: Книга, 1976. — 272 с.

4.6. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ, ИХ МЕСТО И РОЛЬ В КУЛЬТУРЕ

Федотова Наталья Андреевна

аспирант КГУ, г. Курск

E-mail: fedotovalg@mail.ru

Цель данной статьи состоит в том, чтобы осмыслить, как в конце XIX—X вв. исследователи отвечали на вопрос о месте художественных промыслов в культуре. Для этого нам необходимо соотнести понятия «культура», «фольклор», «народный промысел».

Для начала обратимся к вопросу о месте народного творчества в культуре. Довольно часто исследователи применяют два типа деления культуры: по горизонтали (деление на культуры определённых сословий, классов, групп, субкультуры) и по вертикали (верхний слой — элитарная культура, нижний слой — быденная культура). В большинстве случаев при обоих вариантах деления для народной культуры не находится определенного места. Существует несколько вариантов интерпретации данного понятия: фольклор — это пласт средневековой культуры в рамках крестьянской субкультуры; фольклор — это архаическая культура, пережитки которой остались среди низших классов (по мнению западных исследователей) и так далее [4, с. 7]. Если обратиться к делению «по вертикали», то можно соотнести понятия «народная культура» и «массовая культура». Некоторые исследователи сближают эти два понятия, подчеркивая в народной культуре массовое, внеличностное начало [4, с. 7]. Но при этом находят и различия, существующие между ними: продукты массовой культуры, в отличие от предметов народной культуры, изготавливают специально, чтобы сделать их популярными, профессионально «запускают в оборот» с использованием широкого арсенала современных технологий производства; кроме того, народная традиция по масштабам уступает массовой.

Сам термин «фольклор», в переводе означающий «народная мудрость», ввел в научный оборот английский ученый У. Дж. Томе в 1846 г. Но исследователи различных стран и эпох вкладывают разные

смыслы в это понятие. Путилов Б. Н. в книге «Фольклор и народная культура» [6, с. 2] писал о том, что вопрос о границах и объеме понятия «фольклор» для нашей науки в нынешнем её состоянии невероятно сложен: «Здесь сыграли свою роль два главных фактора: объективный (всегда непросто выделить в сфере культуры, общественной жизни особый, реально существующий, внутренне единый, обусловленный рядом постоянных показателей комплекс явлений) и субъективный (развитие науки, возникновение и смена школ и направлений, неизбежное столкновение разных точек зрения и подходов)». Само понятие «народное творчество» может истолковываться по-разному. Для многих исследователей фольклор — это духовная народная художественная культура (музыка, поэзия, театр, танец), и декоративно-прикладное творчество как бы «выпускается из вида». Однако многие изделия народных промыслов представляют эстетическую ценность, и их можно назвать частью художественной культуры. Путилов Б. Н. [6, с. 2] стремится показать, что понятие «фольклор» охватывает всю вербальную сферу (и паравербальная), вне зависимости от эстетической ценности, тогда устное народное творчество выходит за пределы искусства. Таким образом, понятие «народная культура» становится шире понятия «народное искусство». Также Путилов Б. Н. [6 с. 3] выделяет две особенности народной культуры. Во-первых, это «...распространенность элементов на все её формы, которые для нас привычно называть эстетическими; они обнаруживаются повсюду: в оформлении жилищ, предметов домашнего обихода, орудий труда, одежды и др. — образное начало, стремление к симметричным формам, разные способы украшения, подчеркивание гармоничности либо, напротив, внесение дисгармонии так или иначе дают себя знать в любом артефакте; но то же самое относится и к явлениям духовного порядка — способам организации обрядов, трудовых процессов, общественных акций, к разным формам общения и высказывания». Исследователь утверждает, что вычлняя художественные составляющие фольклора, мы рискуем обеднить эстетику народной жизни. Во-вторых, это единство «эстетического» и функционального начал (при условии господствования второго начала), т. е., «фольклор нигде и никогда не живет как искусство в собственном смысле слова, т. е. как феномен, имеющий цель в самом себе, предназначенный для решения преимущественно художественных задач» [6, с. 2]. Некрасова М. А., наоборот, главной целью при изучении фольклора считает раскрытие художественной ценности изделий народных мастеров [5, с. 10].

Обратимся к материальной народной культуре. В широком смысле слова народные промыслы — это занятие каким-либо делом, необходимое для получения какой-либо материальной выгоды. Занятия делятся на две группы: добывание чего-либо (охота, собирательство) и

производство чего-либо. Производственные промыслы могут также называть «ремёслами». А значение понятия «ремесло» Российский энциклопедический словарь истолковывает следующим образом: «Ремесло — мелкое ручное производство промышленных изделий, господствовавшее до появления крупной машинной индустрии (а затем частично сохранившееся наряду с ней)» [7, с. 1318]. Если обратиться к понятию «народные художественные промыслы», то в этом же словаре мы находим следующее определение: «Народные художественные промыслы — одна из форм народного художественного творчества, производство фольклорных художественных изделий» [7, с. 1020].

Однако цитируемый нами выше Путилов Б. Н. говорил о таком свойстве фольклора, как синкретизм. «Синкретизм (от греч. *Synkretismos* — соединение), 1) нерасчленённость, характеризующая неразвитое состояние какого-либо явления (например, искусства на первоначальных стадиях человеческой культуры, когда музыка, пение, поэзия, танец не были отделены друг от друга...)» [6, с. 3]. Учёный утверждал, что в народном творчестве существует подобный синкретизм материальной и духовной культуры. «Значительнейший массив фольклорной культуры ни в коей мере несводим к вторичному отражению, но органично и непосредственно включен в бытие... Как и в физических предметах (артефактах), в явлениях фольклора (ментифактах) осуществляется подлинное единство материального и духовного, практического и идеологического. Фольклор выступает в определенных условиях и обстоятельствах — равноценным участником прагматических действий, функционирующих социальных институтов, бытовых ситуаций. При этом нередко оказывается, что ставить вопрос о первичности и вторичности попросту некорректно» [6, с. 3].

Обратимся к толкованию и соотношению понятий «фольклор» и «народный промысел» в отечественной науке. В разные периоды истории России существуют различные толкования понятия «фольклор». Например, до Революции В. Лесевич включал в понятие «фольклор» «общую совокупность народного знания — все то, что знает народ по преданию... Эта обширная и сложная масса разнообразных высказываний народа о всей своей внутренней и внешней жизни во всех ее разветвлениях. Сюда относятся басни, сказки, легенды, сказания, песни, загадки, детские игры и присказки, знахарство, ворожба, свадебные и иные обряды, метеорологические и иные приметы, пословицы, поговорки, присловья, рассказы о луне, звездах, затмениях, кометах и всякого рода суеверия: различение легких и тяжелых дней, повествования о ведьмах, упырях, вовкулаках, вях и т. д. — словом, все то, что народ унаследовал от отцов и дедов путем устного предания, за что он держится» [3, с. 102].

В начале XX века учёные стремились упорядочить фольклор, найти методологию для него, а само определение фольклора стало тождественно

понятию «народная словесность», или «народная поэзия». Но в то время продолжали осознавать целостность фольклора в широком смысле слова. Например, несмотря на появление у Азадовского тенденции к закреплению термина «фольклор» за устной словесностью, ученый не ограничивал словесность рамками «художественности», и включал в неё суеверия, народный календарь, приметы и т. д. Этому же принципу следовали «сибирские учёные» — ряд исследователей, которые в 20-х гг. XX в. изучали фольклор Сибири, например, Хороших П., обращавшийся к бурятскому фольклору. Соколов Ю. М. даже высказывался о недостаточности термина «словесность». Но в 1931 году учёный резко меняет своё мнение, выступив с докладом «Значение фольклора и фольклористики в реконструктивный период»: «Фольклор — одна из важнейших областей поэтического творчества, а фольклористика — одна из важнейших частей марксистско-ленинского литературоведения. К изучению фольклора должны быть применены все те основные методологические установки, которые применяются к литературоведению и искусствоведению вообще... Актуальные задачи современного рабочего и колхозно-пролетарского фольклора — те же, что и актуальные задачи пролетарской литературы» [2, с. 92] — как мы наблюдаем, на изучение и истолкование фольклора начинают накладывать государственную идеологию Советского периода. В связи с этим стало происходить сужение значения самого понятия «фольклор».

Какое же место в культуре занимали народные промыслы в разные периоды истории России? Известно, что во второй половине XIX в. в искусствоведческой науке появляются понятия «кустарные промыслы», «кустарные художественные промыслы», «народное искусство» [9, с. 3]. Как мы уже подчеркивали выше, начиная с 20-х гг. XX в., термин «фольклор» начал сужаться, отождествляясь с понятием «народное поэтическое творчество». Но при этом в 20—30-е гг. по отношению к народным промыслам осуществлялась выставочная и собирательская деятельность, начали собирать музейные коллекции и изучать материальную народную культуру. Народные промыслы продолжали изучать, но не как часть народного творчества, составляющие которого находятся в тесной взаимосвязи — их изучают с точки зрения эстетической составляющей. Теперь подлежат рассмотрению те виды промыслов, которые, с точки зрения исследователей, представляют эстетическую ценность. Именно поэтому осуществлялось разделение промыслов на ремесленные и художественные.

В 50-е годы XX века искусство народных художественных промыслов признали особой существенной частью народной культуры. «Большое внимание обращалось на сохранение и развитие народных художественных промыслов, на бережное отношение к традиции и ее развитию» [9, с. 3]. В то время появился новый подход к предметам

материальной культуры, утверждалась точка зрения, что важнейшая функция произведений народных художественных промыслов — утилитарная, а искусствоведы начали предостерегать от поверхностного подхода к традиции. В 50-е гг. «...усиливается интерес к местным школам художественных промыслов и ремесел, к региональным тенденциям в народном искусстве, техническому и художественному своеобразию на местах» и складывается новая теоретическая концепция советского декоративно-прикладного искусства [9, с. 3].

В 60—70-е гг. особенно ярко проявилось разделение художественных и ремесленных промыслов, а также появилась сильная искусствоведческая база по исследованию художественной культуры и декоративно-прикладного творчества [1, с. 5].

В течение 80-х годов продолжали изучать народные промыслы. Сучкова С. Ю. пишет, что «...в 1970—80-е годы, ... промыслы вновь расцвели до уровня народного прикладного искусства, получили всемирное признание» — то есть, продолжалось выделение художественных промыслов, которые являлись изделиями народного прикладного искусства [8, с. 6].

90-е годы характеризуются приходом искусствоведов-исследователей, связанных непосредственно с музейной деятельностью и получивших специальное искусствоведческое и музеологическое образование [5, с. 103]. В это время появляются новые теории, например, Путилов Б. Н. в своей книге «Фольклор и народная культура» стремился показать, что фольклор — не только искусство, это вся вербальная (и паравербальная) сфера, далеко выходящая за рамки искусства [6, с. 4].

Таким образом, народные промыслы представляют художественную ценность, отражают эстетические представления эпохи. Кроме того, формы и орнаменты предметов имеют магическое значение, и дают нам сведения о религиозных верованиях людей. В книге «Народная культура в современных условиях» содержится мысль: «Предметно-материальный мир традиционной народной культуры, как в прошлом, так и в современном состоянии — объект многослойный и многозначный, через него на протяжении многих веков люди общались с космосом, с природой, со своим социальным окружением, вырабатывали нормы, идеалы, правила жизнеустройства, передавая их последующим поколениям» [4, с. 22].

Мы рассмотрели отношение отечественных исследователей к народным промыслам в течение конца XIX—XX вв. и пришли к выводу, что в любую эпоху хотя бы некоторые виды народных промыслов признавали частью культуры, но далеко не все учёные помнили о синкретичности народного творчества и связи духовной культуры с материальной. В результате изучения различных точек зрения по поводу места народных промыслов в культуре, мы выяснили, что народные

промыслы тесно связаны с другими видами народного творчества, с духовной культурой народа, и поэтому их можно назвать частью фольклора. Кроме того, все виды народных художественных промыслов являются частью культуры. Изделия сами по себе не только являются произведениями искусства, но и передают представления о прекрасном той эпохи, в которую они были изготовлены. Если предметы промысла не представляют художественной ценности, то они, в любом случае, несут сведения о быте той или иной исторической эпохи.

Список литературы:

1. Антипова Т. Б. Региональные традиции народных промыслов в культуре России; на примере Волгоградской области. Автореферат дис. кандидата исторических наук: специальность 24.00.01 — теория и история культуры. — Волгоград, 2010. — 30 с.
2. Дискуссия о значении фольклора фольклористики в реконструктивный период // Литература и марксизм. М., 1931. № 5. С. 91—96.
3. Лесевич В. Фольклор и его изучение // Памяти Белинского В. Г.: Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов. — М.: Наука, 1999. — 343 с.
4. Народная культура в современных условиях: Учеб. Пособие / Балдина О. Д., Быкова Э. В., Гавриляченко Е. Э.; Отв. Ред. Михайлова Н. Г.; Рос. ин-т культурологии. — М., 2000. — 219 с.
5. Некрасова М. А. Народное искусство как часть культуры. — М.: Изобразительное искусство, 1983. — 346 с.
6. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура / Борис Николаевич Путилов; Отв. ред. Мыльников А. С. — Пб: Наука, 1994. — 239 с.
7. Российский энциклопедический словарь: В 2 кн. — / Гл. ред.: Прохоров А. М. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2001, — Кн. 1: А — Н., Кн. 2: Н — Я. — 2015 с.: ил.
8. Сучкова С. Ю. Развитие потенциала конкурентоспособности товаров народных художественных промыслов. Автореферат дис. кандидата экономических наук: специальность 08. 00. 05 — Экономика и управление народным хозяйством (экономика предпринимательства). — СПб., 2011. — 23 с.
9. Художественные промыслы Нижегородской области: библиогр. указ. / Нижегород. гос. обл. универ. науч. б-ка. Отдел краевед. лит. Информ.-библиогр. отдел; сост. Кузнецова О. А. Н. Новгород, 2000.—152 с. [электронный ресурс]— Режим доступа. — URL <http://www.nounb.scinnov.ru/library/rus/struct/ethnogr/lists/hprom.php>

ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗЕРНИНА А. П.)

Грекова Олеся Витальевна

*соискатель кафедры древней и новой истории России историко-политологического факультета, Пермский Государственный Национальный Исследовательский Университет, г. Пермь
E-mail: grekolesyavit@mail.ru*

Отечественная историография XIX в. формируется как самостоятельная дисциплина, в рамках которой складываются новые концепции и направления. Господствующим направлением в первой половине XIX в. было консервативное. Крупнейшим представителем данного течения стал Карамзин Н. М. Суть теории историка выражена в названии его сочинения «История государства Российского». По мнению автора концепции, история является совокупностью действий правителей, определенных индивидуальными их особенностями. Одним из активных сторонников Карамзина был историк Сахаров И. П.

В 20—40-е гг. XIX в. было сформировано критическое направление. Новое течение в исторической науке проявило себя в полемике вокруг сочинения Карамзина Н. М. С критикой научной концепции историка и определением новой системы «прагматической истории» в 30—40-х гг. выступил историк Устрялов Н. Г. Последователями Устрялова были Зернин А. П., Погодин М. П.

В это же время в рамках критического направления была создана Каченовским М. Т. «скептическая школа». Свой курс истории России Каченовский всегда начинал с критического разбора исторической литературы, что впоследствии и вошло в основу его концепции. К этой школе принадлежали Станкевич Н. М., Катков М. Н., Снегирев И. М., Забелин И. Е.

В середине 40-х гг. XIX в. появляется новая концепция, согласно которой движущей силой исторического развития являлось государство. Основателями концепции были Кавелин К. Д. и Соловьев С. М. Именно с этими именами связывали новое направление в исторической науке, за которым утвердилось название «государственная школа».

Период правления Николая I в отечественной историографии второго Романова можно определить как этап «первоначального

накопления» сведений. Русская историческая наука первой половины XIX в. была наполнена позитивистской наивностью. Не стали исключением и сочинения Зернина А. П.

Александр Петрович Зернин (1820—1866) — профессор Харьковского университета. Закончил главный педагогический институт, где остался преподавателем русской истории. В 1847 г. получил степень магистра и был переведён адъюнкт — профессором в Харьковский университет. Его научные труды свидетельствуют об основательном изучении затрагиваемых вопросов: «Об отношениях константинопольского патриарха к русской иерархии», «Об учреждении в России патриаршества», «Нифонт епископ новгородский», «Император Василий Македонянин», «Очерк жизни константинопольского патриарха Фотия», «Жизнь и литературные труды Константина Багрянородного», «Очерки, служащие к разъяснению польской истории XVI века», «О самозванцах».

Типичной и центральной фигурой Московского государства XVII в., по убеждению Зернина, являлся царь Алексей Михайлович. Вообще, в его профессиональной деятельности второй Романов фигурировал сразу в трёх научных публикаций: первая — «Царь Алексей Михайлович» [8], вторая — «О мятежах в царствование Алексея Михайловича» [6], третья — «Судьба местничества при первых трех государях династии Романовых» [7]. Но ко второй четверти XIX в. относится только его первая работа, датированная 1854 г.

Главная особенность данного очерка заключается в том, что в содержательную часть включены только те данные из истории царствования Алексея Михайловича, которые относятся собственно к его личности. Другой новый и важный аспект работы — характеристика Алексея Михайловича через его взаимоотношения с приближёнными. Статья Зернина имела важное значение не только для развития историографии личности царя Алексея, но и для привлечения внимания к изучению исторических фигур наряду с политическими событиями. В отличие от других исследователей Николаевского времени, жаловавшихся на нехватку источников, Зернин считал: «При настоящем богатстве материалов отечественной истории мы имеем возможность подробнейшим образом представить не только государственную деятельность царя Алексея Михайловича, но также наглядно изобразить царя в его частных отношениях» [8, с. 41]

Описывая рождение будущего царя, Зернин видел в нем государственный смысл, поскольку Михаил Романов сразу отправил посланников к боярам, дворянам и иностранным посольствам с вестью о рождении наследника. В своем очерке Зернин отмечал, что «особых

свидетельств о воспитании и детстве царевича нет» [8, с. 44], по его мнению, он воспитывался так же, как и все царские дети в XVII в. При этом, автор ссылаясь на канонический труд современника Алексея Михайловича Котошихина Г.

Значительное внимание Зернин уделял характеристике личности воспитателя царя — боярину Морозову Б. И. Он опровергал устоявшееся мнение о корыстолюбии боярина, собрал мнения о Морозове как иностранных, так и отечественных современников. Первым из иностранцев о воспитателе царя Алексея Михайловича упоминал датский принц Вольдемар. Во время своего пребывания в России он отмечал, что Морозов имел силу еще при дворе царя Михаила Федоровича, а также расположение царевича. Другой иностранец, Адам Олеарий, изображал Морозова честолюбцем, стремившимся к усилению и утверждению своей власти. Тенденционно негативное отношение к этому деятелю, по мнению Зернина, сформировалось благодаря Карамзину Н. М., основывавшему свои выводы только на сведениях Олеария. Зернин же, в свою очередь, полагал: «При современных требованиях отечественной истории странно было бы делать приговор о ком бы то ни было на основании одних только иностранных известий, не пересмотрев сначала отечественных материалов» [8, с. 50].

По мнению Зернина, верить иностранным источникам можно частично, а вот Котошихину, написавшему фундаментальный труд о царствовании Алексея Михайловича, и Ртищеву Ф. М., близкому человеку боярина, несомненно, можно.

Среди близких людей, особое внимание историка привлекла властная фигура патриарха Никона. Зернин уделил значительное внимание биографии патриарха, ссылаясь на данные Шушерина И. К., записанные в «Житии патриарха Никона».

На протяжении исследования всего периода правления Алексея Михайловича, время от времени на передний план выходили отношения царя с близким окружением: Одоевским Н. И., Матюшкиным А. И., Матвеевым А. С., Ордин-Нащокиным А. Л. Зернин выделял такие черты личности царя, как простота и искренность, которые ярко раскрылись в общении с князем Одоевским. В подтверждение этому автор привел описание смерти сына князя и деятельное участие царя в организации похорон и утешении близкого друга.

Отношения с Матюшкиным сложились, как утверждал Зернин, с детства и перечислил несколько писем, пояснив, что они «очень разнообразны по содержанию и относятся к разным периодам его

жизни» [8, с.67]. Можно сделать вывод: переписка царя и Матюшкина была постоянной, а значит необходимой и важной для царя.

Изданное в журнале «Москвитянин» эпистолярное наследие царя Алексея Михайловича вызовет впоследствии интерес историка Бартенева П. И., который в конце правления Николая I начнет собирать из разных источников, письма второго Романова в единый сборник. Упомянутый сборник появится уже в правление императора Александра II под названием «Собрание писем царя Алексея Михайловича» [3].

Ценность сборника историка, литературоведа, издателя Бартенева в том, что это первая публикация, в которой были собраны письма царя Алексея Михайловича. Публикуемые источники систематизированы и снабжены предисловиями. Большой интерес представляют комментарии к письмам, объясняющие многие термины, имена, условия, в которых они создавались. Стремление Бартенева собрать воедино и прокомментировать уже напечатанные источники стало причиной кажущейся неполноты и беспринципности сборника, за что его отрицательно оценил историк Забелин И. Е. [5]. Факт публикации Бартеневым писем стал событием в научной жизни России середины XIX в.

Одним из важных политических шагов для юного царя было вступление в брак. Зернин писал о необходимости вступления в брак Московских монархов с иностранными представительницами, приводил примеры поиска невест царями Иваном Грозным и Михаилом Федоровичем. Проблема несостоятельности браков, по его мнению, заключалась в «отчужденности Московского государства» [8, с. 51]. Большое внимание автор уделил датскому посольству Вольдемара, созданному по случаю переговоров о заключении брака с царевной Ириной. Зернин искренне сочувствовал тому, что брак так и не был заключен.

Значительное место в своем труде Зернин уделил описанию царской охоты. В частности, его интересовало, на каких зверей охотились и каким образом их доставляли в места, где проводилась охота. При этом соколиной охоте Зернин посвятил больше внимания и ссылаясь на Котошихина и Мейерберга.

На основе проведенной работы можно выделить особенности историографии Николаевского периода второй четверти XIX в.:

- в отечественной историографии появились публикации отдельных царских писем. Так Муханов П. А. издал сборник исторических документов, среди которых были опубликованы двадцать два письма царя Алексея Михайловича к стольнику Матюшкину. Именно эти письма создали основу многих исторических

работ Николаевского периода. При помощи переписки историки смогли составить частичный психологический портрет второго Романова;

- в отечественной историографии исследования отличались очевидной неполнотой сведений. Историк Зернин использовал преимущественно материалы современников царя Алексея Михайловича как российских, так и иностранных Котошихина, Олеария, Мейрберха, Коллинса и т. д. Конечно, современники любой эпохи были склонны преувеличивать достижения правителя, что приводило к искажению исторической реальности. Аутентичные документы XVII в., опубликованные во второй четверти XIX в. в Актах Археографической экспедиции [1], Актах исторических [2], Дворцовых разрядах [4], могли бы дополнить труд историка. К сожалению, он практически не использовал данные этих документов.

- историографический труд историка Зернина наполнен панегирическими и апологетическими характеристиками, что характерно для Николаевской эпохи.

Список литературы:

1. Акты Археографической экспедиции. Санкт-Петербург: в Тип. Экспедиции, 1842. Т. 4.— 565 с.
2. Акты исторические. Санкт-Петербург: в Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1836. Т. 4.—502 с.
3. Бартев П. И. Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением «Уложения сокольничего пути»//Современник 1856. № 3.
4. Дворцовые разряды 1612—1700 гг. Санкт-Петербург: в Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1855. Т. 4. — 1158 с.
5. Забелин И. Е. Черты русской жизни в семнадцатом столетии.//Современник. 1852. № 3.
6. Зернин А. П. О мятежах в царствование Алексея Михайловича. Санкт-Петербург: в типографии Х. Гинце, 1856. —138 с.
7. Зернин А. П. Судьба местничества при первых трёх государях династии Романовых. Санкт-Петербург: в типографии Х. Гинце, 1856. —201 с.
8. Зернин А. П. Царь Алексей Михайлович (историческая характеристика из внутренней истории России XVII столетия) // Москвитянин. 1854. № 14.

УКРАИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917—1921 гг. В МЕМУАРАХ ДОРОШЕНКО Д. И.

Пархоменко Владислав Анатольевич

*кандидат исторических наук, доцент ННУ имени В.А Сухомлинского,
г. Николаев, Украина
E-mail: dmitr-nefyodov2@yandex.ru*

Среди многочисленной историко-мемуарной литературы, посвященной событиям украинской национально-демократической революции 1917—1921 гг. ведущее место занимают воспоминания Дмитрия Ивановича Дорошенко (1882—1951).

Д. Дорошенко — украинский общественно-политический деятель, историк, перу которого принадлежат около тысячи публикаций, происходил из известного казачьего рода. В предвоенный период был сотрудником Екатеринославской губернской ученой архивной комиссии. С 1915 года — уполномоченный Всероссийского союза земств и городов на Юго-Западном фронте, возглавлял отдел помощи населению Галиции, пострадавшему от военных действий.

В марте 1917 года Дорошенко один из инициаторов создания в Киеве представительного органа — Украинской Центральной Рады. В апреле-августе комиссар Временного правительства Галиции и Буковины (с правами генерал-губернатора). При гетмане П. Скоропадском в 1918 г. — министр иностранных дел, с 1919 г. В эмиграции. Был директором Украинского научного института в Берлине (1926—1931), президентом Украинской свободной академии наук в США (1945—1951). Умер Дорошенко Д. в 1951 г. в Мюнхене. Его мемуары «Мои воспоминания о недавнем прошлом» (1914—1920) являющиеся важнейшим информативным источником, были опубликованы в эмиграции в 1923—1924 гг. и переизданы в Украине в 2007 году.

Описание Украинской революции, в своих мемуарах Дорошенко Д. начинает с украинской манифестации 18 марта 1917 года в Киеве, участником которой он был сам. «Своим грандиозным характером, своим воодушевлением, своим энтузиазмом она превзошла все наши ожидания. В ней взяло участие до 100 тысяч людей» [3, с. 87]. После манифестации состоялось вече, на котором принята резолюция с требованием предоставить Украине автономию [3, с. 89]. Манифестация показала, что «украинство — сила, что за нами массы» [3, с. 89]. Важным шагом по дальнейшей консолидации украинских сил стал Украинский национальный конгресс, который начал работу в Киеве 4 апреля 1917 г.

На нем присутствовало 1,5 тысяч делегатов от различных украинских партий, обществ, земств, профсоюзов, воинских частей [3, с. 92]. Конгресс, как вспоминал Дорошенко, проходил под знаком автономии и федерации Украины в составе России, и доверия Временному правительству. Отдельные выступления «самостийников» не отвечали тогда еще общему настроению масс [3, с. 93]. Во время работы конгресса, Дорошенко довелось общаться с приехавшим в Киев, тогдашним военным министром Гучковым А. Министру было передано просьба конгресса — вывести с территории Украины польскую дивизию генерала Довбор-Мусницкого В., дислоцировавшуюся в районе Белой Церкви. Гучков попросил считать поляков «гостями», поскольку их родина оккупирована немцами, и страсти вокруг этих формирований улеглись [3, с. 94].

В апреле 1917 года Дорошенко Д. неожиданно для себя был назначен краевым комиссаром Галиции и Буковины [3, с. 95]. Перед отъездом в Галицию, автор мемуаров посетил Петроград, где встретился с премьер-министром Временного правительства князем Львовым Г. По мнению Дорошенко, премьер на должность главы правительства не «тянул», и напоминал скорее председателя уездной земской управы [3, с. 97]. Имел аудиенцию он также и у Керенского А., который в то время занимал пост министра юстиции. У него Дорошенко хотел добиться разрешения на возвращение из Сибири всех депортированных туда в годы войны галичан. Сцена встречи в мемуарах описана комично. В комнату министра десятками запускали разного статуса просителей, там их всех быстро обходил Керенский, отдавая распоряжения своим адъютантам. В такой обстановке «говорить о серьезных вещах было невозможно» [3, с. 99]. Как видно из мемуаров, их автор критически относился к способностям Временного правительства управлять страной, впрочем, это также относилось и к лидерам Центральной Рады, особенно их деятельности в области создания украинских воинских подразделений. Вместо того, чтобы формировать части на основе твердой дисциплины, украинская правящая элита начала дело «со всеми приемами дешевой демагогии», назначая на ответственные посты малосведущих прапорщиков и чиновников [3, с. 129]. Как следствие, накануне большевистского нашествия Центральная Рада оказалась без армии.

Но летом 1917 года на «украинизированные» части возлагались большие надежды. Украинские полки, сохранявшие еще боеспособность, о чем писали и другие мемуаристы, должны были принять участие в июньском наступлении [4]. Как указывал Дорошенко, ведь если бы удалось захватить Галицию, то все украинские земли объединились в «свободной России» [3, с. 131]. Июньское наступление завершилось

неудачей и отходом Юго-Западного фронта, а Дорошенко лишился своего «генерал-губернаторства» в Галиции. В ноябре автор мемуаров был в Ставке (Могилев), где обсуждался с главнокомандующим генералом Духониным Н. вопрос о создании на базе Румынского и Юго-Западного — единого Украинского фронта. Духонин дал согласие, было подготовлено соответствующее распоряжение, которое как отмечал Дорошенко, уже не имело практического значения, а высшее российское командование не контролировало даже своих подчиненных. С трудом автору мемуаров удалось найти в помещении Ставки писаря, чтобы перепечатать на машинке еще один экземпляр этого документа. «Остановилось сердце всероссийской армии, умирала и Ставка» [3, с. 194]. Критикуя непрофессионализм лидеров Центральной Рады, Дорошенко писал, что если летом за ней шли сотни тысяч солдатской массы, то в декабре 1917 года от этих войск остались «одни воспоминания» [3, с. 197]. Так, созданные в Киеве 2 «сердючки» дивизии, насчитывающие 15 тысяч человек были распущены как «контрреволюционные» [3, с. 198]. Это же случилось и с 60-тысячным корпусом генерала Скоропадского П. [3, с. 202]. Об отсутствии в распоряжении Центральной Рады надежных формирований, писал в своих мемуарах и украинский премьер В. Винниченко. Он с горечью констатировал, что были дни, когда украинское правительство охраняли большевистски настроенные части, в любой момент, «при желании они могли арестовать и расстрелять все правительство» [1, с. 216].

После Брестского мира и изгнания большевиков, последовала австро-немецкая оккупация Украины. В марте 1918 г. Центральная Рада возвращается в Киев. Но у Дорошенко на ее счет уже не было иллюзий. Поэтому, когда при поддержке немцев 29 апреля 1918 г. осуществился переворот и место Центральной Рады занял гетман П. Скоропадский, олицетворявший в Украине консервативные силы, Д. Дорошенко согласился в мае занять пост министра иностранных дел в гетманском правительстве [3, с. 255]. По словам Дорошенко, немцы, считавшиеся «союзниками», вели себя как в завоеванной стране. Но работа министерства постепенно налаживалась, дипломатические отношения кроме стран Четверного союза были установлены со Швейцарией, Швецией, Финляндией, Грузией, Румынией, Польшей, Латвией, Литвой, небольшевистскими правительствами Дона и Кубани [3, с. 271—277]. Со странами Антанты этого сделать не удалось, так как для них Скоропадский был лишь «берлинским ставленником». Перед Гетманатом стоял вопрос о присоединение к Украине территорий, где проживали украинцы — Кубани и Бессарабии. Вопрос так и остался неразрешенным. Кубань оказалась под контролем Добровольческой армии генерала

Деникина А. выступавшего под лозунгом «единой и неделимой России». В отношении же Румынии ограничились направлением 5 июня ноты, в которой осуждалась оккупация Бухарестом Бессарабии 3, с. 296]. Германия заключив с Румынией Бухарестский мир (март 1918 г.) поддерживала ее притязания на бессарабские земли.

В конце октября — начале ноября 1918 г. Дорошенко Д. находился в Берлине, где хотел заручиться поддержкой по вопросу о Холмщине, на которую в условиях распада Австро-Венгрии претендовали и поляки. Но 9 ноября на улицах Берлина Дорошенко увидел начало Германской революции. Дни Гетманата также были сочтены — 14 декабря Киев заняла Директория УНР.

Автор воспоминаний в этот период, возвратясь в Украину, читает лекции по украинской истории в Каменец-Подольском университете. Наступление большевиков вынуждает его перебраться в Прагу. Далее, в качестве представителя украинского Красного Креста. Д. Дорошенко едет в Сербию, занимаясь там проблемой возвращения украинских военнопленных бывшей российской императорской армии на родину. На этих пленных имели виды и денкикинские эмиссары. Условия для работы в Сербии были неблагоприятные: сербские власти смотрели на украинцев глазами российских представителей Добровольческой армии, и видели в них «врагов славянства, германофилов, сепаратистов» [3, с. 473]. О тяжелом положении военнопленных и проблеме их реэвакуации, писал также в своих воспоминаниях глава украинской дипломатической миссии в Будапеште Галаган Н. [2, с. 470—472].

В заключительной части мемуаров содержится интересный материал о жизни и настроениях украинской эмиграции 1919—1920 гг. [3, с. 502—519]. В своих воспоминаниях, размышляя о недавнем прошлом, Дорошенко неоднократно подчеркивал, что отсутствие консолидации среди украинского политикума привело к поражению национальной революции 1917—1921 гг., утверждение на потерявшее актуальности и в наши дни.

Список литературы:

1. Винниченко В. Відродження нації/ В.Винниченко. — К.: Політвидав України, 1990. — ч 2. — 329 с.
2. Галаган М. З моїх споми́нів (1880-ті—1920 р.) / Галаган М. — К.: Темпора, 2005. — 656 с.
3. Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє минуле (1914—1920 рр.) /Дорошенко Д. — К.: Темпора, 2007. — 632 с.
4. Савченко В. Український рух у російських частинах у 1917 та 1918 рр. // За державність. — Каліш, 1934. — ч. 4. — с. 145—160.

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РАННЕГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ И МЕННОНИТОВ ЮГА УКРАИНЫ: К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА И РАЗВИТИЯ

Хрящевская Людмила Михайловна

*кандидат исторических наук,
доцент ННУ имени Сухомлинского В. А.,
г. Николаев, Украина
E-mail: historiography_nni@ukr.net*

Зарубежная историография истории немцев и меннонитов юга Украины чрезвычайно обширна. Библиографический список трудов занял бы не один десяток страниц. В силу этого мы ограничимся анализом лишь некоторых из них, обратив особое внимание на работы последних лет.

Вопросы иностранной колонизации южноукраинских земель привлекали внимание зарубежной научной общественности сразу же после массового развертывания этих процессов в XVIII в.

Первой исторической работой о немецких колонистах была несомненно, стихотворная хроника Платена Б. «Описание путешествия колонистов, а также образа жизни русских» [1].

Научное осмысление истории немецких и меннонитских поселений в зарубежной историографии было начато лишь в 30-х гг. XX столетия. У истоков этого процесса находились бывшие жители немецких колоний в России, эмигрировавшие в Германию, Канаду, США.

Среди них наибольший интерес представляют работы А. Эрта и Д. Рэмрела [12]. Работа Адольфа Эрта, оформленная в виде докторской диссертации, характеризует социальное и экономическое развитие меннонитских поселений в России. Исследование, написанное «по свежим следам» впитало значительное количество источникового материала и для наших современников ценно, прежде всего, своей информативностью. При этом ему удалось достичь невероятного — получить доступ к советским архивам, благодаря чему его первое диссертационное сочинение было переработано и расширено [11]. Сюжеты из интересующего нас периода первой половины XIX в. являются наиболее привлекательной частью его нового исследования.

Уже в 1910—30-е гг. была предпринята попытка создания обобщающих трудов. Среди них — меннонитская энциклопедия [10]. Издаваемая изначально на немецком языке, она впоследствии была расширена и переиздана на английском [16]. К работе над этим изданием

был привлечен большой авторский коллектив. Материалы, представленные в энциклопедии, чрезвычайно информативны и для современных исследователей представляют значительную источниковую ценность. Большинство статей, посвященных южноукраинскому региону, подготовлено Корнелиусом и Краном.

К числу первых обобщающих трудов по истории меннонитских поселений следует отнести книгу Г. Смита «История меннонитов» [6], часть которой посвящалась проблеме колонизации украинских земель меннонитскими общинами. Характерно, что данное издание было в единственном экземпляре приобретено для закрытой библиотеки «Института Академии общественных наук» (ныне Институт научной информации общественных наук (г. Москва)). И в настоящее время исследование Г. Смита не утратило своей научной ценности. Свидетельством этого служит ее переиздание, предпринятое в 1991 году [13].

Практически все без исключения авторы, занимающиеся историей немецких колонистов, считают для себя обязательным сослаться на работы Карла Штумппа [14]. Это и не удивительно, ибо они базируются на солидной документальной основе, материалах архивов России и Украины, многие из которых в настоящее время исчезли с поля зрения исследователей в силу объективных причин (документы пропали в годы Великой Отечественной войны).

Труды Штумппа К. отличаются своей конкретикой. Здесь отсутствуют отступления философско-социологического характера, имеющие место в работах других исследователей. Тем не менее не всегда можно согласиться с некоторыми положениями автора, в частности, с вычленением им только двух этапов переселения немцев в Россию [14], в некотором умалении политических шагов Павла I в деле обустройства колонистов [14] и т. д. В то же время Штумпп К. убедительно показал, что приобретала Россия в хозяйственно-экономическом плане, поселяя на своих землях немцев.

Первому столетию пребывания меннонитов в России посвящена работа Джеймса Юрри [17]. В фокусе его исследований — история двух групп поселений: Молочанских и Хортицких материнских колоний. Автор анализирует все сферы жизнедеятельности колоний с точки зрения из трансформации во времени. И хотя детальный социально-экономический анализ развития поселений в данной работе отсутствует, достаточно явно прослеживается их динамизм и жизнеспособность.

Начальный период истории немецких колоний достаточно тесно связан с явлениями не только социально-экономического, но и политического, религиозного характера. Обращают на себя внимание

труды Ляйбрандта Г. [9] и Георга Бодамера [4], связанные общим предметом исследования. Речь идет о выезде части населения из Швабии и адаптации его в Южных регионах России. Оба автора подчеркивают роль и место хилиастов, пиетистов и сепаратистов в ходе массовой миграции. В отличие от Ляйбрандта Г., Бодамер Г. указывает на субъективный фактор, способствовавший активизации усилий Александра I по пути колонизации немцами, в частности швабами, российских территорий. Речь идет о влиянии на царя прибалтийской баронессы Юлианы Барбары Крюдер [4]. Достаточно подробно излагаются трудности начального периода переселения. Отметив причины и характер появления практически восемнадцатитысячной волны швабских переселенцев, общее в их судьбах на новых территориях. Ляйбрандт Г. подробно останавливается на истории одного из крупных поселений сепаратистов — Гофнингштаде. Он показывает динамику демографических процессов [9], фрагменты религиозной жизни (попытки Петербургской лютеранской консистории после 1840 г. подчинить себе гофнингштальских сепаратистов) и, наконец, начало новой волны миграции населения теперь уже из России в Америку [8]. Также в работах уделено значительное внимание истории дочерних колоний, приводятся списки семей с указанием дат рождения и характера родственных отношений.

К числу удачных работ, посвященных истории отдельных поселений российских немцев, следует отнести прекрасно документированную и хорошо иллюстрированную книгу Боша А. и Лингора Я [5]. К сожалению, в ее разделах, касающихся общих характеристик России и ее политической истории, отсутствуют материалы о выработке правительственными кругами страны принципов колонизационной политики. Переход от Петра I до Екатерины II, когда в России шла напряженная работа по поиску путей хозяйственного освоения обширных территорий, оказался вне поля зрения авторов. Вместе в тем ими высказана мысль, ранее лишь вскользь упоминавшаяся исследователями, а именно: «Кроме всего прочего, колонисты должны были внести свой вклад в рассеивание предубежденности Западной Европы против империи» [5]. Работа носит конкретно-исторический характер и ее содержание полностью отвечает этому. Авторы детально исследуют хозяйственную жизнь колонии Кандель, организацию системы управления общиной, религиозную и культурную жизнь села и его дочерних образований. Со знанием дела излагается технология жилищного строительства, отмечается проявившаяся уже на раннем этапе хозяйственного развития колонии необходимость создания новой технологии обработки земли, в ходе которой колонисты заимствовали

опыт местного населения. Большое внимание обращено на процесс обезземеливания колонистов и пути решения этой проблемы.

Историографическая традиция, заложенная Герцем Г., составившим первый очерк по локальной истории Молочанских колоний [7], была поддержана работами современных исследований. Среди них следует особо выделить труд Хиберта Т., посвященный истории Молочанского селения Гуршау [8]. В названной работе автору удалось аккумулировать весь доступный материал, реконструирующий прошлое Гуршау с момента его основания вплоть до советского периода.

Значительный прогресс, наблюдаемый в последние десятилетия в зарубежной исторической науке в изучении проблем истории немецких и меннонитских колоний Украины, главным образом, был обеспечен введением в научный оборот нового массива источников. Во многом это было связано с демократизацией политической жизни государств бывшего СССР и открытием в связи с этим наиважнейших архивных фондов. Однако зарубежные исследователи не отказываются и от поиска собственных исторических источников. В Канаде, например, продолжена традиция публикации разного рода мемуаров. Среди недавних публикаций следует назвать дневники Эппа Я., вышедшие под редакцией Дика Х [3].

Особо следует упомянуть о не имеющей аналогов работе, проделанной Шредером В. и Хибертом Х., по подготовке к изданию «Меннонитского атласа» [15]. Часть составленных ими карт посвящена сюжетам меннонитской истории конца XVIII — первой половины XIX в. и отображает эпизоды переселения общин с территории Восточной Пруссии на южноукраинские земли, а также внутреннее расположение отдельных групп колоний и поселений. Карты содержат дополнительную информацию о наличии дорог, некрополей, мельниц, ремесленных мастерских. Заслуживает внимания текстовый комментарий, которым снабжена каждая из карт. Данная работа является уникальным в своем роде исследованием.

Таким образом, проблема российских немцев в настоящее время вызывает повышенный интерес со стороны исследователей. Надежным индикатором этого служит целый ряд международных конференций по различным аспектам данной проблемы (в т. ч. международная конференция, которая состоялась в г. Николаеве в 2009 г. «Немцы Юга Украины: история и современность» [2]) прошедших в течении последних несколько лет, а также возросшее количество публикаций, освещающих ее. Необходимо констатировать высокий научный уровень исследований, а также расширение их диапазона, что связано с привлечением новых комплексов источников, позволяющих расширить общее представление о проблеме в целом и отдельных ее гранях.

Особое значение для дальнейшего развития данного научного направления имеет тот факт, что история немцев Украины перестала быть проблемой, изучаемой либо меннонитами, либо немецкими исследователями. Она преодолела «этнический» барьер и вышла на международный уровень. Это еще раз подтверждает ее значимость и научную перспективность.

Список литературы:

1. Опубликовано в приложении к книге А. Клауса «Наши колонии» в 1869 г.
2. Шитюк М. М., Шкварець В. П., Хрящевська Л. М. Німці Півдня України: історія і сучасність. — Миколаїв, 2009. — 424 с.
3. A Mennonite in Russia: the diaries of Jakob D. Epp 1851—1880 / Ed. Dyck H. — Toronto, 1991.
4. Bodamer G. Die Buswanderung aus dem Kreis Calw nach Russland von 1800 bis 1850 //Heimatbuch. — 1900/1991. — S. 96—97.
5. Bosch A., Lingor I. Entstehung Entwicklung und Auflosung der Deutschen Kolonien am Swarzen Meer am Beispiel von Vandel von 1808 bis 1944. — Stuttgart, 1990.
6. Ehart A. Das Mennonitentum in Rubland von seiner Einwanderung bis zur Gegenwart. — Berlin. 1931; Rempel D. The Mennonite colonies in New Russia: a study of their Settlement and econoic development from 1789 to 1917. — Stanford University 1933.
7. Goerz H. The Molotschna settlement. — Winnipeg, 1993.
8. Huebert T. Hierschau: an example of Russian Mennonite life. — Winnipeg, 1986.
9. Leibrandt G. Hoffnungstal und seine Schwaben. — Bonn, 1980.
10. Mennonitisches Lexicon: im IV vols. — Frankfurt am Main, Karlsruhe, 1913, 1937, 1958, 1967.
11. Rempel D. The Mennonite Commonwealth in Russia: F Sketch of its Founding and Endurance 1789—1919. — Mennonite Quarterly Review. — 1973. — № 47. — P. 250—308; № 48. — P. 5—54.
12. Smith H. The story of Mennonitites. — Berne, 1951.
13. Smith H. Smith's story of the Mennonitites. — Newton, 1981.
14. Stumpp K. Die Rublanddeutschen Zweihundert Jahre unterwegs. Verlag der Landsmannschaft der Deutschen aus Rubland. — Stuttgart, 1981.
15. Schroeder W., Huebert H. Mennonite historical atlas. Winnipeg, 1996.
16. The Mennonite Encyclopedia: in 4 vol. — Hillsboro, Scottdale, 1955—1959.
17. Urry J. None but saints: the transformation of Mennonite life in Russia, 1789—1889. — Winnipeg. 1989.

**«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК:
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ»**

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

20 февраля 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 27.02.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10,125. Тираж 550 экз.

Издательство «Сибирская ассоциация консультантов»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Априори»
630099, г. Новосибирск, ул. Романова, 28